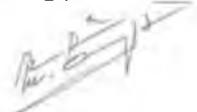

Министерство образования и науки Республики Таджикистан
Хорогский государственный университет имени М.Назаршоева
Кафедра таджикского языка

На правах рукописи

ТОЙЧИЕВ МАЙРАМБЕК ТОКОНОВИЧ

**ПРИНЦИПЫ АКТУАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНОСТИ
ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ**

Специальность 10.02.19. – Теория языка

**Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Офаридаев Н.**

Хорог - 2020

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДАЛЬНОСТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ	
1.1. Общее понятие модальности	15
1.2. Модальность в виртуальной модели движения мыслительной энергии	32
1.3. О наклонениях	36
1.4. Современные тенденции изучения языковой модальности Эпистемическая модальность и эвиденциальность	41
1.5. Сущность модальности предположения	47
1.5.1. Предположение в аспекте логического умозаключения	50
<i>1.5.1.1. Предположение в аспекте условности</i>	52
<i>1.5.1.2. Предположение в аспекте вопросительности</i>	54
1.5.2. Предположение в аспекте кажимости	57
1.5.3. Предположение в аспекте засвидетельствованности	61
Выводы к первой главе	63
ГЛАВА II. МОДАЛЬНОСТЬ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ	
2.1. Общие сведения о предположительных значениях в кыргызском языке	65
2.2. Морфологический способ выражения предположения	68
2.2.1. Аффиксы /-дай/ и /-ча/	69
2.2.2. Аффиксы /-сы/, /-сын/ и /-чыла/. Модальность поддельного действия	75
2.2.3. Аффикс /-тан/. Глаголы уподобления	79
2.2.4. Аффикс /-туу/. Послелог уподобления	85
2.2.5. Аффикс /-дыр/	86
2.2.6. Аффиксы /-ар/ и /-бас/	90
2.2.7. Аффикс /-бы/	91
2.2.8. Аффикс /-мак/	93
2.2.9. Аффикс /-ба/	97

2.3. Лексико-грамматический способ выражения предположения	98
2.3.1. Модальные слова	98
2.3.1.1. <i>Послелогии уподобления</i> <i>сымал, сымак, сыңары, оқиош</i>	98
2.3.1.2. <i>Модальные слова</i> <i>имши, дейт / дешет, экен / бекен</i>	99
2.3.1.3. <i>Модальные слова</i> <i>ыктымал, мүмкүн, балким, чыгаар</i>	103
2.3.2. Модальные частицы <i>го, белем, бейм</i>	106
2.3.3. Аналитические конструкции и модальные обороты	111
2.3.3.1. <i>Конструкции: /-дай/ + бол/сезил/туюл; /-сын/ + сезил/туюл</i>	111
2.3.3.2. <i>Модальные обороты: бы/го+ дейм; /-ган /-дай/ + түрү + бар/жок</i>	112
2.3.3.3. <i>Модальные обороты: /-са/ + керек, /-уу/уш/ + керек, /-га/ + тийиш</i>	112
2.3.3.4. <i>Конструкции: /-ат/+ эле/болчу; /ар/бас/+ эле</i>	118
2.3.3.5. <i>Конструкции: деепричастие на /-ын/ + жүрбө(сүн);</i> глагол (всех форм) + <i>оқиобойбу</i>	120
2.3.3.6. <i>Конструкции: /-мыш/-максан/+ спрягаемые глаголы бол, эт;</i> <i>/-ган/ + спрягаемый глагол бол</i>	122
2.3.4. Вводные средства со значением предположения	124
Выводы ко второй главе	125

ГЛАВА III. МОДАЛЬНОСТЬ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С КЫРГЫЗСКИМ

3.1. О формах времени глагола	130
3.1.1. Общие сведения о формах времени глагола таджикского и кыргызского языков	130
3.1.2. Формы времени глагола таджикского языка в контрастивном сопоставлении с кыргызским языком	133
3.1.2.1. <i>Настояще-будущее время /Замони ҳозира-оянда</i>	133
3.1.2.2. <i>Настоящее определённое время /Замони ҳозираи муайян</i>	135
3.1.2.3. <i>Будущее составное время/Замони ояндаи таркибӣ (китобӣ)</i>	137
3.1.2.4. <i>Простое прошедшее время /Замони гузаштаи оддӣ</i>	138
3.1.2.5. <i>Прошедшее длительное время /Замони гузаштаи ҳикоягӣ</i>	139
3.1.2.6. <i>Преждепрошедшее время /Замони гузаштаи дур</i>	141
3.1.2.7. <i>Прошедшее определённое время /Замони гузаштаи муайян</i>	142
3.1.2.8. <i>Основная форма перфекта/Замони гузаштаи нақлӣ</i>	144
3.1.2.9. <i>Перфект длительный /Замони гузаштаи ҳикоягии нақлӣ</i>	147
3.1.2.10. <i>Преждепрошедший перфект/Замони гузаштаи дури нақлӣ</i>	150
3.1.2.11. <i>Перфект определённый /Замони гузаштаи муайяни нақлӣ</i>	151

3.2. Морфологический способ выражения предположения	153
Аффиксы /ме-/ и /-гӣ/	153
3.3. Лексико-грамматический способ выражения предположения	157
3.3.1. Средства таджикского языка с семантикой уподобления	157
3.3.2. Модальные слова	158
3.3.2.1. Модальное слово барин	159
3.3.2.2. Модальные слова гӯё, гӯӣ, мазмун	161
3.3.2.3. Модальные слова мумкин, эҳтимол, шояд, балки, гумон	163
3.3.3. Модальные частицы /-мӣ/, оё, магар, мабодо, нахонд	167
3.3.4. Модальные обороты и конструкции	169
3.3.4.1. Конструкции: дее / причастие + бошад; шояд + дее / причастие + бошад.....	169
3.3.4.2. Модальные обороты: аҷаб не; аз афташ (афти кор)	172
3.3.4.3. Конструкции: чунин+ намудан; чунин+вонамуд + гардидан; ба +субстантивированное прилагательное +задан.....	173
Выводы к третьей главе	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180
БИБЛИОГРАФИЯ	183
ИСТОЧНИКИ	194
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	199

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена обобщению и систематизации теоретических предпосылок интерпретации процесса актуализации модальности предположения на материале разноструктурных: *кыргызского* и *таджикского* языков в плане сопоставления особенностей функционирования в них морфологических и лексико-грамматических средств репрезентирующих значения, составляющие семантику предположения.

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим интересом к значению человеческого мышления в языке, который наблюдается сейчас в мире. Человеческий фактор в высказывании находит своё отражение в модальности, являющейся категорией логики и философии.

Концепция модальности своими корнями уходит в глубокую древность, когда Аристотель говорил о разделении всего сущего на две группы: сущее в *возможности* и сущее в *действительности*. В результате такого разграничения возникла модальная логика - наука, в которой «модальности, наряду с логическими операциями, применяются к высказываниям и предикатам»[177: 381].

Следовательно, модальность является общим объектом изучения двух разных научных дисциплин: логики и лингвистики. Однако её исследование предполагает существенное различие в подходе с позиций логики и лингвистики, что обнаруживает контуры *языковой модальности* как *лингвистического* понятия.

Известно, что при огромном количестве и разнообразии специальных исследований, проводимых в течение многих лет и в разных странах, проблема адекватной интерпретации языковой модальности всё ещё не находит своего окончательного решения. Противоречивые, порой взаимоисключающие выводы, к которым приводят исследования одних и тех же языковых явлений показывают, что до сих пор не найден соответствующий подход к решению этой проблемы.

Необходимость исследования языковой модальности обусловлена не только сугубо теоретическими задачами лингвистики как научной дисциплины, но и её «бытийностью», характеризуемой практическими задачами, требующими неотложного решения, ибо язык пронизывает всю внутреннюю сущность человеческой личности во всех её повседневных проявлениях; в этом смысле, безусловно, её отношение к действительности, отражаемое прежде всего в речи, представляет собой краеугольный камень, на котором зиждется человеческое эго.

Насущность вопроса изучения взаимоотношения личности и действительности ощущается особенно явственно в свете тех глобальных проблем, с которыми сталкивается человечество в последние десятилетия, - проблем, возникновение которых зачастую непосредственно связано с конкретными проявлениями человеческого эго.

Особую актуальность приобретает данный вопрос в условиях неимоверного роста коммуникативных возможностей человека, когда такие понятия как *расстояние, время, движение* меняют свои привычные параметры восприятия, подстёгивая новые устремления человеческого эго, вместе с ним усугубляя остроту взаимоувязанности всего и вся в масштабе глобального мира.

Это обстоятельство поспособствовало всеобщему исследовательскому интересу к вопросу взаимодействия индивидуальной мысли с актуальным миром. В результате всё, что связано с мыслью т.е. всё, что характеризует субъективность человеческой природы - воля, желание, ожидания и т.д. приобрело невиданную доселе значимость, и это явление получило название *антропоцентрической парадигмы* в лингвистике.

«Господство принципов антропоцентризма роднит лингвистику со многими другими областями знания, ибо интерес к человеку, как центру вселенной, и человеческим потребностям, как определяющим разные типы человеческой деятельности, знаменует переориентацию, наблюдаемую во многих фундаментальных науках: в физике это признание позиции наблюдателя, в

литературоведении — обращение к образам автора и читателя в их разных ипостасях, в мегаэкологии — внимание ко всем проблемам окружающей среды и к достижению известной гармонии во взаимодействии человека с природой и т.д.

Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям в развитии человеческой личности и ее усовершенствования.»[11: 54]. Таким образом, в лингвистике «...антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается его главной характеристикой, важнейшей составляющей.» [7:165].

Язык стал исследоваться в различных аспектах: социолингвистическом, психолингвистическом, прагматическом, лингвокультурологическом и т.д. В этом процессе одну из центральных позиций занимает вопрос о способе взаимоотношения языковой личности с действительностью, называемой иначе - языковой модальностью.

«Модальность начинает рассматриваться не просто как грамматическая категория, соотносящаяся с категориями времени и наклонения, но и как многоплановая функционально-семантическая и прагматическая категория, выражающая отношение высказывания к действительности и отношение говорящего к высказыванию и действительности.»[84:142].

Степень изученности темы. Систематизация средств выражения языковой модальности связана с системным и всесторонним исследованием кыргызского и таджикского языков, главным образом в советский и постсоветский периоды, когда создавалось большое количество словарей, грамматик, учебников, монографий, защищались диссертации, в т.ч. и на тему языковой модальности. В частности, в этот период выделены наклонения в системе глагола этих языков.

Антропоцентристские тенденции находят отклик и в процессе современных кыргызских и таджикских лингвистических исследований, что прежде всего отражается в тематическом направлении работ исследователей; в частности появились работы, рассматривающие вопросы лексикологии и фразеологизма современного кыргызского языка в рамках новых научных парадигм (А. Сапарбаев [119], Г. О. Ибраимова [48]), в сопоставлении с современным английским (А. Т. Абдраева [1;106], К. М. Эсенбаева [122], А. М. Эшкараева [123]), немецким (О. С. Абдыкаимова [2]), китайским (А. Абыкеева [3], Б. Керимкулова [114]) языками; а также работы, исследующие отдельные вопросы морфологии, синтаксиса и семантики кыргызского языка с точки зрения новых научных реалий (Ж. Элчиев [121], Д. Ж. Кадыралиева [49]); работы по вопросам языковой модальности (Д. Джусаев [42; 43], М. К. Карагулова [53;54], Б. Бабашева [18], Ж. Жумагулова [113], Н. С. Акишева [8;9], А. С. Акматова [10], Б. О. Камбарова [51]) и др.

Однако следует признать тот факт, что исследования в рамках современной теории модальности ведутся недостаточно активно и последовательно. В результате многие вопросы, связанные с соотносённостью высказывания с действительностью остаются нерешёнными, вызывая дискуссии.

Одна из проблем, связанных с модальностью заключается в том, что темпоральные показатели предположительного действия, подразумеваемые в пределах общей с *будущим сомнительным временем (арсар келер чак)* [116:349-351] парадигмы не укладывались в неё в полной мере с точки зрения современной грамматики кыргызского языка т.е. случаи *настоящего* и *прошедшего* времени грамматикализованного выражения предположительности действия оказывались как бы «лишними» в ней.

Такая парадигма, тем не менее, в других языках полноценно функционировала. Одним из таких языков оказался таджикский, с которым, как известно, кыргызский язык взаимодействует не одно и не два столетия.

Таджикский язык, в свою очередь, имеет свои особенности как предмет лингвистических исследований.

Следует отметить, что в нём сегодня также велик исследовательский интерес к сопоставительному изучению лексикологии и фразеологизма, морфологии и синтаксиса; в частности опубликованы работы по данной тематике М. Н. Азимовой [6], М. Н. Саидходжаевой [82; 83], Б. С. Авезовой [4], К. Т. Гафаровой [33], З.М. Шариповой [99] и др. по сопоставлению с русским, английским, немецким, арабским, хинди языками; а также работы, исследующие отдельные вопросы морфологии и синтаксиса таджикского языка в сопоставлении с другими языками (П. Джамshedов [41], М. Т. Джаббарова [40], У. Абдурахмонов [125], С. О. Холикова [96]); работы по отдельным вопросам языковой модальности (Д. С. Негматова [71], Ф. Ш. Солихов [89], А. Мамадназаров [65]) и др.

А. Мамадназаровым проводилось всестороннее исследование категории ирреальности, в частности сослагательной модальности таджикского языка в сопоставлении с английским языком.

Ф. Ш. Солихов посвятил диссертационную работу исследованию модальности предположения таджикского языка в аспекте функциональной теории также в сопоставлении с английским языком.

Обнаруживается, что при весьма солидном опыте сопоставительного изучения алтайских и индоевропейских языков еще не проводились специальные исследования кыргызского и таджикского языков в сопоставительном плане.

Вышеизложенным определяется **актуальность** настоящего диссертационного сочинения, **объектом** которого послужила модальность предположения кыргызского и таджикского языков, а непосредственным **предметом** анализа явилось исследование общих и отличительных свойств её реализации в плане взаимного их сопоставления.

Целью диссертационной работы является выявление общих закономерностей актуализации модальности предположения на основании сопоставительного изучения специфики выражения предположительных значений на материале современных художественных и публицистических текстов кыргызского и таджикского языков. На достижение вышеуказанной цели исследования направлено решение следующих конкретных **задач**:

- установить объём морфологических и лексико - грамматических средств выражения ;
- выявить закономерности актуализации проблематической достоверности;
- выявить иерархию средств выражения модальности предположения по функциональным свойствам;
- определить диапазон взаимной сочетаемости средств выражения модальности предположения;
- определить диапазон сочетаемости средств выражения модальности предположения с формами времени глагола;
- выявить соответствия и расхождения между средствами выражении модальности предположения сопоставляемых языков в комплексном плане;
- определить характер и принципы актуализации модальности предположения.

Методика исследования. Выполнению указанных задач послужила комплексная **методика** анализа, включающая методы описательного, контекстуального и сопоставительного анализа, а также приёмы контрастивного сопоставления, сплошной выборки и количественных подсчетов.

Теоретическую базу исследования составили соответствующие положения, изложенные в различных трудах научной и методологической направленности по алтайским и индоевропейским языкам, общей теории языка и теории модальности, типологии и сравнительному языкознанию, психолингвистике, философии, логике, физике и математике: И. Канта, Ш. Балли, А. А.

Реформатского, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Э. Р. Тенишева, Н. А. Баскакова, К. Тыныстанова, З. Бектенова, К. К. Юдахина, В. С. Расторгуевой, А. А. Каримовой, Д. Т. Таджиева, Г. Джураева, Б. М. Юнусалиева, Х. Карасаева, Г. В. Колшанского, А. А. Юлдашева, М. В. Зайнуллина, В. З. Панфилова, О. В. Захаровой, Ю. С. Степанова, А. В. Бондарко, Н. Д. Арутюновой, В. А. Плунгяна, В. С. Храковского, А. А. Озоновой, С. Д. Арзуманова, В. А. Пищальниковой, Т. М. Рогожниковой, Г. А. Золотова, И. Н. Горелова, Л. Н. Чурилиной, С. А. Давлетова, А. В. Зеленщикова, Ф. Р. Палмера, Э. Бенвениста, Г. Гийома, Дж. Ньютса, Дж. Л. Байби, Д. Ф. Хаан, В - д. Аувера, Б. М. Яворского, М. Я. Выгодского, А. А. Берн, М. А. Шелякина, С. А. Москвичевой, А. Хромова, Ш. Рустамова, Б. Орузбаевой, Д. Джусаева, Р. Г. Гаффорова, П. Джамшедова, С. Назарзода, Х. Маджидова, Д. Ходжаева, А. Мамадназарова, К. А. Биялиева, А. А. Акматалиева, С. Халимиён и др. исследователей.

Материалом для анализа послужили около 5000 предложений-высказываний со средствами выражения модальности предположения полученных методом сплошной выборки из современных художественных и публицистических текстов кыргызского и таджикского языков.

Тексты на кыргызском языке взяты не только из произведений известных писателей, но и прозаиков нового поколения. Публицистический стиль представлен в текстах, относящихся к различным кыргызскоязычным периодическим интернет-ресурсам.

Тексты на таджикском языке относятся, главным образом, к материалам, опубликованным в журнале «Садои Шарк» в 2007-2011 гг., в которых представлены образцы прозы разных стилей и направлений, относящейся как к новому времени так и советской эпохе, а также различные статьи публицистического и литературоведческого содержания.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что :

- впервые проводится комплексный анализ реализации модальности предположения в двух структурно разных языках;

- впервые выявляются закономерности и внутриязыковая специфика употребления маркёров предположительности кыргызского и таджикского языков в комплексно-сопоставительном аспекте.

- впервые выявлены типологические соответствия и расхождения морфологических средств кыргызского и таджикского языков, актуализирующих модальность предположения;

- впервые определены лексические средства кыргызского и таджикского языков, актуализирующие модальность предположения в полном объёме;

- применён принципиально новый подход к интерпретации сущности языковой модальности, рассматривающий её в контексте общности *физического времени* для объективного и виртуального миров.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что её материал, наблюдения и выводы вносят определенный вклад в дальнейшую разработку теории модальности как универсальной языковой категории с позиции как иранского так и тюркологического сопоставительного языкознания.

Практическая значимость исследования определяется тем, что материалы исследования могут быть использованы при написании учебников и учебных пособий по типологии и сравнительному языкознанию и разработке учебно - методических пособий для преподавания кыргызского языка в таджикской аудитории и таджикского языка в кыргызской аудитории, а также в переводческой практике.

Личный вклад диссертанта в разрабатываемую тему состоит в том, что он настоящим исследованием фиксирует факт начала сопоставительного изучения кыргызского и таджикского языков, что может мотивировать исследователей на участие в решении актуальных научно-исследовательских задач кыргызско-таджикского сопоставительного языкознания.

Определена типология выражения модальности предположения кыргызского и таджикского языков, что даёт возможность выявления специфических особенностей грамматического строя сопоставляемых языков.

В диссертации отдельно указаны источники материалов диссертационного исследования: художественные и публицистические издания, включая интернет-ресурсы.

По возможности даны существующие переводы использованных предложений на русском языке. Если официальный перевод используемого примера на русском языке отсутствовал вообще или по каким-то причинам оказался недоступным, то перевод осуществлялся диссертантом лично – на это указывает отсутствие ссылки, а в остальных случаях все русские переводы примеров снабжены соответствующими ссылками. При необходимости параллельно с существующим (художественным) переводом примера приводится его подстрочный (буквальный) перевод, выполненный диссертантом.

Это касается также и всех случаев перевода примеров диссертантом на таджикский и киргизский языки, при этом все эти переводы имеют сугубо исследовательское назначение в рамках настоящей работы и не претендуют на статус официального.

Диссертантом введены в научный обиход новые лингвистические материалы по сопоставлению киргизского и таджикского языков на основе текстов художественной и публицистической литературы.

В соответствии с поставленной целью в качестве **основных положений**, определяющих научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы, на защиту выносятся следующие:

1. Являются универсальными следующие принципы актуализации модальности предположения: в результате логического умозаключения говорящего при сопутствующих интуитивно - чувственных сигналах; на фоне кажимости, условности, побудительности, вопросительности, отрицания, засвидетельствованности и миративности не только в отдельности, но и при одновременных их сочетаниях соответствующих конфигураций, исходя из национально - ментальных особенностей языка; используя *уподобление* в качестве основного средства осмысления кажимости как языкового явления; предикатив-

ностью позиции в предложении лексических средств, выражающих уподобление.

2. Лексико – грамматический способ выражения модальности предположения в кыргызском языке преимущественно представлен дистрибутивно, а в таджикском языке реализуется в основном через систему функционирования высоковалентных лексических средств (т.е. модальные слова).

3. Наблюдается изоморфизм между вспомогательными глаголами кыргызского и таджикского языков с семей *быть/находиться*, а именно: форма *замони гузаштаи оддӣ (простого прошедшего времени)* вспомогательного глагола *будан* таджикского языка в значении *быть* изоморфна: а) форме прошедшего времени от вспомогательного глагола *э(p)* в значении *быть*, (т.е. *эле*); а также б) форме *адат ӕткӕн чак (прошедшего длительного времени)* вспомогательного глагола *бол* (т.е. *болчу*) кыргызского языка в значении *быть*; форма основного перфекта глагола *будан* изоморфна причастной форме прошедшего времени кыргызского вспомогательного глагола *э(p)* в значении *быть* (т.е. *экен*).

4. Наблюдается наличие предположительного наклонения (*божомол ыңгай*) в кыргызском языке, а именно: также как и в таджикском, в котором выделено предположительное наклонение, в формах будущего и прошедшего времени глагола кыргызского языка предположительность может быть выражена на аффиксальном уровне, а в форме настоящего времени она выражается аналитически т.е. сочетанием основного и вспомогательного глаголов; при этом аффикс */-дыр/* является одним из главных признаков предположительного наклонения в кыргызском языке т.к. он не выражает других сопутствующих модальностей кроме предположения, тогда как другие аффиксы предположения, которых в кыргызском языке насчитывается более десятка, имеют характер смежности т.е. омонимичны или полисемичны; в кыргызском языке полноценно функционирует аффикс предположительности */-гыдай/*, являющийся (в виде фонетических вариантов) общим для близкородственных хакасского (*/-*

гадазл) и алтайского (*/-гадыйл*) языков, в которых он выделен в качестве основного признака предположительного наклонения.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 10.02.19 - Теория языка: 1. Теоретическая лингвистика. Язык и мышление, их взаимодействие. Природа естественного языка. Язык как объект лингвистики. Родственные и неродственные языки. Лингвистика и смежные науки. Связь с естественными науками: математика, физика; 4. Морфология. Понятие модальности и категория наклонения; синтаксический аспект наклонения. Эвиденциальность. Грамматическая типология; проблема сопоставимости грамматических категорий разных языков; 11. Типология. Эмпирическая база типологии. Межъязыковые сравнения. Языковые универсалии. Структурный изоморфизм. Изоморфизм отношений между компонентами значения и формы.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры таджикского языка а также на ежегодных научных конференциях профессорско - преподавательского состава Хорогского государственного университета им.М.Назаршоева в период 2015-2020 гг. По теме диссертации опубликованы одна монография, 6 статей в научных журналах, рекомендуемых в реестре ВАК РФ, 5 статей в других изданиях. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры таджикского языка Хорогского государственного университета им. М.Назаршоева (протокол № «13» от 05.01. 2021 года).

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списков источников, использованной литературы и сокращений.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДАЛЬНОСТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

1.1.Общее понятие модальности

Исследователи языковой модальности оперируют такими категориями, как возможность / невозможность, уверенность / сомнение, достоверность / кажимость, реальность / мнимость... и т.д. которые взаимодействуя в свете и бесчисленных преломлениях осознания радости / горечи, восхищения / презрения, любви / ненависти, воодушевления / разочарования, сострадания / злорадства... и т.д. отражают саму сущность феноменального разнообразия отношений, имеющих место быть в том внутреннем *космосе*, который - у каждого индивида неповторимо-собственный.

С этим обстоятельством, на наш взгляд, связан тот факт, что *языковая модальность*, которую мы намерены исследовать в предлагаемой работе, на сегодняшний день не имеет чёткого и исчерпывающего (всеми признаваемого) определения. И это при общеизвестном факте, что разговоры о ней ведутся в буквальном смысле тысячи лет, т.е. с тех ещё пор, когда сам Аристотель (384 — 322 до н. э.) говорил об унилатеральной (безусловной) и билатеральной (условной, акцидентальной) модальностях, разделив всё сущее на «сущее в действительности» и «сущее в возможности» [85:225-226].

Позже вопрос о модальности стал изучаться согласно трактовке схоласта Дунса Скота, который в отличие от Аристотеля исходил из первичности возможного по отношению к действительному, что предполагает наличие *совозможностей*. Это положило основу *теории возможных миров*, которую разработали и развили немецкие философы Г.Лейбниц и И.Кант.

Согласно Г.Лейбницу существует возможность выбора из бесконечного множества миров и свободой выбора обладает *Божественный разум*.

И.Кант группирует все понятия и суждения в 12 категориях, среди которых выделяется и *модальность*, которая как он считал, должна рассматри-

ваться в противопоставлениях: *существует / не существует, необходимо / случайно* и *возможно / невозможно*.

Он выделил три типа суждения, на которых строится мышление человека: а) *ассерторический*, объединяющий суждения о *действительности* т.е. о наличии явления, факта; б) *аподиктический*, в который входят суждения, связанные с *необходимостью*; в) *проблематический*, характеризующий суждения со значением *возможности*.

Размышляя над соотношениями действительности, необходимости и возможности И.Кант пришёл к заключению о том, что: «есть существо, существование которого предшествует самой возможности его самого и всех вообще вещей и о котором поэтому говорят, что его существование безусловно необходимо. Это существо называется Богом»[52]. Иначе говоря, И.Кант признаёт первичность сущего в действительном за исключением Бога, который существует *безусловно необходимо*.

Разграничение понятий возможности и действительности обусловило зарождение модальной логики, науки, в которой «модальности, наряду с логическими операциями, применяются к высказываниям и предикатам»[177: 381].

Следовательно, модальность представляет собой объект изучения логики равно как и лингвистики. Вместе с тем выясняется, что при общности многих положений, устанавливаемых относительно данного понятия имеется существенное различие в подходе к его трактовке с позиций логики и лингвистики.

Это различие характеризуется в таком сравнении: «...логика – это идеально прямая линия, это воображение прямой линии. Если нет происшествия на пути из Парижа в Рим, нет поворотов, объездов, преодоления препятствий, это будет путешествие по прямой, не отвлекающее от цели. Логика – это воображаемая простота. Не знаю, каким был бы язык, построенный по этой воображаемой линии... Знаю только то, что наблюдаемый язык не следует такой прямой дорогой.» [39:18].

При всей, как нам кажется, упрощённости представления здесь логики как методики научного познания, в этом сравнении наглядно проиллюстрирована суть сложностей, встречаемых языковедами при попытке систематизировать большое количество гетерогенных явлений языкового (речевого) процесса, нередко обнаруживаемых вдруг и вопреки ранее установленным положениям или считавшимся самоочевидными постулатам .

Правда, современные исследователи утверждают о том, что «за достаточно большой период (более 60 лет) в этой области учёными сделано весьма много, в том числе установлены содержательный объём и средства её выражения» [29:7], и, что «одним из главных итогов развития теории модальности в лингвистике можно считать выявление всеобъемлющего характера данной категории по отношению к языку...» [26:180].

Многие исследователи признают, однако, что она «представляет собой один из феноменов, которые наряду с бесспорностью своего существования в языке постоянно ускользают от более или менее четкого определения» [14:181] и, что «в практике лингвистических исследований границы употребления термина “модальность” утратили определённую чёткость. Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, трудно назвать даже двух авторов, которые понимали бы модальность одинаково.» [25:67]. Некоторые исследователи более категоричны в своих оценках, утверждая, что всё-ещё «не выработано представление о сущности модальности как таковой» [66:58].

Все эти и многие другие мнения подобного содержания, относящиеся к новейшему времени и отражающие реальное положение вещей на данный момент свидетельствуют о высшей степени сложности проблемы адекватной интерпретации (языковой) модальности. И это доказывает, на наш взгляд, факт того, что до сих пор не найден требуемый подход к этой проблеме, хотя применяются различные подходы.

Имеется опыт их обобщения, выделяя четыре таких подхода: «...в традиционном понимании, в терминах структуры “модус - диктум”, как модусная

категория и как функционально-смысловое поле» [28:113]. Следует добавить, что первые два часто применяются вместе, дополняя друг друга, т.к. имеют тесную взаимосвязь.

Считается, что автором концепции, на которой базируется трактовка языковой модальности в современном её виде был швейцарский лингвист Шарль Балли, хотя учёными приводятся факты и о том, что таковым на самом деле являлся средневековый французский схоласт Пьер Абеляр (XI-XII в.в.) [85:225] .

Согласно этой концепции высказывание состоит из двух частей, называемых: *диктум* и *модус*, первая из которых представляет собой объективное высказывание, а вторая – личную оценку этого высказывания со стороны говорящего [19:69-82]. Безусловно, с этим положением связан и традиционный подход, предполагающий членение модальности на *объективную* и *субъективную* составляющие:

-объективная модальность обозначает отношение высказывания к действительности в плане реальности / ирреальности (т.е. осуществимость и осуществлённость события рассматривается в противопоставлении его неосуществлённости), и такой признак считается обязательно присутствующим в любом предложении;

- субъективная модальность выражает отношение говорящего к высказыванию, что означает необязательность (факультативность) для предложения этого признака.

Такое разделение модальности поддерживается большинством исследователей .

Концепция модальности, выдвинутая Ш.Балли, получила дальнейшую разработку, сложившись в стройную теорию в трудах акад. В.В. Виноградова и последователей его школы. Основные положения этого учения изложены в специальной работе В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке»[31], получившей большую популярность.

Точку зрения В.В. Виноградова на категорию модальности представим в нижеследующем обзоре:

В.В. Виноградов подчеркивает, что модальность прежде всего проявляется в предложении. «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности» [31:55]. Модальными различиями определяются типы предложений, «категория модальности предложений принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий», которая «ярче всего и многообразнее выражается интонационным способом» [31:59-60].

«Эмоциональное или аффективно-волевые изъявления» в устной речи и художественной литературе отражаются в модальных своеобразиях интонаций. Особенно «модальность предложения, выражаемая интонацией, ярко даёт о себе знать во всех морфологических типах предложений, например, в именных, наречных, междометных, вокативных и т.п.» [31:59- 60].

Среди них в качестве основных выделяется 4 морфологических типа: 1)восклицательные; 2)вопросительные; 3)описательные; 4)предложения, выражающие пожелание и приказание [31: 60].

«Модальность передается всеми значениями и оттенками, выражаемыми синтаксическими и аналитическими формами наклонений глагола» [31:62-64]. Соединение инфинитива с глаголом выражает следующие модальные значения: возможность, необходимость, желание, намерение, стремление произвести действие, изъявление воли к осуществлению какого-нибудь действия, просьбу, повеление, приказание [31: 65].

Модальными считаются значения, выражаемые сочетаниями инфинитива с отыменными словами, обозначающими состояние и являющимися предикативными прилагательными. Сюда включаются значения возможности, долженствования, необходимости, эмоциональная характеристика действия [31: 66].

Модальные значения передают «вводные выражения, являющиеся редуцированными предложениями», «вводные предложения», а также «сложные синтаксические целые» [31: 84].

Богатейшая гамма значений выражается модальными словами и модальными частицами, союзами и союзной связью предложений, грамматическими разрядами слов, промежуточными между союзами и модальными словами [31:72].

При этом к модальности относятся значения усилительно-ограничительных, количественно-определяющих частиц, а также обобщение, заключение, выделение, ограничение, количественная и качественная оценка, уточнение, пояснение, присоединение, обособление отдельных частей сообщения, противопоставления или ограничительное допущение мыслей в рамках сообщения, порядок следования мыслей, последовательность их расположения, выражаемые союзно-модальными словами [31:78].

Как явствует из вышизложенного, акад. В.В. Виноградов относит к категории модальности *всё*, что связано с отношением говорящего к действительности. Однако такая трактовка модальности поддерживается не всеми учёными.

Так, В.З.Панфилов утверждает, что при такой трактовке «... категория модальности становится весьма аморфной — по существу в нее попадают все те языковые явления, которые по тем или иным причинам не находят места среди других грамматических или лексико-грамматических категорий. Различная языковая природа всех этих явлений очевидна, их невозможно охватить даже самыми широкими определениями категории модальности типа: “модальность выражает отношение содержания сообщения к действительности” или “модальность выражает отношение говорящего к содержанию сообщения”» [75:47], и «... объединять их в пределах одной грамматической или лексико-грамматической категории модальности не представляется возможным» [75:47].

В результате такого разногласия в лингвистике обозначились два разных толкования модальности, соответственно называемых «широким» и «узким» .

Если первое представлено такими учёными, как Ш. Балли, В.В. Виноградов, Э. Бенвенист, Н. Ю. Шведова, Т. Б. Алисова, В. Г. Гак, М. Грепл, Н. Е. Петров, А. Филипповская и другие, то представителями второго подхода выступают В. З. Панфилов, Г. В. Колшанский, Б. В. Хрычиков, Е. М. Галкина-Федорук, В. Н. Бондаренко, Т. В. Шмелёва, Г. В. Золотова и др.

Представители широкого понимания модальности включают в зону модальности коммуникативную установку речи (Т. Б. Алисова, В. Г. Адмони, М. Грепл), эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания (Н. Ю. Шведова, А. Филипповская), а также оценочное значение (Н.Е. Петров, М.В. Ляпон).

Критики широкого толкования модальности (В.З. Панфилов, М. Грепл) решительно исключают эмоциональность из зоны модальных значений, считая её «широкой психологической категорией, связанной с любым проявлением реакции человека на те или иные внешние или внутренние раздражители» [68: 6]. Сторонники узкого понимания модальности главным образом исходят из противопоставления *реальность / нереальность* и выделяют три основных вида модальных отношений:

1. Отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего (в плане реальность / нереальность);
2. Отношение говорящего к содержанию высказывания (в плане уверенность / неуверенность);
3. Отношение между субъектом - носителем признака и предикативным признаком (в плане возможности, необходимости или желательности) [47:142].

Это свидетельствует о большом влиянии теории модальности В.В. Виноградова на других исследователей т.е. при категоризации понятия, обозначаемого термином *модальность*, основополагающим считается принцип соотнесённости высказываемого с действительностью.

С этим обстоятельством связан другой ключевой момент этой проблемы, который связан с необходимостью отграничения модальности от предикативности. Такая необходимость обусловлена тем, что функционально совпадая друг с другом (в части «отнесения сообщаемого к действительности») эти два понятия «выглядят» разными.

Некоторые пытаются развести их, например, по признаку и мере соотносительности с контекстом.

Другие исследователи исходят из положений модальной логики, например: « $Pred = Mod \wedge (p \wedge n \wedge c \wedge t \wedge a \wedge v)$ », где соответственно: Pred – предикативность, Mod – модальность, p - лицо, n - число, c – пространство, a – аспектуальность, t – время, v – залоговость, \wedge - логический знак конъюнкции (в смысле присоединения), \vee - логический знак дизъюнкции (в неисключающем смысле). Из данной формулы со всей очевидностью вытекает соотношение модальности и предикативности, а также роль модальности как основного конституирующего компонента (семантической доминанты) категории предикативности.»[15:9].

Имеется также утверждение о том, что «модальность как оценка реальности действия не только обязательно присутствует в предикативности, наслаивается на неё, но и обладает существенными общими с ней чертами. Однако модальность не совпадает с предикативностью, а является другим моментом грамматического строя. Модальное отношение наслаивается на предикативное отношение, может выступать и в других синтаксических отношениях, входя во второстепенные члены предложения» [5:70].

Большинством ученых модальность интерпретируется как составная часть предикативности (В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, Т. И. Дешериева), а другие, наоборот, модальность трактуют как категорию более широкую, чем предикативность (Е. И. Беляева, Е. В. Милосердова).

Модальность и предикативность совпадают в том, что обе эти категории соотносят сообщаемое с действительностью. А отличие предикативности сос-

тоит в том, что в ней отсутствует тот элемент субъективности, который лежит в основе всех категорий модальности [68].

Но следует признать, что окончательно «развести» их пока не удаётся, неопределённость их взаимной соотнесённости как двух самостоятельных, но взаимодействующих и взаимопроникающих категорий пока сохраняется.

Мы же склонны считать, что о предикативности можно говорить лишь в синтаксическом аспекте, абстрагируясь от лексического плана.

В реальной жизни (т.е. в речи) имеем дело только с модальностью, т.к. без участия субъективного компонента не может быть реализован никакой речевой, тем более коммуникативный акт.

Некоторые учёные суть концепции «модус / диктум» сводят к более ёмкой формуле: диктум – это то, *что сказано*, модус- это то, *как сказано* говорящим [69].

Считаем, что такая формулировка точнее отражает положение вещей: если вопрос «что?» предполагает констатацию, то вопрос «как?» предполагает интерпретацию, которая реализуема в любом аспекте и под любым углом зрения. С этим обстоятельством, на наш взгляд, связана многоплановость категории модальности, что и предопределило возникновение широкого спектра интерпретаций её сущностной характеристики.

Нет единого мнения по вопросу о том, что является определяющим фактором при фиксировании соотнесённости высказываемого с действительностью - дискуссии начинаются уже на этой - самой начальной стадии осмысления проблемы.

«Различия в понимании модальности состоят в том, что объем этого понятия и охват им языковых явлений не совпадают в концепциях разных авторов...» [98:25].

Учёные предлагают противопоставления различного плана, из которых следовало бы исходить.

Приводим некоторые наиболее характерные цитаты:

- «... все модальные значения составляют единую семантическую категорию, организуемую главным противопоставлением реальность / ирреальность и некоторым количеством более частных противопоставлений»[100:86]:

-«... модальность может рассматриваться как комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности / ирреальности. То или иное отношение к этим признакам представлено в значениях:

- 1) актуальности /потенциальности (возможности, гипотетичности, необходимости);
- 2) оценки достоверности;
- 3) коммуникативной установки высказывания;
- 4) утверждения / отрицания;
- 5) засвидетельствованности (пересказывания / непересказывания).

С модальностью частично связана семантико - прагматическая сфера качественной и эмоциональной оценки{... }»; цитировано по[32:52];

-«... структурно-содержательный объем модальности представляет собой тесное переплетение объективных и субъективных значений со сложным рисунком их функциональных “переливов” и межкатегориальных связей, и учет этого дает возможность более глубоко рассмотреть ее специфику как коммуникативной категории»[29:12];

-«Под модальностью мы понимаем разнородные явления, объединенные тем признаком, что все они так или иначе (грамматически, лексически, интонационно) выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [34:61];

Следует отметить, что западными лингвистами модальность трактуется несколько иначе, что наглядно проиллюстрирует отрывок из описания С.А. Москвичевой:

«...Собственной модальностью обладают и модус, и диктум высказывания:

Модальности модуса высказывания (modalites d'enonciation).

Существуют различные модальности модуса высказывания, зависящие от психологических установок субъекта высказывания. Данный тип модальности описывает отношения между субъектами высказывания.

Во французской лингвистической традиции обычно выделяют четыре модальности модуса:

1. ассертивную (assertive) (утвердительную): Tu restes souvent silencieux;
2. интеррогативную (interrogative) (вопросительную): Restes-tu souvent silencieux?
3. экскламативную (exclamative) (восклицательную): Tu restes souvent silencieux!
4. повелительную (jussive): Reste silencieux!

Модальности диктума высказывания (modalites d'enonce).

Данный тип модальности касается диктума высказывания и выражает позицию говорящего по отношению к содержанию высказывания. Данная модальность не затрагивает сферу отношений между говорящим и собеседником, а характеризует способы представления говорящим содержания диктума.

Существует два типа модальностей диктума: логические модальности и оценочные модальности;

а. Логические модальности:

- необходимости и возможности (алетическая модальность);
- времени (темпоральная модальность);
- разрешения и обязанности (деонтическая модальность);
- сожаления и желания (булическая модальность);
- знания и веры (эпистемическая модальность) ;

б. Оценочные модальности. В качестве иллюстрации данного типа модальности приведем схему(см.табл.№1) модальности имени

прилагательного, предложенную К. Кирбрат-Орекьони [Kerbrat-Orecchioni 2006]; [69]:

ТАБЛИЦА №1 МОДАЛЬНОСТЬ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО			
ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ			
Объективное /Objectifs	Субъективное /Subjectifs		
	Аффективное /Affectifs	Эвалюативное/Evualutifs	
		Неаксиологическое / non-axiologiques	Аксиологическое /axiologiques
<i>холостой/женатый; красный, синий, квадратный</i>	<i>мучительный, смешной, грустный, патетический</i>	<i>большой/малый, горячий/холодный, высокий/низкий</i>	<i>хороший/плохой, красивый/уродливый</i>

Расхождение во взглядах на сущность языковой модальности влечёт за собой различие и в толковании категориальной принадлежности этого понятия. Исследователи относят её к разным: грамматической, синтаксической, семантической, функционально-семантической, прагматической, понятийной, коммуникативно – семантической категориям.

На сегодняшний день, на наш взгляд, более или менее обобщённым признаётся определение, согласно которому модальность - это «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности и разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [161:303].

Следует отметить, что существуют две точки зрения, подвергающие сомнению саму состоятельность разделения модальности на объективную и субъективную составляющие, причём они аргументируются с полярно противоположных позиций:

1) модальность *объективна* «... поскольку все отношения, выражаемые категорией модальности, являются объективными; ибо они, как и прочие познанные человеком отношения действительности, обобщены в процессе речевой практики, объективированы в языке.» [54:56];

2) модальность *субъективна* т.к. «все языковые процессы осуществляются с точки зрения коллективного языкового сознания, в конечном счете – с точки зрения говорящего» [88:7], т.е. оспаривается факультативность признака субъективности высказывания.

Исследователи, представляющие данную точку зрения исходят из того, что говорящий «*не может никак не выразить* своего отношения к сообщению...» [60:131] и настаивают на неточности термина «объективная модальность», взамен предлагая термин «*объективно - относительная модальность*».

Нам представляется, что проблема связана с разницей в понимании *объективности* полемизирующими сторонами. Сторонники традиционного подхода *объективность* понимают как существование «вне нас как объект» [168,п.1):1086]. Смысл же вкладываемый в это понятие их оппонентами связан с признаком «непредвзятого и беспристрастного» [168,п.3):1086].

При таком понимании объективности, конечно, неизбежно встает вопрос соотношения сообщения с реальной действительностью и предлагаемый термин *объективно-относительная модальность*, на наш взгляд, требует осмысления, что и мы попытаемся сделать.

Считаем, что это важно не только по существу обсуждаемой детали проблемы, но вообще взгляд на эту проблему под таким углом зрения не лишён теоретического интереса.

Ради облегчения задачи осмысления, приглашаем читателя наблюдать процесс реализации объективной модальности (исходя из данной трактовки) лишь в плоскости действительного, при всей механистичности такого подхода.

Для этого понятие *достоверность* рассмотрим в пределах локации на «оси координат Я – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС» [60:128] т.е. в пределах, максимально соответствующих условию «беспристрастности», что предполагает признание объективности сообщения лишь только при полном и безусловном (уни-

латеральном) отражении реальной действительности в сознании собеседника (слушателя).

В таком случае, любое высказывание, описывающее реально происходящее событие в онлайн режиме могло бы соответствовать понятию «объективная модальность» для *данного момента* при условии, если:

- 1) сообщение *точно и полно* отражало бы реальную действительность;
- 2) говорящий не употреблял бы слов, указывающих на его личные восприятие и трактовку сообщаемого .

Однако, ясно, что соблюдение этих условий (особенно первого) можно допустить лишь теоретически, а на практике его вероятность ничтожно мала; следя за событием в прямом эфире, сопровождаемым онлайн радиоконментарием, пусть даже самым качественным и подробным, мы всегда осознаём, что остается ещё много деталей происходящего, которых мы сами *обречены* домысливать, т.к. комментатор при всей глубине своего профессионализма не способен добиться *абсолютной полноты* изустной репрезентации реально происходящего события.

Кроме того, процесс репрезентации, степень её достоверности полностью зависит от субъективных характеристик (интонация, психологическая предрасположенность, уровень знания, воля, навыки и т.д.) комментатора и слушателей.

Несомненно, в таком случае объективность сообщения приобретает характер *относительности* т.е. оно перестаёт быть объективным и реальная объективность временного плана реализации (настоящее время, онлайн режим) оказывается недостаточным основанием для того, чтобы признать такое сообщение объективным.

В случаях описания в настоящем времени событий, относящихся к прошлому (например в исторических романах) или к будущему (например в научной фантастике) объективность заведомо относительна, т.к. сам временной план «настоящего» является относительным. Поскольку понятие «объек-

тивность» не равнозначно понятию «относительная объективность», *объективно-относительная модальность* оказывается в структуре субъективности, которая в отличие от объективности допускает вариативность.

Следовательно, при рассматриваемой точке зрения на данное понятие вариант *относительно-объективная модальность* точнее отражал бы положение вещей, чем термин *объективно-относительная модальность*.

Бесспорно, терминологическая неоднозначность является не последним из факторов, затрудняющих работу исследователя языковой модальности; известно, что «[a] precise terminology is a conditio sine qua non if one wants to understand grammatical facts / для того, кто хочет понять факты грамматики, необходимым условием является точная терминология {...}» [27:84].

Под термином *объективная модальность* подразумевается относительно-объективная модальность, выражающая отношение высказывания к *относительной* (или *лингвистической*) действительности (в лингвистической литературе допущение подобного рода наблюдается также и в случае с термином «время», при котором подразумевается «грамматическое время», отличное от «реально - физического времени»). Важно, что относительная действительность может совпасть или не совпасть с реальной действительностью (она мыслится таковою).

Однако надо признать, что вариант *относительно-объективная модальность* также как и вариант *объективно-относительная модальность* вряд ли может рассматриваться в качестве адекватной номинации данного концепта хотя бы с точки зрения практичности. В этом смысле предпочтительнее выглядит принятый большинством термин *объективная модальность*, к которой «относятся те положения дел, которые можно рассмотреть с позиции реальности / нереальности, что тесно связано с понятием и наклона и времени» [86:233]. Но если принять во внимание *субъективный* характер сущности модальности как явления, явствующий из факта, что высказывание появляется

вследствие мысленного представления говорящего, то уместен вопрос о (не)-корректности номинации её под характеристикой *объективности*.

Поэтому исследователями предлагаются другие варианты.

В частности, В.И. Казарина предлагает термины: «предикативная модальность» (вместо объективной) и «непредикативная модальность» (вместо субъективной) [50:20].

Многие поддерживают и такую терминологию: «Исходя из понимания модальности как категории изначально субъективной природы, мы выделяем, в определенной степени под влиянием работ Г. А. Золотовой, Л. С. Ермолаевой и С. С. Ваулиной, три вида модальных отношений, соответственно определяя их как “первичная модальность”, “вторичная модальность” и “субъектная модальность”. Понимая под первой значения, выражающие отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего, традиционно относимые к значениям объективной модальности; под второй – значения, выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания, традиционно относившиеся авторами к значениям субъективной модальности; и, наконец, под третьей-значения, выражающие отношения субъекта действия к действию, то есть возможность, необходимость, желательность и др.»[74: 77].

Практика показывает, что несмотря на принципиальное противоречие, оба подхода: 1) разделение модальности на объективную и субъективную и 2) включение модальности в структуру субъективности одинаково применимы при исследовании того или иного языкового явления, связанного с модальностью.

Это обусловлено тем, что постулируется их оправданность как упрощения с методологической (в исследовательских целях) и онтологической (в плане интерпретации сущностных характеристик) точек зрения. Это напоминает положение в *сопротивлении материалов*, когда поверхность подразумевается абсолютно гладкой, хотя она в самом деле имеет шероховатости.

Считаем, что в этом смысле традиционное использование термина «объективная модальность» в исследовательских целях является вполне адекватным.

Как известно, «...установление факта истинности или ложности ... не является лингвистической проблемой по своему существу» [58:94]. Лингвистической проблемой является *мысленное представление* в сообщении, которое репрезентировано устным (речь, высказывание), включая использование эмотивных средств (интонация, жест, мимика, гримаса и т.д.) или письменным способом (текст, предложение), включая использование орфографических средств (знаки препинания, вопроса, восклицания, многоточие, кавычки и т.д.). То же самое, как известно, является проблемой также и логики, которая, в отличие от лингвистики имеет целью соотнесение сообщаемого с истинностью. Любое предложение изъяснительного содержания, описывающее, например, событие прошлого века или ещё не наступившей эпохи в настоящем времени является объектом изучения лингвиста, который может принять навязанные автором правила игры, рассматривая сообщаемое таким, как оно преподнесено, т.е. в настоящем времени. Такое предложение может стать объектом изучения также и историка-документалиста или философа-футуролога, которые в отличие от лингвиста, его рассматривают на предмет соответствия истине, используя методы логики.

Лингвист фактически оперирует мыслью (т.е. представлением) о сообщаемом (факте), а не сообщаемым (фактом).

Учёными отмечается, что «в современной лингвистике наблюдается стойкая тенденция постепенного отказа от противопоставления объективной и субъективной модальности, а интерпретации ее как монолитной категории, суть которой составляют субъективные отношения, исходящие от говорящего {...}» [57: 99].

1.2. Модальность в виртуальной модели движения мыслительной энергии

Интерпретация субъективного всегда была делом проблематичным и её необходимостью обуславливалось, помимо прочего, и «стремление объяснить мир образов, идей, представлений законами и категориями физического мира» [77:90].

По нашему мнению проблематичность объяснения языкового (речевого) мира связана с тем, что его невозможно исследовать кроме как фрагментарно т.к. у лингвиста нет инструментария, который позволил бы наблюдать языковые явления в едином охвате (в процессе, в скорости) как, например, оперирует математик при обращении с явлениями объективного мира. Бесспорно, познавательные сущности лингвистики и математики несопоставимы; параметрами языкового процесса являются такие понятия, как волеизъявление, желание, предположение...и т.д. (т.е. субъективное: воображаемо, виртуально, абстрактно), тогда как математик имеет дело с такими понятиями как длина, высота, частота...и т.д. (т.е. объективное: осязаемо, наблюдаемо, исчисляемо). В то же время такое сопоставление не лишено элемента общности: лингвист также как и математик оперирует понятиями, связанными с изменением т.е. *движением*, которое имеет место быть во *времени* - общем для всего сущего измерении.

Это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет взглянуть на такое сугубо лингвистическое явление, как *языковая модальность* с точки зрения математики.

Ш.Балли принадлежит изречение «модальность - душа предложения», к которому ныне обращаются настолько часто, что стало почти крылатым и с ним ассоциируется его имя, как автора концепции модальности, иногда его даже называют «модальным брендом» [30:6].

Безусловно в этом высказывании слово «душа» - метафора, но представляется, что идея такой метафоры была отнюдь не спонтанной, т.к. Ш.Балли свою концепцию о диктуме и модусе строил в основном на принципах учения

средневековых философов - модистов, у которых «модус – это образ языка, данный Богом Человеку...»[60:143]. Это обстоятельство позволяет заключить, что под словом «душа» имелось в виду не что иное, как аристотелевская *энтелехия*[373:180], которая впоследствии стала интерпретироваться как «внутренняя жизнь человека, придающая активность и целенаправленность его поведению и деятельности»[159:554]. И здесь возникает интригующий вопрос: «а что, если посмотреть на модус с точки зрения физического мира?» Такая постановка вопроса предполагает применение *аналогии*, которая, как известно, является одним из методов научного познания.

Поскольку «модус – мыслительная операция, проводимая субъектом...» [85:225], он в принципе может рассматриваться с точки зрения физики как некое энергетическое состояние системы (конкретно- головного мозга, генерирующего мысль, или обобщённо - как энергия мысли (операция = движение = энергия); такой подход известен в психолингвистике и применён в исследованиях, в частности Т.М.Рогожниковой; допускается материальность мысли, которая рассматривается «как сверхтонкое состояние материи, обладающее энергией преодоления времени и пространства»[81:9] и при этом обнаруживается, что «мысль резко теряет скорость и энергию, воплощаясь в слове. Слово, приобретая или "увеличивая" вещество и пространство, т.е. переходя в другое состояние материи, утрачивает характеристики прежнего измерения. Но остаётся "нечто", позволяющее осуществлять вновь и вновь этот таинственный переход.» Т.М. Рогожникова это называет «энергией связи» [81: 9].

Дальнейшее рассмотрение вещей в подобном ключе неизбежно привело бы к учёту факта аналогичности среды функционирования такой энергии с *релятивистской* [179:526], которую также характеризуют *неохватная бесконечность* и *безграничная скорость*; (здесь о «безграничности»- метафора, на самом деле общеизвестен предел, до которого можно ускорить движение любого тела: это– скорость света в вакууме, величина которой для лингвистики в целом и для данного случая в частности, – смысла не имеет).

Следовательно, в качестве аналога «энергии связи», среди прочих видов энергий (кинетическая, потенциальная, электромагнитная и т.д.) должна быть выбрана энергия, рассматриваемая в *теории относительности* (предвидя скепсис читателя относительно уместности такого сопоставления сразу оговоримся, что физические понятия, рассматриваемые теорией относительности, как инерциальная система отсчёта, поле тяготения и т.д. не станем учитывать, нам важен сам принцип аналогии, обусловленный общностью физического времени для объективного и виртуального миров) [179:519-532].

Тогда знаменитая формула Эйнштейна: $E=mc^2$ (1) приобретает такую интерпретацию: m – модальность, c – скорость света в вакууме, которая для нашего случая принимается равной скорости мыслительной операции *среднестатистического* человека, т.к. когнитивные способности у людей различны в зависимости от возраста, состояния здоровья и т.д.

Чтобы объяснить букву m , приходится написать ещё одну формулу по аналогии с формулой, показывающей мощность как производную от энергии по времени [179:60]: $m= dP/t$ (2). Буква d математически означала бы здесь *приращение*, т.е. величину, на которую увеличивается переменная величина P [162:329]. Но в нашем случае d – это то, что модифицирует тип соответствующего модуса (желание, предположение, приказание и т. д.), актуализируемого в процессе речевого (коммуникативного) акта.

Буква t обозначает реально - физическое время, в котором объективное и субъективное пребывают в равнозначном статусе. Обозначение P соответствует пропозиции, сущность которой выражается формулой: $P=M(m')$ (3), где в свою очередь M означает мысленное представление. Ядром этой формулы является, безусловно, переменная m' (от которой зависима пропозиция как *функция*), соответствующая *модусу*. Подчёркиваем, что здесь слово *модус* – обобщающий термин, под которым следует понимать вообще разум, рассудок, интеллект, то есть, в терминах Ш.Балли и других схоластов средневековья – ту

часть *души* (если можно было бы дифференцировать её функциональные свойства), что делает речь связной, членораздельной, осмысленной.

Обозначением **m'** олицетворяется также *мотивация*, на границе между которой «и семантико-грамматическим программированием высказывания... по всей видимости, “срабатывает” модальность. Именно на этой фазе говорящий субъект принимает решение, к какому из планов (реальности/ирреальности) следует отнести содержание сообщаемого, и какую субъективную оценку (“окраску”) придать этому сообщению». [15:21].

Таким образом, формулы (1), (2) и (3) указывают на тот факт, что диктум и модус представляют собой две неразделимые части одного целого, которые функционируют «одна от другой».

Важно заметить, что признак неразделимости модуса и диктума отражён в тезисе о том, что модальность «обозначает прежде всего отношение говорящего к той связи, которую он устанавливает» [76:86] между содержанием высказывания и действительностью.

В дальнейшем сопоставлении можно провести параллель между *высказыванием* (речевым актом, текстом и т.д.) и тем, что называется в теории относительности *событием*, которое описывается посредством, помимо прочего, и таких параметров как «абсолютно будущее», «абсолютно прошлое», «причинно - следственные связи» [179: 519-523] и т. д.

Если бы удалось каким-то образом решить эту практически невыполнимую задачу математического описания ментально-языковых процессов, то полагаем, что были бы востребованы производные высшего порядка (производная от производной) для характеристики более усложнённых форм проявления модальности при неявном выражении смысловых оттенков, как, например, *номинативные предложения, синтаксические фразеологизмы* и т.д.

1.3. О наклонениях

Основным способом реализации модальности является *наклонение*, представляющее собой устанавливаемое говорящим лицом отношение действия к действительности в плане реальности / нереальности. Оно непосредственно связано с системой глагола т.е. отношение действия к действительности выражается посредством грамматикализованной формы глагола.

Не во всех языках глагольная система включает подобные формы, поэтому модальность, выражаемая в одних языках непосредственно через глагольное наклонение, в других может выражаться лишь посредством «неглагольных» т.е. лексических и лексико-синтаксических средств. Это связано с особенностями структурной системы языка.

Глагольное наклонение преимущественно наблюдается в тех языках, которым характерна развитая система формообразовательных аффиксов, какими, например, являются языки тюркской группы, в которых выделяются от трёх до пятнадцати наклонений[45:525].

Наряду с аффиксальным (т.е. морфологическим) способом, модальные значения могут оформляться также и аналитическим путём и рассматриваться в рамках парадигмы *наклонений*, т.к. на наш взгляд, соответствующие конструкции рассматриваются как грамматикализованные формы, так или иначе связанные с глаголом-сказуемым.

Такие наклонения неглагольного типа характерны, например, английскому языку с разветвлённой системой вспом. глаголов. Однако вопрос наклонения в английском языке остается дискуссионным. «Во многих английских грамматиках раздел “Наклонение (Mood)” фактически отсутствует, а если и включён, то представлен очень скудно, либо в него введены лишь конструкции с модальными глаголами. И здесь учёные не приходят к единому мнению.» [12:6]. «Система наклонений английского языка, согласно подходу разных учёных, включает до 16 наклонений, при этом отдельные исследователи полностью отрицают существование данной категории....» [59:76].

Можно утверждать, что до сих пор остаётся открытым вопрос о критериях, по которым следует устанавливать факт наличия какого-либо наклонения в том или ином языке; устанавливаемые или постулируемые обобщения, из которых выводятся подобные критерии для одних языков, не «работают» в других, - нет таких обобщений, которые бы удовлетворяли условиям универсальности в полном смысле.

В грамматике калмыцкого языка, например, формы причастия и деепричастия глагола считаются наклонениями [78:128].

В казахском языке выделяется четыре вида наклонений: изъявительное, повелительное, условное и желательное, хотя учёные продолжают дискутировать об их численности. [45:526].

В кыргызском языке, - структурно и лексически очень близком к казахскому, выделено пять наклонений: изъявительное, повелительное, условное, желательное и намерения [157:60], хотя этот вопрос продолжает оставаться спорным, в частности, предметом полемики является вопрос о том, с каким из видов модальности – намерения или долженствования соотносится аффикс /-мак/ в качестве признака доминантного значения [8:27].

Иногда неочевидные формы глагола таджикского языка (вслед за В.С. Расторгуевой [79:240]) называют формами *аудитивного наклонения* [13:240].

«В таджикском языке насчитывается четыре наклонения, из которых по своему основному значению таджикскому *сизаи хабарӣ* соответствует русское изъявительное наклонение, или индикатив, таджикскому *сизаи шартӣ-хоҳиш-мандӣ* - русское условно-сослагательное, или конъюнктив, таджикскому *сизаи амрӣ* — русское повелительное наклонение, или императив.» [17:152].

Четвёртым в таджикском языке является *сизаи эҳтимолӣ* – *предположительное наклонение*, не имеющее эквивалента не только в русском, но и в близкородственных фарси и дари языках, и потому названное В.С. Расторгуевой «инновационным» [79:187].

Кроме того, известно, что порядок употребления глагольных наклонений не является строго фиксированным. Возможно использование форм одних наклонений для выражения других, не свойственных модальных значений. Такая взаимозаменяемость форм наклонений является универсальной для всех существующих в мире естественных языков, причём проявляется она по-разному, в зависимости от национально-ментальных особенностей конкретного языка.

Классик русской лингвистики А.М. Пешковский разбираясь в наклонениях в своём знаменитом труде «Русский синтаксис в научном освещении» показал возможность использования повелительного наклонения «вместо сослагательного для обозначения условно предполагаемых фактов» [76:214], а также «вместо изъявительного для обозначения внезапных и неожиданных фактов» [76:214].

Таким образом вопрос соотношения модальности и наклонения остаётся спорным, что также обусловлено главным образом неоднозначностью толкования самой сущности *модальности* как языкового явления.

Учёными отмечается, что в последние годы сложились два взгляда на эту проблему: «Одна из популярных теорий не проводит концептуальных различий между двумя этими понятиями, рассматривая наклонение в качестве продукта грамматикализации модальных различий {...}».

В соответствии с другой широко распространенной теорией, опирающейся на философские и лингвистические традиции {...}, эти понятия различаются на концептуальном уровне: к функциям модальности относится выражение значений возможности и необходимости (в плане *деонтической* и *эпистемической* модальности (см. 1.4. - М.Т), а наклонение выражает иллокутивные различия (типы предложений), а также выражение реалиса/ирреалиса в главном и придаточном предложении.» [64:10].

Углублённое исследование механизмов актуализации модальных отношений во взаимодействии различных глагольных категорий привело к перес-

мотру традиционной интерпретации плана противопоставления: *реальность / ирреальность*.

В частности, А.Ю. Урманчиевой предложена принципиально новая концепция, представляющая ирреалис «метакатегорией», надстроенной над другими грамматическими категориями. Эти два понятия А.Ю. Урманчиевой рассмотрены как две формы одного явления (т.е. пропозиции с сильным (реальное) и слабым (ирреальное) утверждением), а не как два явления разного рода, поэтому она реальность и ирреальность объединяет под общим названием «категория реальности ситуации».

Следует отметить, что похожую мысль высказывал также и Э. Бенвенист, исследуя вводно - модальные обороты: «Описываю ли я себя думающим, когда говорю: “я думаю, (что)... ”? Разумеется, нет. Мыслительная операция ни в коей мере не является объектом высказывания. “Я думаю, что...” эквивалентно *ослабленному утверждению*. » [21:298].

Установлено, что «...системы разного типа складываются из различного взаимодействия двух компонентов — прагматического и логического» [95:72].

То есть, во всех существующих естественных языках ситуации квалифицируются как реальные или ирреальные исходя из этих двух начал, причём они не являются полярными, а взаимовлияющими.

1. При прагматическом подходе «...к реалису относится любая пропозиция, относительно которой говорящий может делать утверждение с достаточной степенью уверенности. В качестве ирреальной, в свою очередь, маркирована любая пропозиция, которая описывает ситуацию, принадлежащую к будущему- гипотетическому миру множественных возможностей, что не позволяет говорящему быть столь же уверенным в утверждаемом факте» [95:72].

Языковые системы такого типа называются «коммуникативно - ориентированными», которые в свою очередь подразделяются на ещё 4 подтипа по характеру временной референции ситуации:

- в подтипе «1.1» реальность охватывает прошлое и настоящее, а будущее относится к ирреальности.

Отмечается, что «универсальным исключением» в этой подсистеме является сослагательность (когда событие в прошедшем времени описывается условно-предположительно), «которая маркирована как ирреальная несмотря на то, что она принадлежит к плану прошедшего времени» [95:72];

- в подтипе «1.2» к реальности относятся повелительное наклонение а также и формы «ближайшего либо определённого будущего»;

- в подтипе «1.3» к ирреальности относятся формы «хабитуального прошедшего (описывающая действие, уже прекратившееся на момент речи) и отдаленного прошедшего (описывающего события, относительно которых говорящий не располагает всей полнотой информации)»;

-в подтипе «1.4» реальность характеризуется моментом речи, «а всякая ситуация в неопределенном будущем либо мифологическом прошлом относится к сфере ирреалиса».

2. При логическом подходе реальность и ирреальность ситуации квалифицируется исходя из того факта, что она состоялась или не состоялась.

«Это противопоставление плохо согласуется с прагматической трактовкой ирреалиса, так как утверждения относительно, например, имеющей либо не имеющей места в настоящий момент ситуации не различаются степенью уверенности говорящего.

Напротив, это разделение хорошо укладывается в рамки традиционной, логической концепции ирреалиса, противопоставляющей действия состоявшиеся и гипотетические.»[95:71-72].

1.4. Современные тенденции изучения языковой модальности.

Эпистемическая модальность и эвиденциальность

Учёными отмечается антропоцентрическая выраженность исследовательских тенденций последнего времени в этом направлении, что, на наш взгляд, обусловлено главным образом объективными факторами, связанными с поведенческими особенностями индивида, проявляющимися прежде всего в речи, значимость которых ощутима далеко за гранью межличностного, а в условиях неограниченных коммуникативных возможностей современного мира - и в глобальном масштабе. Исследователи стали фокусировать внимание на смыслообразующей устремлённости человеческого сознания к окружающей реальности (интенциональности) [103:94], которая формирует языковую модальность .

Предметом исследовательского интереса стал отдельный тип языковой модальности, выражающий устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности в плане его достоверности. Достоверность определяет степень соответствия содержания высказывания действительности с точки зрения говорящего.

Данное модальное значение рассматривают как разновидность субъективной модальности [47:142], либо как самостоятельный тип, именуемый как *эпистемическая модальность* [152; 154 и др.] – за ним, на наш взгляд, закрепился именно этот термин из множества использовавшихся вариантов: *персуазивная модальность* [75], *свободная модальность* [63], *модальность достоверности* [38;24] и др. «Семантической сущностью модальности данного типа является отражение степени полноты и характера знания говорящего о событии»[289:38].

«Изучению эпистемической модальности в российском языкознании посвящены труды В. З. Панфилова, В. Н. Бондаренко, И. Б. Шатуновского, А. В. Бондарко, Е. И. Беляевой, С. И. Бурковой, Р. Д. Шакировой; в зарубежной лингвистике исследованием эпистемической модальности занимались Ф. Р. Палмер, Е. Е. Свитсер, Ф. Кифер, Дж. Байби, Р. Перкинс и У. Паглиука, Дж. Ньютс, Дж. Саед, Дж. К. Верстраэте, Ф. де Хаан и многие другие. Е.И. Беляева под модальностью достоверности понимает степень соответствия со-

держания (пропозиции) высказывания действительности с позиции говорящего {...}. В трактовке Т. В. Шмелёвой персуазивная модальность предстаёт в виде функционально-семантической категории, которая отражает оценку достоверности информации говорящим, его уверенность/неуверенность в достоверности излагаемого {...}. В то же время М. Грепл принимает во внимание ценностный параметр, поэтому в его трактовке модальность истинности представляет собой категорию, выражающую степень убеждённости говорящего в реальной значимости содержания его высказывания {...}» [84:142-145].

«В.З. Панфилов выделяет два типа модальных значений: онтологическую и персуазивную модальности. Первая из них отражает объективные связи, возможность и необходимость с точки зрения реальных физических условий (алетическая модальность), а также возможность и необходимость с точки зрения общественных норм, этических принципов (деонтическая, или нормативная модальность). Персуазивная модальность выражает оценку говорящим степени познания объективных связей, степень достоверности мысли и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности. Значение простой достоверности выражается формой изъявительного наклонения глагола, немаркированным утверждением.

Проблематическая и категорическая модальности неоднородны по своему содержанию и имеют своего рода шкалу значений. Так, для проблематической достоверности В.З. Панфилов приводит следующий пример: *маловероятно – весьма (вполне) вероятно*.

В.З. Панфилов различает алетическую и деонтическую (нормативную) модальности: в случае алетической модальности в предложении фиксируются возможность и необходимость с точки зрения реальных (физических) условий и состояний, как, например, в предложении: *Любое тело, брошенное вверх со скоростью ниже первой космической, должно упасть на землю*. В случае же деонтической модальности в предложении выражаются возможность и необходимость с точки зрения общественных норм, этических принципов и т. п.,

как, например, в предложениях: *Он должен (обязан) вмешаться в это дело; Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан (Некрасов)*» [75: 39-40].

Понятие эпистемической модальности, как известно, было заимствовано из терминологии модальной логики. Основным типом модальности, согласно модальной логике, - как утверждает А.А. Берн, - является алетическая модальность (от греч. *aletheia* – “истина”), характеризующая пропозицию с точки зрения истинности и ложности, тесно связанная со значением референтов субъекта и предиката предложения и отражающая внутренние потенции реального мира. Этим она отличается от двух других видов модальной логики, эпистемической и деонтической, указывающих на характер объективных связей в высказывании, выражаемых модальными операторами возможности и обязательности {...}. «Эпистемическая (от греч. *Episteme* – “знание”) модальность связывается с понятиями веры и знания, уверенности и сомнения, а деонтическая (от греч. *deon* – “долг”) – с нормами различного рода, обязательствами. Значение возможности и обязательности связаны между собой: то, что обязательно, должно быть возможно. Реализацию значений возможности и обязательности можно соотнести с идеей возможных миров Лейбница: данная пропозиция логически возможна хотя бы в одном возможном мире, если она истинна, и материализация факта пропозиции обязательна, если она истинна для каждого возможного мира {...}. Каждая пропозиция характеризует положение дел в каком-то из миров, и данный мир характеризуется группой пропозиций, истинных для него.

Таким образом, модальность указывает на существование нескольких вариантов развития событий и возможность различного толкования одной и той же ситуации.» [22:11].

«Эпистемическая модальность отражается в соотношении: говорящего, пропозиции и реальности. Простая достоверность являясь немаркированным компонентом оппозиции, представляет пропозицию как соответствующую

щую действительности априори. Этой априорностью имплицитруется модальная рамка «известно, что...»: «{...} простые индикативные немодальные предложения, утверждаемые говорящим, имплицитно содержат элемент “Я знаю, что...” и являются способом отображения действительного мира. Они не нуждаются в (логическом) обосновании, поскольку являются не просто истинными, но эпистемически необходимыми {...}.

Проблематическая достоверность маркирует неуверенность говорящего/ пишущего в соответствии содержания высказывания реальному положению дел, в то время как категорическая достоверность выражает уверенность субъекта речевой деятельности в достоверности сообщаемого. Значения проблематической и категорической достоверности характеризуются неоднородным семантическим наполнением, включающим оттенки различной степени сомнения или уверенности.

Эпистемически наиболее сильными, согласно концепции Дж. Лайонза, являются высказывания с простой достоверностью, поскольку пропозиция представляется как объективно достоверная, не подвергающаяся сомнению и не нуждающаяся в модальных усилителях...»[97:48].

Следует заметить, что иногда прилагательное *categorical* в утверждении Лайонза: *There is no epistemically stronger statement than a categorical assertion symbolized here as .. p.* [153:809] понимается как *категорический*, что может вызывать его двусмысленность; т.е. в таком случае предполагалось бы наличие модальных усилителей, что противоречит смыслу данного утверждения о простой достоверности.

Поэтому оно должно быть переведено таким образом: *Нет эпистемически более сильного высказывания, чем категорическое утверждение, обозначаемое здесь как ... p* (где *p* – пропозиция); или : *Нет эпистемически категоричнее высказывания, чем утверждение, обозначаемое здесь как ... p.*

«Как отмечает Ф. де Хаан, эпистемическая модальность выражает степень уверенности говорящего в том, что то, что он(-а) говорит, является прав-

дой {...}. Эта точка зрения разделяется У. Фроли, Й. ван дер Аувера и В. А. Плунгяном, Э. Троггт и Р. Дэшером и другими. Дж. Байби, Р. Перкинс и У. Паглиука указывают, что эпистемическая модальность относится к утверждениям и служит индикатором того, как говорящий оценивает истинность пропозиционального содержания высказывания.

Степень вероятности, согласно этим исследователям, может быть подразделена на возможность (possibility), вероятность (probability) – более высокая степень уверенности говорящего в вероятности соответствия пропозиции высказывания объективной действительности и уверенность, основанную на выводном знании (inferred certainty – характеризует наибольшую степень уверенности говорящего, так как она основана на каких-либо фактах и объективных причинах){...}. Сходного определения эпистемической модальности придерживается А. Айхенвальд, добавляя к нему критерий оценки говорящим достоверности поступающей информации {...}, а также Э. Лейс и А. Вернер.

У зарубежного учёного Дж. Ньютса находим обобщающее определение, которое может быть передано следующим образом: эпистемическая модальность представляет собой лингвистическую категорию, выражающую оценку возможности того, что определённое гипотетическое положение дел произойдёт, происходит или произошло в одном из возможных миров, который выступает критерием оценки и интерпретации. Иными словами, эпистемическая модальность имеет дело с оценкой вероятности того, что рассматриваемое явление действительности *было / является / будет* достоверным (истинным) или ложным в рамках того возможного мира, в котором оно находит воплощение в действительности {...}. [84:143].

«Некоторые зарубежные лингвисты эпистемическую модальность разделяют на объективную и субъективную. Идея такой классификации принадлежит Лайонзу (J. Lyons): «In principle, two kinds of epistemic modality can be distinguished: objective* and subjective */ В принципе могут быть выделены два типа эпистемической модальности: объективный и субъективный» [153:797];

Разделяя такую точку зрения А.Папафрагоу конкретизирует характер объективного типа эпистемической модальности: «...первая является индексальной: в процессе коммуникации возможные миры ограничиваются тем, что говорящий *знает / в истинность чего верит* на момент произнесения высказывания, что указывает на темпоральную зависимость субъективной модальности. В случае актуализации объективной модальности возможные миры включают то, что является общеизвестным некоторому сообществу, общедоступными сведениями {...}»[84:143].

Оказалось, что изучение эпистемической модальности невозможно вне связи с другой категорией – эвиденциальностью или как её ещё называют по – русски: засвидетельствованностью.

По утверждению М.И.Межеричкой: «Существует два основных определения эвиденциальности—широкое и узкое. Так, предложенное W.Chafe широкое определение эвиденциальности включает в рассматриваемую категорию не только указание на источник информации, но также и разные виды отношения говорящего к пропозиции {...}.

Таким образом, к средствам выражения эвиденциальности исследователь относит не только слова, указывающие на источник знания, но и те, которые выражают ту или иную степень достоверности пропозиции без указания источника.

Кроме того, к средствам выражения эвиденциальных значений W. Chafe относит не только грамматические, но и лексические. То есть, широкое понимание эвиденциальности предполагает, что эпистемическая модальность входит в поле эвиденциальности в качестве ее подкатегории.»[67:106].

1.5. Сущность модальности предположения

Известно, что для обозначения эпистемической модальной категории в лингвистике используется, помимо прочего, и термин **модальность предположения** [37:72].

Добавим, что это - прежде всего факт российской лингвистики и он связан с особенностью русского существительного слова *предположение* проявляющейся в широте его семантического охвата и функциональной гибкости.

Его толкование в соответствующих словарях связано главным образом с двумя понятиями: «догадка» и «предварительное соображение...» [168:1442; 160:960]; если первое может быть интерпретировано как *оценка некоторого положения вещей, существующего в реальной действительности с позиции недостаточной осведомлённости*, то второе может включать очень широкий спектр значений, охватываемых отношением говорящего к высказываемому с точки зрения знания и достоверности.

Например, из высказываний типа: «Занятие этой вакансии предполагает наличие у соискателя необходимой квалификации узкого профиля» явствует то, что семантическая зона глагола *предполагать* гораздо шире проблематической достоверности, с которой обычно его связывают.

Кроме значений возможности, допущения, контрфактива, сомнения, подозрения, намерения, желания, подпадающих под семантический охват существительного *предположение*, любое предложение изъявительного наклонения, описывающее действие в будущем времени, также может быть представлено как предположительное, т.е. относящееся к ирреальному плану [95: 72].

Поэтому термин *модальность предположения* мог бы рассматриваться равнозначным термину *эпистемическая модальность*.

Однако в соответствии с целями, поставленными в рамках настоящей работы мы сужаем круг рассматриваемых под этим термином значений до уровня *проблематической достоверности* (в терминах В.З.Панфилова).

Бесспорно, модальность предположения занимает обособленную позицию среди других видов модальности; она универсальна, ни один из существующих в мире естественных языков не мог бы обходиться без предположения т.к. индивид не может постоянно пребывать в состоянии осведомлённости о положении всех вещей, и в силу своей человеческой природы, он всегда устремлён к большей осведомлённости.

Ради достижения этой полноты знаний ему неизбежно приходится строить различного типа модели предположений и гипотез.

Такое различие обуславливается тем обстоятельством, на котором базируется это предположение.

Учёные считают, что «в основу модуса предположения может быть положено логическое умозаключение, или информация третьего лица, или чувственное начало.»[37:75].

Принимая данную точку зрения за исходную, с некоторой конкретизацией можно утверждать, что модальность предположения формируется тремя способами:

- а) непосредственно в результате логических умозаключений говорящего;
- б) в результате желания говорящего снять с себя ответственность за достоверность сообщаемого, ссылаясь на слова других;
- в) при воздействии интуитивно-чувственных сигналов на говорящего.

Различение типов предположения можно провести на примере того, каким образом простая достоверность «Он уедет» принимает оттенки проблематической достоверности:

1. *Может, он уедет.*
2. *Наверно он уедет.*
3. *Кажется он уедет.*
4. *Думаю, он уедет.*
5. *Оказывается, он уедет.*
6. *Говорят, он уедет.*
7. *Мама говорит, (что) он уедет.*
8. *Вряд ли он уедет.*
9. *Неужели он уедет ?*
10. *Скорее всего он уедет.*
11. *Видимо, он уедет.*
12. *Он уедет, что ли...*
13. *Он уедет где-то через неделю.*
14. *Похоже, (что) он уедет.*
15. *Возможно он*

уедет. 16. *Пожалуй, он уедет.* 17. *Он уехал бы.* 18. *Он уедет, чай.* 19. *Будто он уедет.* 20. *Должно быть, он уедет.* 21. *Он может уехать.*

Из примеров, приведенных выше, видно, что все соответствующие лексико-синтаксические средства (вводно-модальные слова, обороты, глагол) придают утверждению «Он уедет» предположительность, которая, в то же время воспринимается не одинаково.

Считаем, что эти примеры могут быть сгруппированы следующим образом:

- а) примеры: 1, 2, 4, 8, 10, 13, 15, 16, 17, 18, 20, 21;
- б) примеры: 3, 11, 14, 19;
- в) примеры: 9, 12;
- г) примеры: 5, 6, 7.

Исходя из этого обобщения можно заключить, что в соответствующих группах представлены случаи предположения:

- а) в аспекте *логического умозаключения и интуиции*;
- б) в аспекте категории *кажимости/видимости*;
- в) в аспекте категории *вопросительности*;
- г) в аспекте категории *засвидетельствованности*.

Важно отметить, что такая классификация весьма условна, она сделана по внешнему лексическому признаку соответствующего вводно-модального средства предположения, применяемого к случаю простейшего утверждения из двух слов, специально подобранного для того, чтобы как можно нагляднее показать механизм актуализации модальности предположения при взаимодействии с другими видами модальности и категорий.

На практике, в составе более усложнённых конструкций все вышеуказанные вводно-модальные средства используются в самых разных сочетаниях и значениях предположения в зависимости от контекста и речевой ситуации.

Но, полагаем, что механизм актуализации предположения, наблюдаемый на примере этого простейшего случая является характерным для всего пласта функционирования соответствующего типа модальности и категории.

Ниже будут рассмотрены все варианты актуализации предположения согласно предлагаемой классификации по-отдельности.

1.5.1. Предположение в аспекте логического умозаключения

Предположение - это индивидуальная оценка реально сложившегося положения вещей говорящим, не обладающим достаточными сведениями о высказываемом.

Такая оценка по смысловому наполнению неоднородна:

1. *Чахлый он... **Может**, скоро умрет, - глухо сказал Силан Петров*
[Горький:95];

предположение построено исходя из логического умозаключения говорящего, основанного на его зрительном восприятии состояния больного.

2. *Костёр рыбацкий, **должно!**-поворотился он к ней лицом.*
[Горький:93];

говорящий не сумев рассмотреть предмет «в густой тьме дали» достаточно хорошо, высказывает предположение, исходя из логического умозаключения, основанного на собственном опыте и интуицию.

Однако в следующих примерах трудно определить на уровне предложения- чем вызвано употребление говорящим вводно-модального слова – умозаключением или чувствами, поэтому необходимо рассматривать фрагмент коммуникативного акта в контексте:

3. *Да ведь, **может...** и не загубишь*[Горький:77];

говорящий высказывает альтернативное ранее высказанному им предположению по поводу того, что

4. *«... **можно** было загубить душу... »*[Горький:77]

предположение, имея в виду рискованность предприятия, в которое собеседник намеревается его очередной раз вовлечь.

В примере 3 необходимость употребления предположительного слова *может...* вызвана умозаключением говорящего, основанным на его корыстных чувствах - при изменившихся условиях сделки (после предложения собеседником «двухсот рублёв») он меняет свое решение.

А в примере 4 на фоне *деонтической* модальности (т.е. *можно – допущение*) актуализируется умозаключение о вероятности в плане прошедшего времени что указывает на контрфактивность:

*5. Он каждую минуту **может** умереть [Горький: 548];*

в данном примере посредством формы настояще-будущего времени глагола *мочь* оформляется логический вывод о вероятности близкой смерти больного.

Следует заметить, что данный случай выражения предположения относится, в отличие от случаев, описанных примерами 3 и 4 к *неэпистемической* т.е. *алетической* модальности[91:11].

*6. К л е щ . Боишься? Не бойся... **может**, ещё...*

*А н н а. Иди, кушай! Тяжело мне... **видно**, скоро уж...*

*К л е щ (отходя). Ничего... **может** - встанешь... бывает! [Горький: 296];*

В данном фрагменте наличие маркёров предположения в высказываниях обусловлено, - в терминах А.А.Берн, - *определённым типом вербального поведения, при использовании которого коммуниканты учитывают принцип защиты лица собеседника*[22:33]; на обнадёживающе-жалеющее предположение мужчины больная женщина реагирует соответственным образом - подстраиваясь под жалость, как бы углубляясь в позиции объекта жалости, что вызывает необходимость повторного выражения вербальной поддержки со стороны мужчины; здесь предположительные слова использованы скорее интуитивно чем дедуктивно, являясь по сути средствами реализации *стратегии защиты лица собеседника*.

В следующем примере наоборот побуждение к действию выражено в неучитливой форме, в коннотативной позиции к которому употреблено предположительное слово *чай* в составе модальной фразы:

7. Актёр! тебя просят- ты и сделай... не переломись, чай!

[Горький:296].

Использованная модальная фраза допускала бы варианты :

/не умрёшь, рука не отвалится...и т. д. / чай!

с сохранением той же коннотативной функции. Здесь употребление предположительного слова *чай* также вызвано скорее психологическими факторами коммуникативного акта чем логическим умозаключением.

Следует отметить, что логическое предположение может быть выражено не только модальным словом но и модальным словосочетанием (оборотом):

8.Постояльцы ваши, того гляди, сожгут, убьют, ограбят

[Горький:209].

1.5.1.1.Предположение в аспекте условности

Такое предположение связано с семантикой сослагательного наклонения.

А.М. Пешковский писал: «... мы можем указать здесь на следующие оттенки так называемого "сослагательного" (лучше бы "условного" или "предположительного") наклонения...» [76:205].

То есть, он считал термин «сослагательное наклонение» некорректным, отдавая предпочтение термину «предположительное наклонение».

Известный башкирский лингвист М.В.Зайнуллин считал, что основным (доминантным) способом выражения предположительной модальности являются формы *сослагательного* наклонения, которые передают различные оттенки уверенного и неуверенного предположения [56:99].

Вышеизложенное указывает на тот факт, что сослагательное наклонение имеет своей главной функцией выражение возможности события т.е. его предположительной интерпретации.

Сослагательная модальность как правило складывается из двух частей: а)предположительной, где выражается действие, которое возможно при наличии условия, выражаемого б) условной частью:

1.Я бы не пошла,-боязно! [Горький:460];

в этом примере употреблением частицы *бы* оформляется логический вывод, основанный на зависимости возможности действия от наличия условия т.е. имплицитруется, что: «пошла **бы**, **если бы** было не боязно».

Предположение и условие с помощью частицы *бы* могут быть выражены в отдельном высказывании:

2. Я бы спать лёг[Горький:481];

в данном примере употреблением частицы *бы* может быть выражено два варианта отношения к реальности:

а) предположение о возможности (в связи с определёнными условиями) того, что говорящий ляжет спать;

б) желание (обусловленное определёнными обстоятельствами) говорящего лечь спать.

Из контекста явствует, что здесь имеет место быть второй вариант: желание лечь спать вызвано усталостью говорящего, который утверждает, что: «сидел, сидел и вдруг пустили».

3. Было бы сердце твоё чисто, голубчик мой![Горький:498];

здесь на уровне предложения невозможно определить к какой - условной или предположительной части оно относится, поэтому требуется рассмотреть его в контексте речевой ситуации, из которого выясняется, что высказывание адресовано мужчине, который корит себя по поводу убийства в его присутствии жандарма единомышленником (которому он не помешал убивать); здесь употреблением частицы *бы* (пожилой женщиной) выражается условие, из которого имплицитруется логический вывод, преследующий стратегию защиты лица собеседника: «не стоит корить себя, успокойся, ты ни при чём... »

Оформление предположительности и обусловленности события в виде отдельной речевой единицы т.е. высказывания (предложения) часто требует привлечения дополнительных интонационно-эмотивных средств, создавая фон для возникновения других видов модальностей, в частности модальности желательности:

4. *О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и ... захлебнулся б в моей он крови!.. [Горький:84]; 5. Э-эх-ма!.. Кабы такие деньги!.. [Горький:78]; 6. Это хорошо бы! [Горький:459];*

Главная особенность сослагательного наклонения в том, что оно допускает предположительную интерпретацию действия не только в плане будущего но и прошедшего времени в контексте наличия определённых условий;

7. *Хорош был бы я товарищ тебе, если бы молчал, видя твои глупые, козлиные прыжки! [Горький:490]; 8. Была бы у вас мать, завидовали бы ей люди, что сын у неё такой... [Горький:465].*

Таким образом, предположение проявляющееся в аспекте условности, т.е. посредством частицы *бы* непосредственно ли умозаключением, или опосредованно психологическими факторами коммуникативного акта- как правило связано с логическим выводом, основанным на условиях, которые эксплицируются через соответствующие маркёры или выражаются контекстом речевой ситуации имплицитно.

1.5.1.2. Предположение в аспекте вопросительности

Особенность предположения такого рода связана со своеобразной функциональной природой категории интеррогативности (вопросительности).

Как известно, коммуникативная целеустановка, в частности вопросительность является предметом дискуссий.

«Вопросительные предложения и категория интеррогативности (вопросительности) являют собой пример научной проблемы постоянно решаемой, но до сих пор не решённой даже частично.» [90:44].

Проблема связана с многоплановостью категории интеррогативности. Всё ещё остаётся открытым вопрос о её модальности.

Одно только не вызывает сомнений: категория интеррогативности имеет важную функцию, образующую различные модальные, в том числе и предположительное, значения.

Исследователи данной категории утверждают, что:

а)«...любое невопросительное предложение может стать вопросительным» [90:45];

б)«Часто говорящий, обдумывая ситуацию, задавая вопрос, предполагает и возможные ответы. Отсюда следует, что любой вопрос содержит значение предположения.»[92:451].

Действительно, утвердительное предложение:

1.Он имеет высшее образование

при соответствующей интонации приобретает вопросительную сущность :

2.Он имеет высшее образование?

причём интонация здесь (в зависимости от контекста) может иметь модально-различительное значение т.е. изменение ударения в вопросах :

3.Он имеет высшее образование?

и

4.Он имеет высшее образование?

может придать вопросу оттенок иронии, издёвки или удивления, отражая субъективное отношение говорящего.

Такая возможность превращения в вопрос при сохранении лексического наполнения и порядка словорасположения реализуема применительно практически к любому утвердительному предложению и это подтверждает изложенное в пункте а), т.е. то, что любое изъявительное предложение является потенциально вопросительным.

Что касается пункта б), то следует признать, что не в любом вопросе эксплицируется модальность предположения.

Например, предположительность вопросов в ниже следующих примерах неочевидна:

5.Что вам нужно? Чего вы хотите? [Горький:161]; 6.-Человек?-усомнился солдат,-а чего ему там лежать?[Горький:161];

вопросы выраженные в примере **5** связаны непосредственно с логической необходимостью получения информации.

Однако следует обратить внимание на то, что фрагмент в примере 6, описывающий любопытство говорящего, содержит связь с модальностью предположения опосредованно - говорящему вдруг стало известно, что «там влево лежит человек» и он переспрашивает: «Человек?» (т.е. сомневается, *предполагая*, что «человек не должен *бы* лежать там»), хотя предположительность не составляет денотативную суть (пропозициональное содержание) фрагмента. Это указывает на факультативность признака предположительности в вопросительных предложениях.

Оформление модальности предположения через вопрос в подобных случаях осуществляется главным образом грамматически, а не просодически, хотя роль интонации здесь также существенна.

Наиболее характерным средством такого оформления является вопросительная частица *ли* (преимущественно в составе соответствующих модальных оборотов);

7. *Умеешь ли ты думать?* [Горький: 204]; 8. *Шкуру, что ли, мы с тебя сдерём?* [Горький: 164]; 9. *Жарить нам его, что ли?* [Горький: 164];

В указанных примерах наблюдается тот случай, когда вопрос содержит возможно предполагаемый спрашивающим ответ, который «высвечивается» вопросительной частицей *ли*.

А.М. Пешковский писал, что «... когда мы говорим: *он там был? собака — животное? земля вращается вокруг солнца?* — мы словами как бы сообщаем, а голосом спрашиваем. » [76:50].

Если перефразировать данное высказывание применительно к примерам 7, 8 и 9, то получается, что голосом спрашиваем, а словами (точнее – вопросительной частицей *ли*) предполагаем.

«Особо следует оговорить возможность осложнения союза-частицы *ли* частицей *не*, теряющей своё собственно отрицательное значение...» [92:450];

10. *И если это так- не всё ли равно, как он жил?* [Горький: 219];

11. *Поговорите с ней, не пронесёт ли она?* [Горький: 455].

Здесь содержание высказывания, приведенного в примере 10 можно выразить и таким образом: « И если это так - всё равно, как он жил, **так ведь?**» А содержание высказывания в примере 11 равнозначно такой формулировке: «Поговорите с ней, **может быть** она пронесёт?» Т.е. видно, что высказывания в примерах 10 и 11 могут быть выражены без использования частицы отрицания *не*.

Это свидетельствует о том, что взаимодействие частицы отрицания *не* с вопросительной частицей *ли* представляет собой лексикализованную форму выражения модальности предположения на фоне вопроса.

Следует отметить, что в русском языке имеется ряд модальных слов, представляющих собой грамматикализованную форму выражения модальности предположения на фоне вопроса в виде сочетаний языковых средств отрицания и вопроса;

12. *Что это здесь? **Никак** человека убили?* [Горький: 221];

13. *Я слушал его и думал: «**Неужели** этот человек верен сам себе, говоря все эти не подходящие ему речи?»* [Горький: 114].

Вышеизложенное показывает, что вербализация предположения в аспекте вопросительности проявляется главным образом через логическую необходимость получения информации.

При этом могут присутствовать также и элементы психологического (эмотивно - интуитивного) характера, которые проявляются просодически (в речи: интонация) и графически (на письме: сочетание вопросительного и восклицательного знаков тж. различные их комбинации включая многоточие и т.д.)

1.5.2. Предположение в аспекте кажимости

Предположение такого рода реализуется через действие говорящего, выражаемого в русском языке глаголом *уподоблять*.

Это действие ментально-психологического свойства призвано для:

а) более *точного*;

б) более *выразительного* оформления сообщения о событии (факта) действительности, когда ограничены возможности его вербальной репрезентации адекватным образом т.е. оно представляет собой не что иное, как реализацию *аналогии* как способа представления актуального мира.

«Лингвистический феномен кажимости является языковой формой проявления субъективности, одним из средств выражения активности человеческого я. С помощью этого феномена создается субъективная реальность, предполагающая наличие мнений, оценок, интерпретацию говорящим некоторого положения дел.»[87:12].

Наиболее востребованным средством выражения уподобления является, соответственно, глагол *казаться*:

1. *Старуху одолевал сон, **показалось** мне*[Горький, 47];

здесь предположение о состоянии старухи выражается через ассоциацию её подобию в данный момент на человека, которого «одолевает сон», хотя она в действительности могла выглядеть так и по другим причинам, например, из-за какой-то психической болезни и т.д. Но по субъективному мнению говорящего именно такое описание *точнее* соответствует действительному состоянию старухи.

2. *Каждый голос женщин звучал совершенно отдельно, все они **казались** разноцветными ручьями и, **точно** скатываясь откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов, плавно лившуюся кверху, тонули в ней, вырывались из неё и снова один за другим взвивались, чистые и сильные, высоко вверх*[Горький, 47];

в этом фрагменте для выделения женских голосов из общего потока многоголосицы используется подобие «разноцветных ручьев», которое через синонимичное глаголу *казаться* модальное слово *точно* обобщается и поддерживается в дальнейших ментально-ассоциативных проявлениях как средство характеристики женского голоса, обеспечивая необходимую *выразительность* описываемой картины (по задумке говорящего).

Данный фрагмент мог бы быть описан другим говорящим (автором) по-другому, с использованием других (совершенно отличных от «разноцветных ручьев») уподоблений.

Следует отметить, что в русском языке существует целый ряд других, равнозначных модальному слову *точно* лексико-грамматических средств, как *словно, будто, как...* и т.д. для выражения уподобления;

3.-*Она тово...рассердилась **будто бы**?...[Горький, 103];*

вопросительность здесь имеет исключительно контекстуальный характер - фраза могла звучать без вопросительного оттенка и без искажения смысла высказывания.

В нижеприведенных примерах вместо *точно* могут быть употреблены слова *будто* и *словно* также без искажения смысла высказывания:

4.*Каждый день над рабочей слободкой, в дымном масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, **точно** испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы[Горький:407];* 5.*Они **точно** боялись, что человек бросит в жизнь что-нибудь такое, что нарушит ее уныло правильный ход, хотя тяжёлый но спокойный.[Горький:409];*

видно, что предположительность модального слова *точно* в примерах 4 и 5 проявляется по-разному:

в первом случае оно выступает в составе сложносочинённого предложения в качестве присоединительного союза выражающего добавочное значение описательного характера - через него процесс одновременного выхода на улицу многочисленных, спешащих на работу людей по субъективному мнению (т.е. по *предположению*) говорящего уподобляется «тараканьим выбеганиям». Здесь предположительность имеет локальный (коннотативный) характер, в силу чего не влияет на изъяснительность, характеризующую данное высказывание в целом.

А во втором случае (т.е. в примере 5) дело обстоит совершенно иначе: модальное слово **точно** выступает в составе главного предложения в качестве ключевого актуализатора предположительности, являющейся пропозициональным содержанием данного сложноподчинённого предложения.

Лексико-грамматические средства уподобления в данной функции используются не только в составе главного предложения но и в качестве вводно-модальных слов.

Одним из наиболее употребительных из них также является глагол *казаться*:

6. Кажется, -уже испортила себе легкие...[Горький, 461];

здесь формой настоящего-будущего времени данного глагола предваряется предположительность всего высказывания.

Имеется целый пласт лексико-грамматических средств русского языка, не являющихся глаголами, но которые могли бы заменить глагол *кажется* в примере 6 особо не искажая смысл высказывания.

Следует заметить, что к таковым могут относиться не только семантически идентичные глаголу *казаться*- вводные слова «чувственно-созерцательного» типа как: *видимо, по-видимому, похоже* и т.д. но и вводные средства «интеллектуально-логического» склада, как: *вероятно, наверно, скорее всего, думаю* и т.д.

Такая синонимичность обусловлена их общей семантикой предположительности.

Важно отметить, что в этой синонимичности проявляется грамматикализованность глагола *казаться* в качестве средства выражения модальности предположения «логического» типа, в то же время его доминантная глагольная предположительность имеет «чувственно-интуитивное» происхождение:

7.-Ну, нам , **кажется**, можно не стесняться, - берите папиросу.

[Горький, 240].

1.5.3. Предположение в аспекте засвидетельствованности

Такое предположение проявляется на фоне:

а) ссылки говорящего на источник информации, содержащейся в сообщении (эвиденциальность);

б) удивления, недоумения и т.д. говорящего, вызванного неожиданностью для него обнаруженного факта (ситуации, обстоятельства) действительности (миративность):

1.Саша, *говорят*, ты поёшь хорошо? [Горький: 115];

здесь предположительность явно не выражена, она имплицитруется через слово *говорят*, являющееся наиболее распространённым модификатором засвидетельствованности как бы «подкрепляясь» вопросительной интонацией.

Важно отметить, что предположительность наличествовала бы и в том случае, если бы данное высказывание оформлялось изъявительно; это указывает на тот факт, что безличная форма настоящего-будущего времени глагола *говорить* во множественном числе грамматикализована и выступает в качестве модального слова одновременно функционируя как полноценный глагол семантически и формально:

3.*Говорят*, отведут его ночью на реку и тайно утопят [Горький: 576].

Похожим образом функционирует также и безличная форма настоящего-будущего времени глагола *значить* в единственном числе:

4.*Значит*, летают всё-таки! [Горький: 54];

здесь через вводно-модальное слово *значит* внушается такой смысл, что информация получена только что; говорящий делает логическое предположение на основании «свежей» информации «извне».

Предположительность вводно-модального слова *значит* может проявляться по-разному в зависимости от конкретной речевой ситуации:

5.-Пьяный? –Болен! –*Значит*, сильно пьяный [Горький: 215]; **6.*Хоронили, значит*, одного политического человека, -из таких, которые против начальства... там, у них с начальством спорные дела** [Горький: 653];

в примере 5 предположительность модального слова *значит* проявляется грамматически – второй коммуникант интерпретирует ответ первого «болен» по-своему т.е. его слова равнозначны и такой формулировке: «это означает, что он сильно пьяный».

А в примере 6 определяющим предположительность фактором выступает лексическое составляющее модального слова *значит* т.е. оно в качестве лексемы имплицитно ссылку на внешний источник информации на фоне повествовательности, заглазости в прошедшем времени.

Вышеизложенное указывает на то, что вводность позиции маркера в предложении является одним из основных условий выражения модальности предположения на фоне засвидетельствованности.

Следует отметить, что в русском языке имеется целый ряд лексико-грамматических средств (в том числе вводных), имплицитно предположительность на фоне миративности: *выходит; стало быть; вот, оно как! вот те раз!* и т.д.

7. *Вот она* какая правда-то бывает! [Горький: 196];

В силу того, что категория эвиденциальности относится к разряду относительно новых проблем лингвистической науки, многие аспекты данного понятия (в т.ч. связанные с модальностью предположения) находятся ещё на стадии осмысления и потому продолжают оставаться весьма дискуссионными.

Мы склонны разделять мнение тех, кто «ссылку говорящего на себя» не рассматривает в одной семантической зоне с «ссылкой на внешний источник», т.к. в таком случае априорность истинности (с точки зрения говорящего) простого сообщения о событии была бы поставлена под сомнение. Поэтому считаем, что в соответствующих обобщениях должна быть учтена темпоральная зависимость сообщаемого от условий эвиденциальности. Иначе говоря, включаем в зону эвиденциальности лишь случаи ссылок на конкретные внешние источники, т.е. наше мнение совпадает с её «узким» толкованием.

Выводы к первой главе:

1. Языковая модальность как лингвистическое явление имеет субъективную сущность, проявляющуюся в том, что высказывание (текст) представляет собой продукт мыслительной операции говорящего, реализация которой возможна лишь через субъективное отражение действительности в его сознании.

2. Разделение языковой модальности на объективную и субъективную составляющие оправдано как допущение локального свойства в пределах решения методологических задач, связанных с исследовательскими целями.

3. Диктум, в виде высказывания или текста при существующем положении вещей (т.е. в пределах концепции Ш.Балли) не может быть полностью тождественным тому мысленному представлению, которое он репрезентирует, т.к. он рассматривается в отрыве от модуса, являющегося единственным условием обеспечения такой тождественности.

А она может быть обеспечена только при рассмотрении диктума и модуса в едином охвате (на уровне мысли т.е. при учёте всех ментально-психологических факторов, предрасполагающих к соответствующему типу модуса), что чисто лингвистически - неосуществимо.

И это очередной раз показывает, почему «... все чаще высказывают сомнение в том, что лингвистический аппарат вполне пригоден для описания мира.» [77:96].

В такой ситуации обнаруживается необходимость в применении междисциплинарного подхода к исследованиям языковой модальности т.е. в привлечении опыта и знаний в области не только логики, психологии, культурологии но и физики.

4. Принцип общности физического времени для объективного и виртуального миров *гипотетически* подразумевает аналогичность среды функционирования мыслительной энергии и *релятивистской* среды, что *гипотетически* допускает возможность применения соответствующего математи-

ческого аппарата к исследованиям языковой модальности (при условии математического описания ментально-языковых процессов).

5. Диктум и модус выступают как одно целое, точнее первое являет собой сущность, «содержимое» второго и это подтверждает тезис А.М.Пешковского о том, что модальность выражает отношение говорящего к той связи, которую он устанавливает между содержанием высказывания и действительностью [76:86].

6. Модальность высказывания актуализируется:

- а) непосредственно в результате логических умозаключений;
- б) посредством интуитивно-чувственных сигналов;
- в) в результате комбинированного действия вышеперечисленных двух способов.

Её оформление осуществляется при помощи языковых (включая морфологические и лексико-грамматические) и неязыковых (интонация, жест и т. д.) средств.

Часто модальность актуализируется на фоне т.е. при взаимодействии нескольких («неродственных») модальностей и / или категорий различного типа, в т.ч.:

-модальность предположения в русском языке актуализируется главным образом в результате логического умозаключения говорящего при сопутствующих интуитивно-чувственных сигналах;

-основными видами категорий и модальностей, создающих фон для актуализации модальности предположения в русском языке являются: кажимость, условность, побудительность, вопросительность, отрицание, засвидетельствованность и миративность, которые функционируют как в отдельности (т.е. через соответствующие лексемы), так и сочетаясь друг с другом (т.е. при помощи устойчивых синтаксических конструкций).

ГЛАВА II

МОДАЛЬНОСТЬ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Общие сведения о предположительных значениях в кыргызском языке

Академик К.К. Юдахин выделил ряд существительных слов в кыргызском языке, которые по значению соответствуют существительному слову русского языка *предположение*:

- 1) *жоромол (жоромо)*: предположение, гипотеза [164:262];
- 2) *божомол*: предположение, приблизительное определение [164:138];
- 3) *болжол (болжо)*: предположительное определение [164:142];
- 4) *түкшүмөл*: неясная догадка, зародившееся предположение [165:280];
- 5) *чама*: определение на глаз, приблизительное определение [165:343].

К ним уверенно можно добавить и слово *боолго*, денотативная сущность которого явствует из его сочетания с вспомогательным глаголом *кыл* [164:144]: III.1. делать, совершать действие - *боолго кыл* / делать предположение и аффиксом /-ло/¹ - *боолголо* [164:144]: предполагать, высказывать предположение.

Слово *боолго* в качестве существительного преимущественно употребляется в разговорной речи (в южных говорах).

Таким же аналитическим способом можно составлять сложные глаголы в значении *предполагать* при сочетании и других существительных в значении *предположение* со спрягаемым вспомогательным глаголом *кыл*: *жоромо(л)+кыл*, *божомол+кыл*, *болжо(л)+кыл*, *түкшүмөл+кыл* и т.д. (например: *жоромол + кыламын* / предполагаю, ... +*кыласың* / предполагаешь, ... +*кылат* / предполагает).

Слово *боолго* в лит. языке обычно встречается в качестве корневого глагола *боолго* (*боолгойм* / предполагаю, *боолгойсуң* / предполагаешь,

¹ фонетический вариант аффикса /-ла/ согласно законам сингармонизма и вокализма; здесь и далее, где речь идет о «сингармонизме» и «фонетических вариантах», читателю рекомендуем за более подробным разъяснением обратиться к источнику: «Черкасский, М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. -М.: Наука, 1965.»

боолгойт / предполагает) а также и в составе производного глагола *боолголо* который представляет собой слияние существительного *боолго* и аффикса /-ла/ (*боолголойм* / предполагаю, *боолголойсуң* / предполагаешь, *боолголойт* / предполагает).

Общeturкский аффикс /-ла/ акад. Б.М. Юнусалиевым был отмечен в числе основных при описании способов образования производных глаголов кыргызского языка[102:497].

Остальные из вышеприведенных существительных также приобретают глагольную сущность в значении *предполагать* посредством аффикса /-ла/:

- 1) *жоромолдо* [164:262]/ говорить предположительно;
- 2) *божомолдо*[164:138]= *болжо* [164:142] / предполагать;
- 3) *болжолдо* [164:281]= *болжо* [164:142] / предполагать;
- 4) *түкшүмөлдө* [165:281]/смутно догадываться;
- 5) *чамала* [165:343]/определять приблизительно, прикидывать.

Следует отметить синонимичность производного глагола *болжолдо* корневому предположительному глаголу *болжо*: предполагать т.е. существительное *болжо* также как и существительное *боолго* обладает двоякой сущностью (омонимичностью) - одновременно может выступать и как *корневой глагол* в значении *предполагать*:

болжойм/предполагаю, *болжойсуң*/предполагаешь, *болжойт*/предполагает.

Однако при таком их многообразии употребление вышеуказанных глаголов предположения в кыргызском языке в отличие от русского языка имеет узко-ситуативный характер. Например, глаголы *жоромолдо* или *божомолдо* не обладают такой универсальностью какой обладает русский глагол *(пред)полагать* [160:960]; чтобы выразить, например, предположение:

Полагаю, что он уедет;

скорее скажут:

ал кетет деп ойлойм т.е. думаю, что он уедет

чем: *ал кетет деп жоромолдойм* (или *божомолдойм*) т.е. (пред)полагаю, что...

Говоря об этих глаголах, следует подчеркнуть, что наряду с равнозначностью, также имеется важный признак, который их различает; имеется в виду то, что глагол *жоромолдо* (или *жоромол кыл*) обозначает предположительную интерпретацию действия (или состояния) не только в будущем но и прошедшем времени, что обычно менее характерно для остальных (вышеприведенных) глаголов, в частности для глагола *божомолдо* (*божомол кыл*), который выражает действие, обозначаемое русским глаголом *предполагать* главным образом в плане настоящего или будущего времени.

Это непосредственно связано с семантикой глагола *жору* в значении *предполагать* [164:262], от которого произошло существительное *жоромол*; важно обратить внимание на то обстоятельство, что употребление глагола *жору* связано в основном с семантикой *толкование (сна)*, что обозначает интерпретацию состоявшегося факта (т.е. увиденного сна).

Употребление глагола *жору* в значении *предполагать* в современном кыргызском языке является также достаточно узко-ситуативным, в этом плане более востребована его аналитическая форма *ой жоруу*/толковать мысль.

Вообще в кыргызском языке предположительные существительные используются активнее чем их «оглаголенные» варианты:

(менин) *болжолумда ал кетет* / по моему предположению он уедет /букв.: в моем предположении...

Кроме того имеется ряд наречий типа *арсар*, *арасат*, *дуудамал* и т.д., используемых для передачи различных оттенков значений предположения.

Следует отметить, что кыргызскому языку характерно разнообразие средств, не только номинирующих *предположение*, но и средств, описывающих его как действие, включая морфологические и лексико – грамматические, которые ниже будут системно проанализированы.

2.2. Морфологический способ выражения модальности предположения

Как известно, *модальность предположения* характерна всем существующим в мире естественным языкам и все они располагают определённым набором средств для выражения предположительных значений, хотя *предположительное наклонение* выделяется в грамматиках лишь отдельных из них.

До недавнего времени считалось, что из тюркских языков предположительное наклонение имеется в *хакасском* и *якутском* языках [161:321]. В частности, в хакасском языке основным признаком предположительного наклонения являются аффиксы: /-задаг/ -гедег; /-хадаг/ -кедег; /-адаг/ -едег/ присоединяемые к основе глагола [36:198]. Например:

ахзадаг / похоже, что будет течь (потечёт), *кискедег* / похоже, что будет (может) резать и т.д.

Как мы видим, факт наличия предположительного наклонения в хакасском языке обусловлен главным образом тем обстоятельством, что соответствующий признак наличествует на *морфологическом* т.е. *аффиксальном* уровне.

Однако на этот счёт имелось и такое мнение : «... существует определенная традиция, то есть порядок, некогда заведенный, поддерживаемый и “удобный”. И это же оказывается очень неудобным, когда ставится задача сопоставительного изучения языков, в том числе даже и близкородственных. Нередко оказывается, что “одни и те же” этимологические формы в одних языках одними авторами расцениваются как формы наклонений, в других языках другими авторами таковыми не признаются»[94:48].

Дело в том , что вышеуказанный аффикс с той же семантикой функционирует и в близкородственном хакасскому алтайском языке, в котором на момент полемики не было выделено предположительное наклонение.

Однако, как мы видим, в новейшей грамматике алтайского языка 2017-го года издания в отличие от прежних двух (1869 и 1940 гг издания) уже предположительное наклонение выделено в составе косвенных наклонений[73:33],

где вышеуказанный аффикс описан как признак данного наклонения [35:352]. «...В этом отношении интересна тувинская форма /- *гу дег*/, где послелог *дег* “как, подобно” ещё не превратился в аффикс, как это произошло в алтайском языке. Эта форма имеется и в других сибирских тюркских языках: (в хакасском /-*гадаг*/, в шорском /-*гадыг*/ [36:198]).

Действие, обозначенное причастной формой на /-*гадый*/... не имеет непосредственного отношения ко времени. Она выражает возможности субъекта совершить действие, его склонность, способность произвести данное действие, а также пригодность предмета чему-либо. Например:

Иште/гедий кыс “девушка, которая может работать” /подходит для этой работы / ...” » [72 :17].

Мы же в свою очередь утверждаем, что в близкородственном хакасскому, алтайскому и тувинскому - кыргызском языке также наблюдается тот случай, когда послелог *дег* (в кырг. транскрипции /-*дей*/ с фонетическими вариантами: /-*дай*/, /-*дөй*/, /-*дой*/) превратился в аффикс и активно используется для выражения модальности предположения.

2.2.1. Аффиксы /-*дай*/ и /-*чал*/

Аффикс /-*дай*/ указывает на *уподобление*, актуализируя модальность предположения на фоне *кажимости* (ср.1.5.2.) Он используется присоединением: 1) к аффиксу /-*ган*/, причастной форме глагола прошедшего времени; 2) к аффиксу /-*чу*/, форме *прошедшего длительного времени* (*адат өткөн чак*) см. **табл.№9, п.3/2**; 3) к аффиксу /-*гы*/-*гу*/; 4) к имени.

1)Использование аффикса предположения /-*дай*/ присоединением к причастным формам глагола в позиции предикативности благодаря своей особой экспрессивности наиболее востребовано в худож. текстах. Обычно в таких конструкциях предположительность действия или состояния получает оформление в форме настоящего времени:

1.*Айтор ошо түнкү кандуу кармаш муну качантан берки кырсыктан куткаргандай*. [С.Өмүрбаев, Телегей, 340] / В-общем кровавая схватка той

ночи его **как будто** избавила от несчастья, преследовавшего так долго. **2.** Биргана Дүйшөнаалы экөөбүздүн көзүбүз ирмелбей уйку дегенди унутуп койгондойбуз. [С.Өмүрбаев, Телегей, 42] / Лишь мы с Дүйшөнаалы не сомкнули глаз, **будто** забыли про сон. **3.** Кыязы, Уч суулуктар бир митайымдык кылып жатышкандай. [К.Акматов, Мезгил, 148] / По-видимому, жители Уч-Су какую-то интригу затевают. **4.** Бир туруп эч кимде эч айып жоктой. [К.Акматов, Мезгил, 149] / С другой стороны, **кажется**, что никто тут ни при чём / букв: ..ни у кого нет никакой вины.

Модальность предположения выражается и в том случае, если аффикс /-дай/ присоединяется к глаголу, позиция которого в предложении не является предикативной:

5. Разия кечирим сурагандай Азизди карады. [М.Гапаров, Кара-Көлдүн каздары, 26] / Разия **словно** извиняясь посмотрела на Азиза.

2) Присоединение аффикса /-дай/ к форме адат өткөн чак (прошедшего длительного времени) [116:354] /-чу/ указывает на возможность, склонность, способность, готовность (иногда желание) к совершению действия, обозначаемого основным глаголом в плане кажимости:

6. Бул сыноодон өтчү/дөй/мүн/ (**Кажется**, я в состоянии пройти это испытание); где: өтчү- форма прошедшего длительного времени глагола өт (проходить / пройти); где: /-дөй/-аффикс предположения, являющийся одним из фонетических вариантов аффикса /-дай/; /-мүн/ - личное окончание 1-го л. ед. ч. (о спряжениях в кыргызском языке: [116:227]); **7.** Ушу тапта кыйма-чийме китеп көтөргөндөрдүн шаңынан аны тургай, атасы келсе да байкачудай эмес. [Ш.Бейшеналиев, Аманат, 144] / В этот момент, на фоне всех этих людей, снующих с книгами, она, **кажется**, не то, что его, а отца родного не заметит.

Вспом. глаголы (чаще всего /бол/быть) в сочетании с этим аффиксом выступают в качестве модификаторов форм времени:

8. *Ыткыйган оор булут төбөгө тийчүдөй* улам төмөндөп, жамгыр төгүп жиберчүдөй болуп турат. [С. Өмүрбаев, Телегей, 41] / Тяжёлые, тёмные облака всё ниже опускались, **будто** вот-вот коснутся головы и **кажется**, что сейчас обрушится дождь.

3) Сочетание аффикса /-гы/ с аффиксом /-дай/ в разл ф.в. является полностью идентичным сочетанию аффикса /-чу/ с ним как по форме так и по содержанию:

9. Бул сыноодон өт/кү/дөй/мүн /**Кажется**, я в состоянии пройти это испытание; где: /-кү/- ф.в. аффикса /-гы/. Здесь форма выражения предположительности кыргызского языка имеет полное смысловое соответствие с аффиксами: /-гадаз/-гедег; /-хадаз /-кедег;/ /-адаз/-едег/ предположительного наклонения хакасского языка: *ахгадаз* = *аккыдай* /**похоже**, что будет течь (потечёт), *кискедег* = *кескидей* /**похоже**, что будет (может) резать;

Бесспорно, утверждение о том, что хакасский аффикс /-гадаз/ «...восходит к древнетюркскому причастию будущего времени с аффиксом /-гу/-гы/» [36:198] в полной мере относится и к кыргызскому аффиксу /гыдай/ = /-гы/+ /-дай/;

10. *Мурда тамыр кармап суу жуткурган табыттан башканы көрбөгөн кайнатам бечаранын кызыгуусу тарагыдай* эмес, суроосу кангыдай эмес. [С. Өмүрбаев, Телегей, 50] / **Кажется**, что нет конца любопытству и вопросам моего бедного свёкря, не выдавшего раньше лекарей, кроме тех, которые щупали пульс и понуждали глотать воду. 11. *Балам сен, аябай тил уккудайсың.* [Ш. Бейшеналиев, Урпактар үнү, 215] / **Сынок, видимо, тебя крепко отругают** / букв.: ты таков, что беспощадно услышишь ругань. 12. *Туура бөлүштүрсө төрт кишиге жеткидей.* [А. Убукеев, Тандалган чыгармалар, 348.] / **Если правильно разделить, на четверых бы могло хватить.** 13. *Унаасы, үрөнү, шаймандары болсо гана жерди пайдалангыдай.* [А. Убукеев, Тандалган чыгармалар, 214] / **Землю бы он мог использовать только при наличии скота, семени и оборудования.**

Во всех вышеприведенных примерах суффикс /-гы/ + /-дай/ мог бы быть непосредственно заменён суффиксом /-чу/ + /-дай/ без искажения смысла высказывания. Однако они не всегда оказываются взаимозаменяемыми:

14. *Адамдар тартып алган рахатты арылдаган жорголугу менен кууп жетчүдөй тизгин бошоп, эрк өзүнө тийгенде жебедей шукушурулуп бөжүп барат.* [Ч. Айтматов, *Гүлсарат*, 137] / *Бежал добросовестно, не утомимо, точно бы мог догнать то, что было отнято людьми.* [Ч. Айтматов, *Прощай Гүлсары!* 281];

т.е. здесь прямая замена *жетчүдөй* на *жеткидей* привела бы к искажению смысла предложения. Адекватная передача соответствующего значения в этом случае потребовала бы коренного изменения всей конструкции предложения.

4) Случаи выражения модальности предположения присоединением аффикса /-дай/ к имени в предикативной позиции более характерны для разговорной речи:

15. *Сүйлөгөнүнө караганда биздин кишидей /Судя по тому как говорит, вроде наш человек.*

Наиболее распространёнными являются случаи употребления аффикса /-дай/ присоединением к имени в изъявительном плане:

16. *Сендей жаштарды комсомол уюму дайым колдойт.* [А. Убукеев, *Тандалган чыгармалар*, 393] / *Таких молодых людей как ты, комсомольская организация всегда поддерживает.*

Следует отметить, что в некоторых говорах южного диалекта, в частности, в мургабском (сарыкольском) аффикс /-дай/ используется присоединением к форме *будущего определённого времени* /айкын келер чак (см. табл. №2) аспектуально совпадая с *будущим сомнительным временем* (см. 2.2.6). Эта парадигма выражения предположения в лит. языке практически не встречается. В такой функции аффикс /-дай/ изоморфен аффиксу /-дыр/ (см. 2.2.5).

Имеется ещё один аффикс предположения */-ча/*, который как правило в различных ф.в. используется присоединением к существительному и числительному имени:

17. *Артыкча жеп, ичип койгонуна ич кўйдү болгон кишиче, аны кеп кылышыбыз албетте жакшы эмес.* [А. Убукеев, Тандалган чыгармалар, 368] / Конечно, нехорошо делать из этого тему, **как будто** нам жалко еды, которую он потреблял больше обычного / букв... **словно** человек, которому жалко...

ТАБЛИЦА №2		АФФИКС <i>/-дай/</i>	
Ф. вр.	Л.	Ед. число	Мн. число
Прош.	1	<i>Мен жазгандаймын./Я, кажется, написал</i>	<i>Биз жазгандайбыз/Мы, кажется, написали</i>
	2	<i>Сен жазгандайсың/Ты, кажется, написал</i>	<i>Силер жазгандайсыңар/Вы, кажется, написали</i>
	3	<i>Ал жазгандай/Он, наверно, написал</i>	<i>Алар жазгандай/Они, кажется, написали</i>
Наст.	1	<i>Мен жазып жаткандаймын /жататтаймын*/Я, кажется, пишу</i>	<i>Биз жазып жаткандайбыз /жататтайбыз*/Мы, кажется, пишем</i>
	2	<i>Сен жазып жаткандайсың/жататтайсың*/Ты, кажется, пишешь</i>	<i>Силер жазып жаткандайсыңар(жататтайсыңар*)/Вы, кажется, пишете</i>
	3	<i>Ал жазып жаткандай/жататтай*/Он, кажется, пишет</i>	<i>Алар жазып жатышкандай /жататтай*, жатышаттай*/Они, кажется, пишут</i>
Буд.	1	<i>Мен /жазаттаймын*/Я, кажется, напишу</i>	<i>Биз жазаттайбыз*/Мы, кажется, напишем</i>
	2	<i>Сен/ жазаттайсың*/Ты, кажется, напишешь</i>	<i>Силер /жазаттайсыңар*/Вы, кажется, напишете</i>
	3	<i>Ал жазаттай*/Он, кажется, напишет</i>	<i>Алар жазаттай*/ жазышаттай/Они, кажется, напишут</i>
Примечание : Знак * указывает на диалектальный характер парадигмы.			

Использование аффикса */-ча/* присоединением к прилагательному имени также, хоть и редко, но всё же встречается:

18. *Эмнегедир кызыкча болуп келди. [Ч. Айтматов, Кыямат, 171] / И странный какой-то он вернулся [Ч.Айтматов, Плаха, 386].*

Аффикс предположения /-ча/ чаще всего употребляется при выражении предположения о количественных характеристиках имени в плане приближённого обозначения.

В этом значении он аналогичен аффиксу /-дай/:

19. *Саркандда бир айча туруп калдык. [К.Баялинов, Боордоштор, 70]/В Сарканде простояли где-то месяц; т.е. здесь замена аффикса /-ча/ аффиксом /-дай/ не исказила бы значения высказывания: 20.Саркандда бир айдай туруп калдык /В Сарканде простояли где-то месяц.*

Аффиксы /-дай/ и /-ча/ могут органично функционировать в составе одного предложения:

21. *Атчан уландан үч-төрт жашча гана кичүүлүгү бардай жөө баланын. [С.Өмүрбаев, Телегей, 258] /Кажется, пеший мальчик младше юноши верхом всего лишь года на три-четыре).*

Ввиду меньшей валентности аффикс /-ча/ употребляется в кыргызском языке реже чем аффикс /-дай/, наиболее характерными случаями его употребления являются вводно-модальные средства предположения *менин оюмча*, *менимче* и т. д (см.2.3.4).

Сочетание аффикса /-дай/ с причастной формой на /-ган/ может использоваться в значениях, идентичных случаям его сочетания с аффиксами /-чу/ и /-гы/:

22. *Аз-аздап кийим бүтүн, курсак ач калбагыдай, анда-санда кино, театрда жарагандай каражаттан өксүттөөгө аракеттенебиз. [Ш. Бейшеналиев, Аманат, 139]/ Ну, мы уж постараемся помогать понемногу с деньгами, которых бы могло хватить, чтобы ты одет был, не голодал, а иногда в кино и театры ходил. 23.Бул анда-санда гана бир жерден кишинин жүрөгүнө барып тийгендей сөз айтып коёр эле. [М. Элебаев, Жарыяланбаган чыгармалар, 54]/Этот имел обыкновение говорить в редких только случаях, но так,*

*чтоб впрямь в сердце/букв.:...но так, чтоб (сказанное им) попало **бы** человеку в сердце. 24.Барганда окуп берем. Сен ыйлагандай ырлар бар. [М. Элебаев, Жарыланбаган чыгармалар, 58]/Когда приеду прочитаю. Есть такие стихи, что будешь плакать / букв.:...есть такие стихи, от которых ты заплакала **бы**.*

25.Эмгек келишими аркылуу батырактардын акысы байларга кетпегендей кылып, аларды эзүүдөн куткарабыз. [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар, 361]
*/Мы избавим от гнёта через трудовой договор, так, чтобы заработанное батраками не досталось **бы** богачам.*

Как видно из вышеуказанных примеров при сочетании аффикса /-дай/ с причастной формой на /-ган/ (тж. с аффиксами /-чу/ и /-гы/) модальность предположения может реализоваться в рамках общей парадигмы сослагательности (см. 2.2.8 и 2.3.3.4).

Считаем, что нельзя игнорировать активно функционирующую диалектальную форму выражения предположения относительно действия в будущем, которая представляет собой сочетание аффикса /-дай/ с айкын келер чак (будущее определённое время) глагола (см. табл. №2).

В кыргызском языке имеется ряд других аффиксов, создающих устойчивую парадигму выражения предположительности: /-сы/; /-сын/; /-чыла/; /-тан/; /-туу/; /-дыр/; /-ар/; /- бас/ ;/-бы/; /-мак/; /-ба/, которые в дальнейшем будут рассмотрены каждый по-отдельности.

2.2.2. Аффиксы /-сы/, /-сын/ и /-чыла/.

Модальность поддельного действия

Аффикс /-сы/ используется присоединением к форме *общего прошедшего определённого времени* в полной спрягаемой форме и показывает предположительность действия на фоне оттенка приблизительности (уподобления):

1.Аларды көргөндө жүрөгү шуу дей түшкөнсүдү. [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар, 351]/Когда их увидел, **как будто** его сердце ёкнуло. **2.**Күнсүз жагында шыкырайган бир терезенин орду тургансыйт. [М.Элебаев, Узак жол, 226]/С теневой стороны **вроде бы** зияет место того, что являлось

когда-то окном. **3.**Күлчоро сыноодон тез эле өткөнсүдү. [К.Акматов, Мезгил, 215] /Кюльчоро **вроде** быстро прошёл испытание. **4.**Ал бир аз соолуга түшкөнсүдү. [Ш.Абдыраманов, Дыйкандар, 182] /Он **вроде как** немного протрезвел. **5.**Мага Алыкул адегенде жөн гана ойлонбой бекер жүргөнсүп көрүнчү. [К.Жусупов, Бир сабындагы өмүр, 53] /Поначалу мне Алыкул **казался, как будто** он просто ходит без дела, не думая ни о чём. **6.**-Э абаке, -деди бир маалда эки бетине жаңыдан эле эндик сүйкөп алгансыган, дөмпөгөй тарткан бирөө Жусупка кайрылып. [С. Бөлөкбаев, Жусуп менен, 4] / -Э старина, -сказал вдруг обращаясь к Джусупу плюгавенький один с щеками, **будто** он их только что нарумянил).

Аффикс /-сы/ в случаях когда он присоединяется к имени, актуализирует модальность *поддельности действия* т.е. *нереальности*, которое обычно в русском языке выражается оборотами типа *корчить, строить, изображать (из себя), напускать на себя вид* и т.д:

7. Сен өтө эле кыйынсыба/ Ты слишком уж не строй из себя крутого.

Следует заметить, что в таких случаях он семантически совпадает с аффиксом /-сын/, доминантное значение которого является такая модальность. Аффикс /-сын/ в кыргызском языке языке создаёт устойчивую парадигму этого типа модальности т.е. *поддельности действия*. Он употребляется в полной спрягаемой форме присоединением к имени:

8.Билбей туруп эмне кереги бар тыңсынып. [З.Сооронбаева, Чоочун киши-1: 29] /Зачем **корчить из себя важного** когда не в курсе. **9.**Аркы иттерге сак бол, Тункатар! Мейманды каап албасын, ары басып карап тур –деп Бекиш мейман кадырын билген кишисинди. [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар, 331] /Бекиш особенно проявлял заботу **с видом человека**, который знает толк в приёме гостей: Ты уж поосторожней с теми собаками, Тункатар! Пойди и стой ближе к ним, как бы на гостей они не напали. **10.**Ошентип, өмүр маселесин дурус билген тажрыйбалуу кишисинди. [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар, 371] /Вот так он **строил из себя** опытного и знающего жизнь **человека**.

Аффикс */-сын/* также может выражать нереальное действие в значении *аркылуу мамиле (понудительного залога)* [116:330], когда понудительность приобретает характер подчеркнутого (вербального) выделения каких-то собственных объекту качеств, часто в значении унижения, пренебрежения:

11. *Сени карысынтып жаткан киши барбы?* [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар, 331] /Да кто же **говорит, что ты стар?** / букв.: Разве тут есть кто-нибудь, который **думает, что ты старый?** 12. *Бир алдын Балтабаев ушул шитин айыпкери Чериксинтип аны тилдеди.* [Ш.Абдыраманов, Дыйкандар, 130] /Поначалу Балтабаев отругал Черика, **будто** это он виноват в этом деле.

Аффиксы */-сы/* и */-сын/* актуализируют модальность нереальности (поддельности) также и присоединяясь к прилагательному *анткор* в значении *лживый, притворный*, образуя глаголы *анткорсу* и *анткорсун* [360:57]:

13. *А эгер ал унчукпай кумсарып, жылаан сымал заарын ичине топтон тымпыйып, бет келгенде Сатылганов менен анткорсуп жылма учурашып, уу буркөр оңтоюн алдыртан күтүп аңдып жүрсө, о, анда алда канча коркунучтуу болот эле Красин.* [К.Акматов, Мезгил, 221] /А если бы он молча бледнел, набирая внутри яд словно змей и при встрече **притворно вежливо** приветствовал бы Сатылганова, ловя подходящий момент, чтобы брызнуть в него свой смертоносный яд, вот тогда Красин был бы гораздо опаснее.

Данное прилагательное может принимать также и аффикс */-лон/* (т.е. аффикс */-тан/*; см. 2.2.3.) образуя глагол *анткорлон* [169:649] в значении *притворяться*. Распространено его употребление для характеристики действия:

14. *Бир оокумда эшиктин көчө жагынан жөтөл угулду. Анысы анык жөтөл эмес, анчейин кабар салган анткор жөтөл экендигин апа дароо туюнду, келе бер ким болсоң да, деди.* [А.Убукеев. Тандалган чыгармалар, 405] /В какой-то момент с улицы послышалось чьё-то покашливание. Женщина сразу поняла, что это не настоящий, а **деланный** кашель в знак оповещения, и сказала: войди в дом, кто бы ты ни был.

Имеется в кыргызском языке ещё один, достаточно редко используемый аффикс /-чыла/ в различных ф. в., который представляет собой грамматикализованную форму сочетания аффикса /-чу/ и спрягаемого аффикса /-ла/ .

Однако употребительна главным образом его деепричастная форма на /-и/, которая используется присоединением к: а) имени и б) к предикативным формам глаголов существования *бар(имеется) /жок, (нет, не имеется)*.

В первом случае он совпадает в значении с послелогоми уподобления *сыяктуу, шекилдүү* (см.2.2.4) и т.д.

15.*Ал дагы сенчилеп илим жолун тандаса сонун болмок / Если бы он тоже выбрал, подобно тебе, путь науки, было бы прекрасно.*

А во втором случае описываемое им действие воспринимается в семантическом поле модальности предположения на фоне кажимости:

16.*Тим эле атасынын акысы барчылап жөөлөп...Хе, адам деген кантип барат ой! [Т.Касымбеков, Повесттер, 169] / Ну лезет впрямь тут, как будто мы у отца его в должниках... Что за люди пошли нынче, а !*

Как показал анализ достаточно большого объёма лексического материала, вышеуказанные глаголы *анткорсу(н), анткорлон* также как и аффикс /-чыла/ характерны для худож. текстов, и встречаются они не часто - в зависимости от манеры повествования и конкретных контекстуальных особенностей описываемой ситуации.

Следует отметить, что в лингвистической литературе отмечены семантически схожие с кыргызскими аффиксами /-сын/(см.2.2.2.) и /-мыш/-максан/ (см.2.3.3.6.) глаголы, которые "...в удмуртских грамматиках квалифицируются как глаголы *фиктивные* или глаголы *притворного действия*. Их перевод на русский язык одним словом, как правило, невозможен»[61:101].

Примечательно, что если синтетический способ оформления притворности в южноудмуртском диалекте с помощью суффикса /-ясько/ [55:209] сравним с морфологическим способом оформления поддельности действия в кыргызском языке посредством аффикса /-сын/, то аналитический способ

оформления такого действия в североудмуртском диалекте с привлечением глаголов *карыны* в значении *делать* и *луыны* в значении *быть, стать* [55:209] напоминает сочетание аффиксов */-мыш/максан/* и */-ган/* с глаголом *бол* в значении *становиться, быть*, а также глаголом *эт* в значении *делать* в конструкциях кыргызского языка, описывающих поддельность действия.

2.2.3. Аффикс */-тан/*. Глаголы уподобления

Аффикс */-тан/* является одним из фонетических вариантов общетюркского аффикса */-лан/* [20:121], который для удобства используем в кыргызской транскрипции. Этот аффикс используется присоединением к именным частям речи. Он особенен тем, что способен превратить любое именное слово в глагол, придавая ему свойство уподобления.

В кыргызском языке имеются глаголы в значениях: *сыяктан* – уподобляться, быть похожим, иметь вид кого-чего-л [165:184], *өңдөн*-быть похожим, подобным, уподобляться [165:97], *кейиптен* - принять форму, вид [164:367], *кебетелен*-принять вид, форму [164:365], *тарызден*-иметь вид, быть похожим, подобным [165:208], *түспөлдөн* - принять вид, внешне стать похожим на кого-что-л [165:286], *түстөн* - быть похожим, уподобляться в отношении цвета, вида [165:286], *иреңден* –принять окраску, иметь вид кого-чего-л [164:303], *шекилден* - принять вид, форму, которых следовало бы назвать *глаголами уподобления*.

Эти глаголы образовались в результате аффиксации соответствующих существительных: *сыяк* - лицо, вид, внешний вид [165:184]; *өң* - лицо, цвет лица [165:96]; *кейип* - вид, форма [164:367]; *кебете*- вид, фигура, форма, контур[164:365]; *тарыз* – вид, образ, форма [165:208]; *түспөл* –физиономия, вид, облик [165:286]; *түс*– вид, цвет, масть [165:286]; *ирең*–лицо, цвет лица [164:303]; *шекил*– вид, форма [116:415];

т.е. приняв суффикс */-тан/* (ф. в.: */-тен/, /-лен/, /-дөн/, /-ден/, /-төн/*) эти существительные обрели способность выражать действие *уподобления*, превратившись в полноценных *глаголов*.

Кроме вышеуказанных, есть ещё другие, которые должны быть включены в эту группу глаголов т.к. выражают те же самые значения:

сымалдан: быть подобным, уподобляться [165:180];

окишо: быть похожим, подобным, походить, уподобляться [165:66].

Эти два глагола уподобления отличаются от прежних по сущности основы образования; основой глагола *сымалдан* является служебное слово *сымал* [165:180] не обладающее самостоятельным лексическим значением, но выступающее в качестве послелого, придающего сопровождаемому имени характер уподобления.

Глагол же *окишо* в отличие от остальных глаголов уподобления, является не производным, а глаголом-основой, который исконно выражает значение *быть похожим, подобным, походить, уподобляться*.

Есть ещё один глагол *көрүн* в значении *виднеться, стать видным, казаться, показаться* [164:430], представляющий собой форму возвратного залога глагола *көр* в значении *видеть, увидеть* [164:427]. Данный глагол также по месту употребления аналогичен вышеуказанным глаголам уподобления.

Для выражения модальности предположения на фоне уподобления достаточно активно используются ещё такие глаголы, как *сезил* [165:141], являющийся формой возвратно-страдательного залога глагола *сез* в значении III: *чувствовать* [165:140] и *туул* [165:276] - форма страдательного залога [157:59] ещё одного глагола в значении *чувствовать – туй* [165:264]. Эти глаголы по частотности употребления не одинаковы.

Наиболее востребованными и универсальными по месту употребления являются глаголы уподобления: *окишо, көрүн, сыяктан, өңдөн, кейиптен*. Использование остальных имеет специфический, узко-ситуативный характер.

Глагол *окишо* сочетаясь со словами дательного падежа (*барыш жөндөмө*) [157:33] выражает значение подобия обычно в изъявительном аспекте:

1. *Хорогдун өзүнүн үч-төрт кызыл байпакчан жаш бойдоктору, дагы бир кандайдыр бейтааныш, дүйшөмбүлүк тажиктерге **окишогон** жигит оту-*

рунтур. [М. Гапаров, Кара-Көлдүн каздары, 53] / Сидели три-четыре молодых холостяка из самого Хорога в цветастых джурабах и ещё какой-то нездешний парень, **похожий** на душанбинских таджиков.

Глаголы уподобления в форме простого настоящего времени (жөнөкөй учур чак) [116:344] *окшойт*, *өңдөнөт*, *көрүнөт* принято называть глагольными модальными словами (*этиштик модаль сөздөр*) [116:415], которые выражают предположительное значение в сочетании с различными временными формами глаголов:

2. *Кулжа тарантан чыгышкан окшойт.* [М. Элебаев, Узак жол, 220] / **Кажется**, они вышли со стороны Кульджи. **3.** *Анан түшүнө койду көрүнөт*, үйүнө чуркап кирди да, мылтыгын ала жүгүрдү. [А. Убукеев, Тандалган чыгармалар, 347] / **Затем видимо**, он смекнул, забежал в дом и на бегу хватая ружьё побежал обратно. **4.** *Баарынын жемелеп айткан сөздөрү Жанымжанга гана тийип жаткан өңдөнөт.* [М. Элебаев, Узак жол, 224] / **По-видимому** только Джанымджан принимает на свой счёт все эти укоры и колкости, произносимые всеми.

Модальность предположения проявляется также и при сочетании глаголов уподобления со словами (словосочетаниями) в предикативной позиции, описывающими состояние:

5. *-А-а, балакай, сенден кызың сезимдүү окшойт.* [Ш. Бейшеналиев, Аманат, 142] / *-А-а* малой, девка твоя, **видать**, смьшлённее тебя. **6.** *Бир туруп бүгүнкү кеч кирип келбестен тура бериши оң көрүнсө*, бир туруп кечтин бат эле кирип келиши оң **тарызданат**². [А. Убукеев, Тандалган чыгармалар, 399] / **То кажется**, что лучше бы сегодняшний вечер вообще не наступал, **то кажется**, что, пусть бы он скорее наступил.

В таких конструкциях, как:

7. *Ал бизди унуткан окшойт* / **Кажется**, он забыл нас;

²Диалектный вариант глагольной формы “таризденет”.

глагол *окшо* изменяется в лице и числе т.е. выступает как обычный глагол, выражая предположение на фоне оттенка кажимости:

8.Сен бизди унуткан окшойсуң/**Кажется**, ты забыл нас; **9.**Силер бизди унуткан окшойсуңар /**Кажется**, вы нас забыли. **10.**Алар бизди унут(уш)кан окшойт /**Кажется**, они нас забыли; **11.**Мен капчыгымды үйдө калтырган окшойм /**Кажется**, я бумажник свой оставил дома.

Глагол *окшо* здесь может быть заменён любым другим из группы глаголов уподобления, т.к. все они *равнозначны* и *взаимозаменяемы* в сочетании со всеми формами времени, что проиллюстрировано в таблицах №3 и №4.

Как видно из таблиц, глаголы этой группы в сочетании с формой *недавнего прошедшего определённого времени* (*жакынкы айкын өткөн чак*) глагола выступают как слова неизменяемой формы т.к. в этом случае данная форма времени является *спрягаемой* (двойное спряжение в пределах одной парадигмы противоречило бы логике кыргызского языка).

А в сочетании с остальными *неспрягаемыми* (включая причастные и деепричастные) формами времени глаголы уподобления изменяются в числе и лице, также оставаясь в функционально-семантическом поле модальности предположения:

12.Ошондо анан алыстан шукушурулуп кооптуу көрүнгөн бул укмуштун кадим эле адам колу менен жасалган жыгач буюм экени таанылды **окшойт**. [К.Акматов,Мезгил,12]/*Вот только тогда, похоже, стало распознаваться это внушавшее издалика страх стремительным движением чудище, что оно-обыкновенная рукотворная деревянная вещь.* **13.**Көптөн жүрүп келип мына бу үйдү жаңы көргөнүмө башыбыздан бир кырк жыл өтүп кеткендей **көрүндү**. [М.Элебаев, Узак жол,231] /*Когда увидел этот дом вновь после долгого отсутствия, казалось, будто прошло уже лет сорок.* **14.**Сасык тумоо тийген **көрүнөт**. [Т. Касымбеков, Жетим, 26]/*Загрипповал, кажется.* **15.**Бирөө чоңураак, экинчиси андан кичүүрөөк **көрүндү**. [К.Баялинов,Боордоштор,178] /*Одна показалась постарше, а вторая младше неё.* **6.**Согушка кечикпей кире турган

окшойбуз. [М. Элебаев, Жарыяланбаган чыгармалар, 169] / **Кажется**, что немедля входим в войну. **17.**Кеминде 10 суткадай жол жүрөт **окшойбуз.** [М. Элебаев, Жарыяланбаган чыгармалар, 168] / **По-видимому**, будем ехать по меньшей мере где-то 10 суток. **18.**Барон Ротшильдке орус өкмөтү ченебегендей алтын берди **окшойт.** [К. Акматов, Мезгил, 134] / **По-видимому**, русское правительство дало барону Ротшильду несметное золото. **19.**Бул сапар иш огеле капыстан болду **окшойт**, айтор басканы баскан ордунда, турганы турган ордунда бир паска селейип ката түшкөн **өңдөндү.** [К. Акматов, Мезгил, 15] / На этот раз, **по-видимому** всё произошло чересчур резко – **казалось, будто** все- и ходившие тут, и стоявшие застыли на мгновенье. **20.**Кыйкырган кыш түндүктө эле эмес, быйыл биерге үйүр алган **кебетеленет.** [С. Бөлөкбаев, Жусуп менен, 67] / Лютая зима в этом году не только на севере, но и здесь, **похоже**, освоилась. **21.**Кужулдаган караандардан алысыраак эле турган оң **өңдөндү.** [К. Акматов, Мезгил, 142] / **Казалось**, уж лучше держаться подальше от этой галдящей толпы / букв: ...от галдящих фигур. **22.**Көрсө ат чабышка байланыштуу өзүн дагы кандай тагдырлар күтүп турганын жүрөгү сезген **өңдөнүптүр** ошондо. [К. Акматов, Мезгил, 146] / Оказывается, ему тогда **показалось**, что он предчувствовал всё, что ему ещё уготовано судьбой в связи со скачками. **23.**Эмнегедир жүдөңкү **кейиптенип**, ал түгүл саал-паал сылтыган **өңдөнүп** өттү Арча Тору. [К. Акматов, Мезгил, 149] / Почему-то Арча-Тору проходил с каким-то осунувшимся видом, даже **вроде как** слегка похрамывал. **24.**Угалбадым... Көбүнчө жол-жобо айтылды **көрүнөт.** [Т. Сыдыкбеков, Тоо арасында, 394] / Не смог расслышать... **Кажется**, говорилось в основном о правилах. **25.**Мен адеп келип окууга өткөндө ошол сагаттан тартып бүтүн өмүрүм камсыз болгондой **көрүнгөн.** [М. Элебаев, Жарыяланбаган чыгармалар, 88] / Когда я только приехал и поступил учиться, мне **казалось, как будто** начиная с той минуты я обустроен на всю жизнь.

ТАБЛИЦА № 3 ГЛАГОЛЫ УПОДОБЛЕНИЯ	
Высказывание на кыргызском языке	Смысл высказывания
Будущее определённое время (Айкын келер чак)	
<i>Ал бизди унутат окшойт/өңдөнөт /көрүнөт /сыяктанат/кейиптенет</i>	<i>Кажется , он нас забудет</i>
<i>Сен бизди унутат окшойсуң/өңдөнөсүң /көрүнөсүң / сыяктанасың/кейиптенесиң</i>	<i>Кажется , ты нас забудешь</i>
<i>Силер бизди унутат окшойсуңар/өңдөнөсүңөр /көрүнөсүңөр/ сыяктанасыңар/кейиптенесиңер</i>	<i>Кажется , вы нас забудете</i>
<i>Алар бизди унут(уш)ат окшойт/өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат/кейиптенет</i>	<i>Кажется , они нас забудут</i>
<i>Мен капчыгымды үйдө калтырат окшойм/ өңдөнөм /көрүнөм/ сыяктанам/кейиптенем</i>	<i>Кажется , я бумажник свой оставлю дома</i>
Сложное настоящее время (Татаал учур чак)	
<i>Ал бизди унутуп жатат(жаткан) окшойт /өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат/кейиптенет</i>	<i>Кажется , нас он забывает</i>
<i>Сен бизди унутуп жатат(жаткан) окшойсуң/ өңдөнөсүң /көрүнөсүң/сыяктанасың/кейиптенесиң</i>	<i>Кажется , ты нас забываешь</i>
<i>Силер бизди унутуп жатат(жаткан) окшойсуңар/ өңдөнөсүңөр /көрүнөсүңөр/ сыяктанасыңар /кейиптенесиңер</i>	<i>Кажется , вы нас забываете</i>
<i>Алар бизди унутуп жатышат(жатышкан) окшойт/ өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат /кейиптенет</i>	<i>Кажется , они нас забывают</i>
<i>Мен капчыгымды үйдө калтырып жатат (жаткан) окшойм/ өңдөнөм /көрүнөм/ сыяктанам/кейиптенем</i>	<i>Кажется , я бумажник свой оставляю дома</i>

ТАБЛИЦА №4 ГЛАГОЛЫ УПОДОБЛЕНИЯ	
Высказывание на кыргызском языке	Смысл высказывания
Общее прошедшее определённое время (Жалпы айкын өткөн чак)	
<i>Ал бизди унуткан окшойт/өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат/кейиптенет</i>	<i>Кажется , нас он забыл</i>
<i>Сен бизди унуткан унуткан окшойсуң/өңдөнөсүң /көрүнөсүң / сыяктанасың/кейиптенесиң</i>	<i>Кажется , ты нас забыл</i>
<i>Силер бизди унуткан окшойсуңар/өңдөнөсүңөр /көрүнөсүңөр/ сыяктанасыңар/кейиптенесиңер</i>	<i>Кажется , вы нас забыли</i>
<i>Алар бизди унут(уш)кан окшойт/өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат/кейиптенет</i>	<i>Кажется , они нас забыли</i>
<i>Мен капчыгымды үйдө калтырган окшойм/ өңдөнөм /көрүнөм/ сыяктанам/кейиптенем</i>	<i>Кажется , я бумажник свой оставил дома</i>
Недавнепрошедшее определённое время (Жакынкы айкын өткөн чак)	
<i>Ал бизди унутту окшойт/өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат/кейиптенет</i>	<i>Кажется , нас он забыл</i>
<i>Сен бизди унуттуң окшойт/ өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат/кейиптенет</i>	<i>Кажется , ты нас забыл</i>
<i>Силер бизди унуттуңар окшойт/ өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат/кейиптенет</i>	<i>Кажется , вы нас забыли</i>
<i>Алар бизди унут(уш)ту окшойт/ өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат/кейиптенет</i>	<i>Кажется , они нас забыли</i>
<i>Мен капчыгымды үйдө калтырдым окшойт/ өңдөнөт /көрүнөт/ сыяктанат</i>	<i>Кажется , я бумажник свой оставил дома</i>

2.1.4.Аффикс /-туу/. Послелог уподобления

Аффикс /-туу/ (или /-луу/[157:49]) также используется присоединением к именным частям речи, с семантикой обладания предметом, обозначаемым соответствующим именем. Например: *булактуу конуш* (булак –источник, конуш – место): место с источником, стойбище, где **имеется** источник; *атактуу акын* (атак –слава, акын-поэт): **обладающий** славой, **имеющий** славу, т.е. **именитый, известный поэт** и т.д.

Определённый круг существительных (в том числе рассмотренные в 2.2.3.)

посредством аффикса /-туу/ (с соответствующими ф. в.) могут образовать служебные слова с семантикой уподобления, например, послелого (*жандоочтор*) /сыяк + туу/, /өң + дүү/ и /шекил + дүү/ [116:415] в значении *подобный, аналогичный* используются обычно в сочетании со словами, стоящими в именительном падеже:

1. *Бу адилет заманда жетимдердин Айбаш Султанов сыяктуу жетилгендери көп. [Ш. Бейшеналиев, Аманат, 136]/В этом справедливом веке из сирот преуспевших, как Айбаш Султанов, много.*

Эти послелого могут выступать в качестве имени, принимая суффиксы:

2. *Элдин ичинде Чоңкол жана бир топ жасоол, элүүбашы, ыстарчын сыяктуулар жүрөт. [М. Элебаев, Узак жол, 172]/Есть среди людей Стражник и ещё **такие, как** есаулы, пятидесятники и старины.*

Если они в предложении занимают предикативную позицию (вместе со словом или сочетанием, выражающим действие или состояние), как правило, выражают предположительность высказываемого:

3. *Дегеле аны үйүнө жумшабаган сыяктуу. [К. Акматов, Мезгил, 140] /Как будто он его и вовсе не отправлял домой.* 4. *Жарышта калып калган күнөөнү ал бүт бойдон өзүнө алган шекилдүү. [К. Акматов, Мезгил, 153] /Похоже, что он взвалил на на себя всю вину за отставание на скачках.*

В этой позиции они могут принимать личные окончания:

5. *Мындай адамдарды биринчи көрүп отурган сыяктуубуз. [М. Элебаев, Узак жол, 253]/Таких людей мы, **вроде как** впервые видим.*

2.2.5 Аффикс /-дыр/

Аффикс /-дыр/ в кыргызском языке констатирует предположительность действия или состояния, присоединяясь главным образом к именам, местоимениям и именным формам глагола, функционируя в полной спрягаемой форме. Наиболее распространен случай, когда он выступает с причастной формой прошедшего времени на /-ган/ [116:352]:

1. *Бири болбосо бири айт/кан/дыр.* [Ш.Абдыраманов, Дыйкандар, 127] / Не один, так другой, **наверное**, сказал; где: *айт* – основа глагола в значении сказать, /-кан/-суффикс прошедшего определённого времени; /-дыр/-аффикс предположения; 2. *Эмне болду? - деди акырын унчугуп. – Ук/кан/дыр/сың.* [Ш. Абдыраманов, Дыйкандар, 194] /-Что случилось?- молвил тихо. -Слышал, **наверное**; где: *ук*-основа глагола в значении слышать; /-сың/-личное окончание 2-л. ед.ч.; 3. *Ошондон кийин көп эле болсо бир же эки чакырым жол бас/ыш/кан/дыр.* [С.Бөлөкбаев, Жусуп менен, 67] /После они самое большее один или два километра, **наверно**, прошли); где: *бас* –основа глагола в значении ходить; /-ыш/- аффикс кош мамиле (взаимно-совместного залога) [157:59] выражающего также множественность при обозначении лиц, совершающих действие.

Сравнительно реже встречаются случаи присоединения аффикса /-дыр/ к аффиксам причастной формы прош.вр. /чу/[116:354] и намерения: /-чы/ и /-мак/ [116:341]. В таких случаях модальность предположения актуализируется главным образом на фоне вопросительности:

4. *Балким ал башка кызды сүйчүдүр? /Может он любил другую девушку?* 5. *Эртең бармакчыдырсың? /Может, ты намерен пойти завтра?*

Часто аффикс /-дыр/ присоединяется к корневому слову (оно также может иметь аффикс), занимающему предикативную позицию в предложении, выражая предположительность в настоящем времени. Это слово может принадлежать к любой из именных частей речи, т.е. может участвовать в предложении в качестве предикативного:

-существительного: 6. *Анысы эч кимге кереги жок көңүл чөгөөр бир ыр-дыр* [К.Жусупов, Бир сабындагы өмүр, 41] /Это, **наверное**, никому не нужно, какое –то удручающее стихотворение. 7. *Көп болсо төрт жүз километрди* [М.Гапаров, Кара-Көлдүн каздары, 57] /Максимум, четыреста километров, **наверно**;

-прилагательного: 8. *Апама окшоп боорукерди*? [С.Өмүрбаев, Телегей, 28] /**Может быть**, она добра как мама моя?;

-числительного: **9.***Айтор, ким болсо ошол болсун, жер жүзүндө толгон Муратовдордун биридир.* [М.Элебаев, *Жарыяланбаган чыгармалар*, 244] /В-общем, кто бы ни был, **наверное**, он- один из муратовых, каких на земле полно;

-наречия: **10.***Макала уюштурушум кажеттүүдүр.* [Ш. Бейшеналиев, *Урпактар үнү*, 182] /**Наверно** необходимо, чтоб я организовал статью.

Модальность предположения действия в настоящем времени также выражается, когда аффикс /-дыр/ присоединяется к причастной форме на /-ган/ вспом. глаголов: *жат, тур, отур, жүр*[101:53-74; 72:11] в составе соответствующих конструкций:

11.*Балким, сен ушундан улам мага ызаланып жүргөндүрсүң?* [Ш. Абдыраманов, *Дыйкандар*, 199] /**Наверное**, ты из-за этого злишься на меня?; **12.***Ал сени эстеп отургандыр.* /Он **наверно** вспоминает тебя/букв.: Он **наверно** сидит, вспоминая тебя.

Как видно из вышеприведенных примеров, в таких случаях настоящее время имплицитно определяется контекстом.

Предположительность действия в буд. вр. через данный аффикс выражается, когда он присоединяется к форме *будущего определённого времени* /айкын келер чак, аспектуально совпадая с *будущим сомнительным временем* (см. табл. №5 тж. 2.2.6).

В современном кыргызском языке эта парадигма выражения предположения свойственна разг. речи, хотя в последнее время она стала всё чаще встречаться и в худож. и публицист. текстах, что свидетельствует об укреплении ее позиции в лит. языке:

13.*Ошону үчүн 2-3 котормону биринде жокту бири толуктап тураттыр деген ниетте бердим.* [А.Ахматованын ырлары] /Поэтому, я поместил 2-3 варианта перевода полагая, что **может быть**, они будут дополнять друг друга. **14.***Балким 3 эле акын 3 жыл катары менен сыйланаттыр?* [Зайырбек Ажыматов атындагы сыйлык талашка түштү] /А **может**, одни и те же 3 поэта будут награждаться 3 года подряд? **15.***Балким баарыбыз бир аздан*

кошумча кылсак топтолуп калаттыр! А если всем нам скинуться понемногу, быть может, соберём-таки (эту сумму). [Эрнис Асек уулунун ырларынан].

ТАБЛИЦА №5			
АФФИКС /-дыр/			
Ф. вр.	Л.	Ед.число	Мн.число
Прош.	1	Мен жазгандырмын./Я, на- верно, написал	Биз жазгандырбыз/Мы, на- верно, написали
	2	Сен жазгандырсың/Ты, на- верно, написал	Силер жазгандырсыңар /Вы, на- верно, написали
	3	Ал жазгандыр/Он, на-вер- но, написал	Алар жазышкандыр/жазган- дырлар/Они на-верно написали
Наст.	1	Мен жазып жаткандырмын /жататтырмын/Я, на-верно, пишу	Биз жазып жаткандырбыз /жататтырбыз/ Мы, на-верно, пишем
	2	Сен жазып жаткандыр- сың/жататтырсың/Ты, на-верно, пишешь	Силер жазып жаткандырсы- ңар(жататтырсыңар) Вы, на-верно, пишете
	3	Ал жазып жаткандыр/ жататтыр/Он, на-верно, пишет	Алар жазып жатышкандыр /жататтырлар, жатышат- тыр/Они, на-верно, пишут
Буд.	1	Мен /жазаттырмын/Я, на-верно, напишу	Биз жазаттырбыз/Мы, на-верно, напишем
	2	Сен/ жазаттырсың/Ты, на-верно, напишешь	Силер /жазаттырсыңар/Вы, на-верно, напишете
	3	Ал жазаттыр/Он, на-вер- но, напишет	Алар жазаттырлар/ жазы- шаттыр/Они,на-верно, напи- шут

В аспекте отрицания аффикс /-дыр/ всегда присоединяется к слитному с аффиксом отрицания /-ба/ аффиксу /-ган/ или к вспом. глаголу эмес, означающему отрицание в предикативной позиции;

16.Ал мындайды бекеринен айтпагандыр /Такое он, на-верно, сказал неспроста. 17.Тиги өткөөлдө муз үстүндө боору менен жылганда мынчалык чарчаган-чаалыккан эместир.[С.Бөлөкбаев,Жусуп менен,99] /Он, на-верное, так не изводился как сейчас, когда полз на брюхе по льду на той переправе.

Этот аффикс участвует при выражении предположительности также в категории залога, в аспекте отрицания действия, вежливости и вопросительности высказывания.

18. *Же жөн гана ырларынын тарыхын эстеш үчүндүр?! [К.Жусупов, Ыр сабындагы өмүр, 99] / **А может**, просто для того, чтобы проследить хронологию своих стихов? **19.** Ага анчейин кызыксыздыр. [К.Жусупов, Ыр сабындагы өмүр, 86] / **Может**, ему не очень интересно.*

Примечательно, что в татарском языке «...для выражения значения предположения, неуверенности в совершении действия весьма активно используется частица /-дыр/, которая присоединяется практически к любому глаголу. Она была отмечена во многих грамматиках XIX в. и включена в состав форм индикатива. В дальнейшем она была исключена из форм изъявительного наклонения и вообще не рассматривалась в грамматиках [48:957]...»

2.2.6. Аффиксы /-ар/ и /-бас/

Аффикс /-ар/бас/ является признаком *будущего сомнительного времени* /арсар келер чак [157:65] глагола, обозначая предположительность действия, которое еще не совершено.

Следует отметить, что иногда название этой формы времени глагола на русский язык переводится как *будущее предположительное время*.

Как было уже отмечено выше, данный аффикс семантически совпадает с аффиксами /-дыр/ и /-дай/ в случае когда они присоединяются к форме *будущего определённого времени* /айкын келер чак (см. 2.2.5): аффикс /-ар/ присоединяется к деепричастной форме наст.вр., а аффикс отрицания /-бас/ присоединяется к основе наст. вр. глагола:

1. *Арадан убакыт өтөөр, ошондо анан Кызтуубас эмне үчүн абышкасы аны мына ушинтип тыйганын балким түшүнөөр, же балким түшүнүүгө чамасы жетпес... [К. Акматов, Мезгил, 20] / **Наверное**, пройдет время, вот тогда Кызтуубас **может быть**, и поймёт, почему же ее старик затыкал рот ей вот таким /вот/ образом, **а может быть** и окажется не в состоянии по-*

нять... **2.**Өңгө, өңгө...Сага жулдурбасмын... [Ш.Бейшеналиев, Аманат, 142] / Кому-кому, но вот тебе уж не уступлю **кажись..**/букв.: вот тебе уж не дам оторвать насильно, кажись... **3.**Жакында бүтөр эмес. [М.Элебаев, Узак жол, 229]/**Видать**, не скоро закончится.

Иногда аффикс /-бас/ подчёркивает надежду:

4.Катымдын соңу “кайгылуу” чыкканына иренжибессиң. [М.Элебаев, Жарыяланбаган чыгармалар, 165] /**Надеюсь, что**, ты не разочаруешься, что концовка моего письма получилась печальной.

Широкое употребление имеет также использование аффикса /-бас/ слитно с аффиксом /-тыр/ (ф. в. аффикса /-дыр/) практически не меняя смысла высказывания, хотя в этом случае оно звучит более эмоционально подчёркнуто:

5.Ким билет, биздин ушул айтып отурганыбыз бир кезде кийинкилерге кылдай таасир этпестир. [М.Элебаев, Жарыяланбаган чыгармалар, 58] /**Кто знает, быть может**, то, о чём мы сейчас говорим, когда-то людей нисколько не будет волновать / букв.: не будет влиять на последующих поколений как волосок.

2.2.7. Аффикс /-бы/

Способ выражения предположительности действия и состояния с помощью аффикса /-бы/ совпадает с обычной вопросительной формой высказывания.

Предположительность высказывания подразумевается из соответствующей интонации говорящего и контекста речевой ситуации:

1.Жактаган макаланы жууп, кызымталбы. [Ш.Бейшеналиев, Урпактар үнү, 199] /После обмывки защищённой статьи, **видать**, был слегка навеселе.

Это же предложение при определённом контексте мог бы означать обычный вопрос (см. 1.5.1.2. и табл. №6).

2.Жактаган макаланы жууп, кызымталбы? /Он (сейчас) подвыпивший, после обмывки защищённой статьи, да? **3.**Ал байкушту оору айнытып кой-

гонбу, же колхоздун биринчи башчысы болбой калганынан улам ошентеби? [Ч.Айтматов.Гүлсарат,136]/От болезни, **что ли, или** потому, что не главный теперь человек в колхозе?[Ч.Айтматов. Прощай Гульсары!284].

ТАБЛИЦА №6 ВОПРОС И ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ			
Форма времени	Вопрос	Предположение	
Общее прошедшее определённое время (Жалпы айкын өткөн чак)	Ал келгенби? /Он приехал (да)?	Ал келгенби... /Он приехал, что ли...	Ал келген окшобойбу... /Он приехал, что ли...
Прошедшее определённое время (Айкын өткөн чак)	Ал келдиби? /Он приехал (да)?	Ал келдиби... /Он приехал, что ли...	Ал келди окшобойбу... /Он приехал, что ли...
Будущее время (Айкын келер чак)	Ал келеби? /Он приедет (да)?	Ал келеби... /Он приедет, что ли...	Ал келет окшобойбу... /Он приедет что ли...
Сложное настоящее время (Татаал учур чак)	Ал келе жатабы? /Он приезжает (да)?	Ал келе жатабы... (Он приезжает, что ли...)	Ал келе жатат окшобойбу... (Он /едет/идет (сюда) /приезжает, что ли...)

4.Мунуку андай эмес, сүйлөм тизгендерин карасаң, сабаты жаңы чыкканбы дегендей. [М.Элебаев, Жарыяланбаган чыгармалар,250] /У этого не так всё, если посмотреть как он строил предложения, то впору сказать: “Малограмотный, **что ли...**” 5.Бул байкушту үмүттөндүрбөй Койсундун турмушка чыкканын айтып койсомбу. [А.Текинаев, Чабандын уулу,80] /Сказать, **что ли**, о замужестве Койсун, чтоб этот бедолага зря не надеялся... 6.Чокунган эмеби, кандай. [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар, 282] /Крещёный **что ли**,

кто знает. 7.Кубалап кармасамбы, же гүл болуп, анын өзү эбелектеп конуусун күтсөмбү...[Ш.Бейшеналиев, Урпактар үнү, 302] / Пускаться **ли** за нею, поймать **ли** её **или** же стать цветком, чтобы томиться в сладком ожидании её трепетной посадки... 8.Аял алыптыр. Оорусунан уламбы, анысы менен турмушу болбоптур. [К.Жусупов, Ыр сабындагы өмүр, 103] /Женился, оказывается. Из-за его болезни **ли**, совместной с ней жизни не получилось.

Модальность предположения также возникает на фоне взаимодействий вопросительной модальности посредством аффикса /-бы/ с различными другими видами модальности, что подробно будем рассматривать в параграфах: 2.3.2; 2.3.3.2; 2.3.3.6 настоящей работы.

2.2.8.Аффикс /-мак/

Аффикс /-мак/ является общим для тюркских языков, хотя способы его употребления в них существенно различаются[116:341].

В кыргызском языке данный аффикс (в разл. ф. в.) используется (слитно с соответствующим личным окончанием) присоединением к основе наст. вр. глагола, выражая «цель субъекта действия, намерение совершить действие» [157:63]:

1.Сөзүмдүн акырында,-деди Камилжан саал токтоло калып, - азыр эле Тагай айткан бир маселеге токтолмокмун.[Ш.Абдыраманов, Дыйкандар,175] /В заключение, -сказал Камилджан после некоторой паузы, - **хочу** остановиться на одной проблеме, о которой только что говорил Тагай. 2.Сегизбаев менен анын жамаатташтары жаңы секретардын чаркын байкамак, өз жагына тартышка болобу-жокпу, ошону сынамак. [Ч. Айтматов, Гүлсарат, 190] /Одна сторона – в лице Сегизбаева и его сторонников- **хотела испытать** сопротивляемость нового секретаря, **проверить**, нельзя ли для начала хотя бы прибрать его к рукам.[Ч.Айтматов, Прощай Гульсары,313].

Аффикс /-мак/ может принимать и аффикс /-чы/ (с соответствующими ф. в.) слитно с личным окончанием, выступая в том же значении [116:342]:

3.Артынан жөнөмөкчү болду эле, Самат дагы жүгүрүп келди. [Ч.Айтматов, Делбирим, 248] /Он пошёл **было** за ней, но Самат снова прибежал. [Ч.Айтматов, Тополёк мой...541]. **4.**-Кантип жоймокчусуң? [Ш. Бейшеналиев, Урпактар үнү, 259] /Как ты **намерен** устранять?

Выражение предположительного значения посредством аффикса /-мак/ реализуется в рамках общей парадигмы выражения сослагательной модальности .

Известно, что в других тюркских языках, в частности, в башкирском «основным (доминантным) способом выражения предположительной модальности являются формы сослагательного наклонения, которые передают различные оттенки уверенного и неуверенного предположения» [56: 98] .

Сослагательная модальность как правило складывается из двух: *условной* и *сослагательной* частей, в грамматиках многих языков (в т.ч. таджикского) они рассматриваются нераздельно.

В кыргызском языке обе эти модальности реализуются в грамматикализованной форме: посредством аффиксов /-са/ (в условной части) и /-мак/ (в сослагательной части) в разл. ф. в., что свидетельствует о наличии в нём *сослагательного наклонения*.

В условной части при помощи аффикса /-са/ выражается условие, при наличии которого совершилось бы действие (произошло бы событие), выражаемое посредством аффикса /-мак/:

5.Бүгүн көчөгө чыксак болмок. [А.Текинаев, Чабандын уулу, 87] /Сегодня нам следовало **бы** выйти на улицу/букв:.. **если бы** вышли на улицу, **было бы** хорошо. **6.**Керим акеси, мындай сөздү биз айтпаса, сиз укпасаңыз болмок. [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар, 377] /Керим, брат ты наш, **лучше бы** таких слов мы не говорили и ты **бы** их не слышал/букв:.. **если бы** таких слов мы не говорили, **если бы** ты их не слышал, **было бы** хорошо. **7.**Өз оюна койсо Эсеналиев балким мени кызматка алмак эмес. [К.Абдышев, Мансап, 9] /**Будь** его воля, наверное, Эсеналиев меня не взял **бы** на работу. **8.**Дароо таап

келшикени жакшы болуптур, бол**босо** жылаңач козу ачык короодо тоңуп өл**мөк**. [Ч.Айтматов, Гүлсарат, 154] /Хорошо, что вовремя подоспели, **а не то** так и замёрз **бы** в загоне. [Ч.Айтматов, Прощай Гульсары, 291]. **9.** Кино, гезит мындай турсун, өз атыңды да билбей өт**мөксүң**. Сенин атың «кул» деген гана үч арип сөз бол**мок**... [Ч.Айтматов, Гүлсарат, 142] /Не то, что там кино или газеты, имени своего не знал **бы**. Одно было **бы** у тебя имя из трёх букв – кул-раб! [Ч.Айтматов, Прощай Гульсары, 284] **10.** Аба ырайы жакшы болгондобу, азыр убакыт чак түш, күн чакыйып төбөдө бол**мок**. [Ж. Исабаева, Жыландын сүйүүсү] /Эх, если **бы** хорошая погода, сейчас время - ровно полдень, солнце **бы** ярко светило над головой. **11.** Анүчүн жазуучунун архивине тереңирээк кирип, кол жазмаларды салыштырып окуп чыгуу талап этил**мек**. [М.Элебаев, Жарыланбаган чыгармалар, 38] /Для этого потребовалось **бы** глубже изучить архив писателя, прочитать рукописи с сопоставлением.

Важно обратить внимание на тот факт, что:

а) предположительность выражаемая аффиксом /-мак/ в примерах **5-11** относится к уже состоявшемуся факту, т.е. является контрфактивной;

б) в примерах **1** и **2** речь идёт о действии, которое ещё не совершено, что относится к той же семантической зоне, в которой функционирует аффикс /-макчы/, выражающий в ряде тюркских языков модальность намерения. Это показано в примерах **3** и **4**.

Следует отметить, что посредством аффикса /-мак/ могут выражаться также и значения долженствования:

12. -Ал экөөбүз көрүшүп калганда бол**мок**. [Ч.Айтматов, Гүлсарат, 221] /-Нам **надо** было увидеться. [Ч.Айтматов, Прощай Гульсары, 333]. **13.** -Мен сизге атамдын аманатын айт**мак**мын, Танаке, -деди Самансур. [Ч. Айтматов, Гүлсарат, 221] /-**Должен** я вам передать, Танаке, наказ отца, -проговорил Самансур [Ч.Айтматов, Прощай Гульсары, 333].

Подобные случаи наблюдаются чаще при использовании аналитических конструкций прошедшего времени – при сочетаниях аффикса /-мак/ с вспом. глаголами *бол* и *эле*.

С этим обстоятельством, на наш взгляд, связано бытующее в кыргызской лингвистике представление о данном аффиксе как о доминантном морфологическом признаке модальности долженствования.

Дело в том, что в кыргызском языке «конкретным образом *сослагательное наклонение* не выделено» [8:27], более того, есть мнение о том, что в нём «отсутствует *сослагательное наклонение*» [46:119].

В результате аффикс /-мак/ рассматривается как признак модальности *намерения* – одними исследователями и как признак модальности *долженствования* – другими.

Иначе говоря, «...в академической грамматике кыргызского языка *оно* (*наклонение долженствования*-М.Т.) трактуется как “наклонение намерения” (*ниет ыңгай*) и выражает семантику намерения совершить какое-либо действие. В нормативной вузовской грамматике данное кыргызское наклонение толкуется как наклонение *долженствования* (*максат ыңгай*), выражая “... цель субъекта действия или такое же действие, которое предрешено и необходимо для этого субъекта” »[8:27].

Если добавить ко всему вышеизложенному ещё и тот факт, что аффикс /-мак/ представляет собой одно из морфологических средств, репрезентирующих семантику *имени действия* [157:83], то можно составить мнение об уникальной полисемичности данного аффикса кыргызского языка.

Анализ показывает, что в других родственных (в частности, алтайском [35], хакасском [36], казахском [62], узбекском [156] и татарском [93]) языках аффикс /-мак/ не создаёт устойчивой парадигмы выражения *сослагательной предположительности*, что, на наш взгляд, указывает на целесообразность рассмотрения его в качестве основного морфологического признака *сослагательного наклонения* в кыргызском языке.

2.2.9. Аффикс /-ба/

В кыргызском языке предположительное значение может быть выражено также посредством аффикса отрицания /-ба/ в рамках парадигмы побудительной модальности (повелительного наклонения)[116:334].

В таких случаях реализуется модальность предположения на фоне вопросительности (догадка) обычно выражаемая в русском языке через такие лексико- грамматические средства как обороты: «а вдруг... » , «(уж) ...ли... »:

1. *Биз таптай жүргөн адис ушу сен болбогун?! Уж не ты ли тот специалист, которого мы ищем-не находим?* 2. *“Ошол жакта жүрбөсүн...” деген тикирге ээрчип, ал камыштуу жылгага жөнөдү.* [Т.Касымбеков, Жетим, 62] /Ведомый мыслью: “А **вдруг** там находится /букв.: ходит?” он направился в сторону камышовой балки.

В вышеприведенном изъявительном предложении (пр.2) для выражения догадки персонажа использована отрицательная форма глагола *жүр* (ходить) в повелительном наклонении.

Здесь глагол *жүрбөсүн* самостоятельно означал бы: *пусть не ходит*. Однако в силу грамматикализованности самого сочетания аффикса /-ба/ с глаголами при выражении догадки в соответствующих речевых ситуациях, глагол *жүрбөсүн* здесь не функционирует в значении повелительного наклонения (хотя внешне имеет форму такового) .

Следует отметить, что по сравнению с теми случаями, когда (как в предыдущем примере) он выступает в качестве основного глагола, гораздо чаще встречаются случаи, когда глагол *жүр* используется в качестве вспом. глагола в составе аналитических конструкций (см.2.3.3.5).

Таким образом, вышеизложенное указывает на то, что выражение предположительного значения с использованием отрицания, как правило непосредственно связано с вопросом, что даёт основание рассматривать его в качестве частного случая выражения предположения на фоне вопросительности.

2.3. Лексико-грамматический способ выражения модальности предположения.

2.3.1. Модальные слова

Кыргызский язык имеет множество модальных слов, используемых для выражения предположительного значения.

В числе наиболее употребительных можно выделить такие из них, как: *ыктымал, мүмкүн, балким, сыяктуу, өңдүү, шекилдүү, окшойт, көрүнөт, сыяктанат, өңдөнөт, имши, го, бейм, белем, чыгаар, дейм, керек, болжолу, калыбы, кыязы, сыягы, чамасы, кейпи* [116:408-421] и др.

Способы их употребления различны; они могут использоваться в отдельности или друг вместо друга, сочетаться друг с другом либо с другими словами, отражая самые разные ситуативно-контекстуальные оттенки предположительности действия или состояния.

2.3.1.1. Послелогии уподобления *сымал, сымак, сыңары, окшош*

В кыргызском языке имеются послелогии *сымал, сымак* [165:180] и *сыңары* [165:182], которые придают характер уподобления сопровождаемому имени.

Послелогии *сымак* и *сыңары* в отличие от послелога *сымал* не образуют глагольной формы через аффикс */-тан/*. Кроме того они отличаются друг от друга по сущности: послелог *сымак* (также как и послелог *сымал*) не имеет самостоятельного лексического значения, тогда как послелог *сыңары* происходит от существительного *сыңар* в значении «*один из пары...*» [165:182] т.е. является его формой с аффиксом принадлежности (*сыңар+ы*) [116:387]:

1. *Айылдыктардын бирин-экиси аны ылдыйда жакында эле көргөн сыңары.* [Т.Мискен, Назима. 6] /Некоторые из аильных **вроде как** недавно его видели там, внизу. 2. *Жел айдаган шамал чалгырт тийип, казан бир четинен чымыраган сыңары* / Пламя, гонимое ветром, коснулось сбоку, и котёл **как бы чуть** кипит. [165:340]. 3. *Апасов мен тууралуу Нураимга атайылап арызданган сымал.* [Ш.Бейшеналиев, Урпактар үнү, 103] /Апасов, **видимо**, жаловался Нураим насчёт меня нарочно, с умыслом. 4. – *Окуугабы? – деди Элеман. – Ошол*

сыңары. [Т. Мискен, Назима, 13] *На учёбу? – спросил Элеман. -Вроде того.*

Кроме того имеются производные от глаголов уподобления *окшо* и *көрүн* слова: *окшош* в значении *похожий* [165:66] и *көрүнөө* в значениях *явный, очевидный* [164:430], часто выступающие как предикативное наречие. Но в отличие от послелогов *сыяктуу, оңдүү* и *шекилдүү* они не выражают предположительного значения:

5. *Ал эмнегедир Акматалынын кырк биринчи жылы фронттон салган сүрөтүнө окшош эле.* [А. Текинаев, Аппак кар, 68] */Почему – то он был похож на фотографию, которую в сорок первом с фронта прислал Акматалы.*
6. *Бийикте баарына көрүнөө, бирок эч ким жете алгыс...* [Ч. Айтматов, Кыямат, 220] */В выси – на виду и не доступен никому... [Ч. Айтматов, Плаха, 418].*

2.3.1.2. Модальные слова *имиш*, *дейт* / *дешет*, *экен* / *бекен*

Семантическая общность модальных слов *имиш* [164:301], *дейт* и *экен* [165:445] в кыргызском языке связана с засвидетельственностью (эвиденциальностью), на фоне которой возникает модальность предположения. То есть, предположительность здесь обусловлена тем, что внушается неуверенность говорящего в достоверности сообщаемого, намёк (в случае с *дейт* - прямое указание) на то, что оно исходит с чужих слов:

1. *Бирок опурталы да оңой эмес дейт, машинелери бузулуп калып, ээн талаада суу таппай темселеп жүрүп, адашып өлгөн мергенчилери да болгон имиш. Кышкысын бороонго буюгуп өлгөнү да аз эмес. Кийин куу сөөгү гана табылчу экен.* [Ч. Айтматов, Кыямат, 168] */Но и опасность вроде немалая, бывали случаи, машина выходила из строя, а охотники погибали от жажды, заплутавшись в степи. А зимой, случалось, и буран застигал степной. Потом находили, мол, только косточки.* [Ч. Айтматов, Плаха, 384].

Следует подчеркнуть, что в вышеприведенном примере модальные слова *дейт*, *имиш* и *экен* полностью взаимозаменяемы, замена их местами в любой комбинации здесь особо не повлияла бы на общее содержание сообщаемого.

Однако они не всегда взаимозаменяемы, каждое из них обладает отличитель-

ными лексическими особенностями.

Модальное слово *имиш* используется в непосредственном сочетании как с именем так и глаголом и при этом наряду с «ссылкой» на чужие слова, может выражать также и явный оттенок *иронии*, *издёвки* или *фамильярности* (*отчуждённости*):

2. Бирок бул апендинин апендилигин кантесиң! Иуданын падышасы *имиш*, Кудайдын сүймөнчүгү *имиш*, Кудайдын адилет дөөлөтүнө жол көрсөтүш үчүн иудейлерге Кудай берген белеги *имиш*! [Ч.Айтматов, *Кыямат*, 207] /Но подумать только, каков оказался этот чудак! Он, *мол*, царь Иудейский, возлюбленный Господом и дарованный Господом иудеям как прямая стезя к справедливому царству Божьему. [Ч.Айтматов, *Плаха*, 410]. 3. Ал жерде суу сактагыч болот *имиш*. [М.Гапаров, *Кара-Көлдүн каздары*, 92] /Там водохранилище, *вроде как*, будет.

Модальное слово *дейт* представляет собой форму простого настоящего времени (жөнөкөй учур чак) глагола *де* в значении *сказать*, *молвить* [164:188]. Модальное слово *дейт* от обычного глагола *дейт* отличается тем, что оно грамматикализовано в форме неизменяемой вводной лексической единицы, предположительная модальность которой реализуется в безличных предложениях.

Следует заметить, что очень тонка грань между ними, их следует различать исходя из контекста речевой ситуации:

4. Мен өзүм дыйкан тукумунанмын *дейт* Петруха. Мына ушерден эки жүз чакырым төмөнүрөөк Моюнкумдун чөлү жатат, сан жетпеген бөкөндөр ошерде, кээ бир “газиги” бар эргулдар аң уулап, ошерге Оренбургдан бери жетип келишет *дейт*. [Ч.Айтматов, *Кыямат*, 168] /Так я, говорил он, родом из крестьянской семьи. Рассказывал ещё Петруха, что, *по слухам*, километрах в двухстах от этих мест начинается пустыня Моюнкум, а там, дескать, сайгаков этих, антилоп степных, видимо-невидимо и что, *вроде хорошие лю-*

ди у которых добрые служебные “газики”, наезжают на охоту чуть ли не из самого Оренбурга. [Ч.Айтматов, Плаха, 384].

В первом предложении вышеприведенного отрывка глагол *дейт* имеет обычное изъявительное значение (...говорил он...). Второе предложение здесь целиком нужно воспринимать как прямую речь (...Рассказывал ещё Петруха...), а завершающее предложение слово *дейт* является модальным, которое отражает ссылку на чужие слова (...по слухам...).

Модальное слово *дейт* совпадая по значению с *имиш*, отличается от него тем, что не отражает дополнительного оттенка иронии или унижения:

5. Чоң атаңардын атасы кырк жашында жоодон калтек жеп өлүптүр, чоң атаңар өзү да дал кырка толум деп турган чагында бугу менен сарбагыштын чабышында найзадан опат болгон *дейт*. Эки бети кыпкызыл болгон кара сакалчан киши эле *дейт*. [К.Акматов.Мезгил, 44] /**Говорят**, отец вашего деда в возрасте сорока лет пал от вражеской дубинки, и сам дед ваш тоже был поражён копьём на междоусобной потасовке бугу и сарбагышей аккурат перед своим сорокалетием. Был он, **говорят**, румяным мужчиной с чёрной бородой.

Несмотря на то, что *дейт* как глагол выражает действие в ед. числе, в силу своей грамматикализованности как модальное слово воспринимается во множественном числе и на русский язык переводится соответствующим образом. Также распространено его использование и в форме множественного числа в том же значении:

6. Комсомолго өтөсүң деп кызын өлтүргөндөр болгон *дешет* го, апасы! [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар, 394.] /**Мать** моих детей, а **говорят**, что были и такие, кто убивал собственную дочь за то, что та вступила в комсомол!

В этом «модальном» ряду слово *экен* стоит особняком. Оно является причастной формой прошедшего времени неправильного недостаточного вспом. глагола *э* в значении *быть* [165:442].

Функционируя в качестве глагола *экен* несёт в себе ещё ряд модальных значений. Акад. Юдахин К.К. выделял несколько разных его модальных значений, приводя, помимо прочего, и такой пример: «*деген экен, деген экен бир коёнду бир коён жеген экен*. погов.(о вранье): *и дело бывало: и коза волка съедала* (букв. *сказано, сказано – один заяц другого зайца съел, оказывается*)» [165:446]. Как видно из примера, модальность слова *экен* связана с миративностью (*оказывается*).

Вспом. глагол *экен* часто выступает в составе конструкций с сочетанием деепричастной формы наст. вр. на /-ып/ с причастной формой прош.вр. на /-ган/, когда происходит констатация факта действия на фоне засвидетельствованности, имплицитруемой вспом. глаголом *экен*:

8. *Бир күнү кечинде музоолорду шаарга кийрип жиберип бир көчө менен кайра келе жатсам Жийдекан жолукту. Бирөөнүн ишин кылып алпарып берип, үйгө кайтып бараткан экен.* [М.Элебаев, *Кыйын кезең*, 142] / Однажды вечером, когда я загнав телят в город, шёл обратно по одной из улиц, повстречалась мне Джийдекан. Она, **оказывается**, возвращалась домой сдав чей-то выполненный заказ.

Предположительность на фоне засвидетельствованности (т.е. ссылки на чужие слова) выражается (в отличие от случая с *дейт*) имплицитно, когда «говорящий может не доверять своему источнику информации» и в силу чего «...передаётся ...предположение описываемых событий» [72:36].

Важно отметить, что предположительность действия главным образом проявляется в случаях, когда *экен* используется в непосредственном сочетании с формой будущего *определённого времени* (*айкын келер чак*):

9. *Бүгүн-эртеңден келет экен.* [М.Элебаев, *Кыйын кезең*, 143] / Вот-вот, **говорят**, придут /букв. *Сегодня-завтра, мол/дескать, придут*.

Здесь нельзя обойти вниманием также и слово *бекен*, которое представляет собой грамматикализованное сочетание аффикса вопроса /-бы/ с глаголом *экен* (*бы+экен*); при его сочетании с аффиксом предположения /-ар/ *бас*/ может

возникать значение надежды или сомнения (часто при отрицании) с предположением вопросительного оттенка:

10. *Алар мектептин курулушун быйыл бүтөөр бекен?* [116:350] / *А смогут ли они закончить строительство школы в этом году?*

Следует заметить, что круг значений (в т.ч. модальных) выражаемых при помощи слова *экен* очень широк и многие его лексико-грамматические особенности ещё не изучены.

2.3.1.3. Модальные слова *ыктымал*, *мүмкүн*, *балким*, *чыгаар*

Модальные слова *ыктымал* [165:428], *мүмкүн* [165:44] и *балким* [164:105] относятся к числу *настоящих модальных слов* (*чыныгы модалдык сөздөр*) [116:409] и в плане функционально-семантическом они совпадают друг с другом, хотя способы их употребления различаются.

Модальное слово *ыктымал* (иногда используется в форме *этимал*) при выражении предположительности в предложении обычно стоит в позиции предикативности:

1. *Студент акчасы көп болсо азгырылып кетиши да ыктымал.* [Ш. Бейшеналиев, Аманат, 139] / *Если у студента денег будет много, может быть, он съѣтся с пути.* **2.** *Жемге кошуп момуя берсек, сынык мүйүздүн өсүүсү ыктымал.* [Ш. Бейшеналиев, Аманат, 284] / *Если добавим в корм ему мумиё, сломанный рог может быть, восстановится / букв: ...вероятен рост сломанного рога.* **3.** *Антүүсү да этимал.* [Ш. Бейшеналиев, Урпактар үнү, 46] / *Возможно, он поступит и таким образом.* **4.** *Ошонусуна карап молдо киши го де-чүлөр да болушу этимал.* [А. Убукеев, Тандалган чыгармалар, 401] / *Может, есть и такие, которые исходя из этого полагают, что он мулла / букв: Может быть, есть и говорящие исходя из этого: “Видать, он мулла...”* **5.** *Поэзиянын алиппесин тааный албаган кунарсыздар анын эшигин сүзүп, жөөлөп кириши ыктымал экен.* [К. Жусупов, Ыр сабындагы өмүр, 53] / *Оказывается, возможно, чтобы халтурщики, не сумевшие освоить азбуку поэзии, нагло вломили в её дверь.*

Во всех вышеприведенных примерах модальное слово *ыктымал* (*этимал*) могло бы быть заменено модальным словом *мүмкүн* без искажения смысла предложения. Следует подчеркнуть, что модальное слово *ыктымал* (*этимал*) в отличие от *мүмкүн* не может быть использовано в качестве вводного слова, а модальное слово *мүмкүн* наряду с *балким* выступает и в форме такого. Например, вопрос «Может быть, он пришёл?» можно сформулировать при помощи обоих этих слов : а) *Мүмкүн, ал келген(дир)?* б) *Балким, ал келген(дир)?* Как мы видим, они в значении *может быть* равнозначны и взаимозаменяемы.

6. *Канча убакыт уурдалды, мүмкүн эт бышымча өткөндүр.* [Ш.Бейшеналиев, *Аманат*, 142] /Сколько времени потеряно, **может**, прошло два-три часа. 7. *Мүмкүн, бул этюддагы жердин бизге тааныштыгынан болгон чыгар.* [М.Гапаров, *Кара-Көлдүн каздары*, 7] /**Это, может быть**, случилось из-за того, что место /изображённое/ на этюде знакомо нам. 8. *Андан көрө мобу кошуна аялды чакырайын, жаңкы айткан кишилерди мүмкүн көргөн чыгар.* [К.Жусупов, *Бир сабындагы өмүр*, 84] / **Лучше уж позову вот соседку нашу, может быть**, она видела людей, о которых шёл тут разговор. 9. *А мүмкүн акын дегендин да өмүр кудурети ушул торгойдойдур.* [К.Жусупов, *Бир сабындагы өмүр*, 66] / **А может**, у того, кто зовётся поэтом тоже жизненная сила как у этого соловья.

Следует обратить внимание на то, что выражение предположения в случаях употребления модального слова *мүмкүн* в предикативной позиции приобретает несколько иную окраску:

10. *Жол кире албасы да мүмкүн.* [М.Гапаров, *Кара-Көлдүн каздары*, 57] /**За проезд могут** и не брать. 11. *Андай болушу мүмкүн эмес.* [К.Акматов, *Мезгил*, 148.] /**Этого не может** быть. 12. *-Кирүүгө мүмкүнбү? /Можно* войти? - *Ооба, мүмкүн /Да, можно;*

видно, что в таких случаях выражается *возможность* в плане *алетической* (примеры: **10** и **11**) а также *деонтической* (пример **12**) модальностей (см.1.4.).

Модальные слова *мүмкүн* и *ыктымал* могут принимать аффиксы предположения */-дүр/*(т.е./-дыр/) и */-дөй/*(т.е./-дай/) или сочетаться с другими модальными словами предположения типа *сыяктуу, окшойт* и т.д.:

13.Анын келиши мүмкүндүр? / **Может быть, возможен** его приезд?

14.Анын кызматтан көтөрүлүшү мүмкүн (ыктымал) сыяктуу /**Кажется,** возможно его повышение по службе. **15.**Сиздин долбоор боюнча маселени карап көрүшүм мүмкүндөй (ыктымалдай) болуп турат. / **Кажется,** могу рассмотреть вопрос о вашем проекте / букв: *Моё рассмотрение вопроса о вашем проекте **кажется возможным.***

Модальное слово *балким* может употребляться только в форме вводного слова, синтаксически не связанного с предложением, но подчёркивающего вероятность действия или состояния и не может выступать в позиции предикативности:

16.Ал өмүрүндө мындай каарды көргөн эмес. Же **балким** көрсө да унуткан чыгаар.[К.Акматов,Мезгил,200] /Он в жизни не видел такого гнева. А **может,** и забыл если даже и видел. **17.**Аттары айтылса, **балким** билермин, - деп ордуна турду.[А.Убукеев, Тандалган чыгармалар, 351] /Если их назовут, **может** и узнаю,- сказал он и встал с места.

Как видно из вышеприведенных примеров, модальные слова *мүмкүн* и *балким* в вводной позиции преимущественно выступают в качестве вспомогательного модификатора модальности предположения в предположительных высказываниях т.е. они дополняют присутствие модальных средств типа предположительного слова *чыгаар* или суффикса предположения */-ар/-ер/* и т.д.

Однако, следует отметить, что распространено также их использование в непосредственном сочетании с временными формами глагола (преимущес-

твенно в разговорной речи) в качестве непосредственного актуализатора модальности предположения (см.2.3.4.):

18.Балким кайтып келди. /**Может**, вернулся /вернулась. **19.Мүмкүн** эртең жөнөйм. /**Может быть**, отправлюсь завтра.

Модальное слово *чыгаар* [116:415] по форме совпадает с 3-л. ед. ч. будущего сомнительного времени (*арсар келер чак*) глагола *чык* в значении *выйти/выходить*. Часто при написании этого слова опускают одну из гласных «а» т.е. наряду с формой *чыгаар* употребительна также и форма *чыгар* в той же функции. Такое допущение применимо к аффиксу */-ар/* будущего сомнительного времени в целом: **бараар** = **барар** (*наверно, пойдёт / поедет*), **келээр** = **келер** (*наверно, придёт/приедет*), **кураар** = **курар** (*наверно, построит*) и т.д.

Модальное слово *чыгаар* – одно из наиболее распространённых и функционирует в полной спрягаемой форме; оно занимает, как правило, предикативную позицию в предложении:

20.-Катын-балаң бар чыгар ээ, жолдош Арстанбек? [С.Бөлөкбаев, *Жусуп менен*,7] /Жена и дети у вас есть **наверно**, да, товарищ Арстанбек?

21.Айбан да болсо ичип жүргөн суусун сагынган чыгаар. [К.Акматов, *Мезгил*,112] /Хоть и животное оно, **наверное** соскучилось по родной воде, из которой пили.

2.3.2. Модальные частицы *го, белем, бейм*

Эти частицы в значениях предположения очень близки, часто взаимозаменяемы. Однако по способу и месту употребления частицы *го, белем, бейм* различаются, окраска их значений более зависима от конкретных контекстуально-ситуативных факторов; если частица *го* больше применительна в плане неуверенности, то частицы *бейм* и *белем* тяготеют к вопросительности. Поэтому их называют соответственно: *го- күмөндүү бөлүкчө* (*частица сомнения*), а *бейм* и *белем*– *болжолдоо-суроо бөлүкчөсү* (*предположительно - вопросительная частица*) [116:405].

Эти частицы отличаются высокой валентностью, что обуславливает их весьма широкую употребительность; они способны гармонично сочетаться практически со всеми формами времени глагола.

Модальность предположения, выражаемая этими частицами определяется предикативностью их позиции в предложении:

1. *Алардын эрдиктери ушу го.* [К. Жусупов, *Бир сабындагы өмүр*, 112] /*Это и есть, **наверно**, подвиг их.* 2. *Баягы карышкырлыгың кала элек го?* - Бердигул тамашалай күлдү. [А. Текинаев, *Чабандын уулу*, 115] /*Кажется, ты тот ещё волк!* - Бердигул шутливо смеялся. 3. *Эки-үч түн уйкудан калгансың го?* [С. Өмүрбаев, *Телегей*, 177] /*Ты две-три ночи не спал, **что ли?*** 4. *Балдарымдын күнү кыйын болот экен го?* [С. Өмүрбаев, *Телегей*, 172] /*Теперь, **кажется**, моих детей ждуют трудные дни!* 5. *Адамдын сезиминен кыйын магнит эжок го.* [Ш. Бейшеналиев, *Урпактар үнү*, 46] /*Наверное, нет магнита, сильнее человеческого чувства.* 6. *Карылыктын келгени го...* - Чоро бир азга үнсүз отурду да, чакырган жумушуна кирди. [Ч. Айтматов, *Гүлсарат*, 125] /*Время, **наверно**, уже... - Помолчав, Чоро заговорил о деле...* [Ч. Айтматов, *Прощай Гульсары*, 274].

Предположительность может быть «подкреплена» ещё и соответствующими вводными словами, выступающими вместе частицей *го*:

7. *Кебетеси, комсомолдук салт ошондой го.* [Ш. Бейшеналиев, *Урпактар үнү*, 32.] /*Похоже, что комсомольский обычай таков у них.* 8. *Сыягы, муздасын деп койгону го.* [Т. Касымбеков, *Жетим*, 31] /*Видимо, оставил чтобы оно поостыло.*

Однако следует заметить, что предикативность позиции частицы *го* связана не только с модальностью предположения, т.к. в такой позиции она может выражать также и усиление значения, выражаемого в предикативной позиции:

9. *Бул долбоорду түзгөн менмин го!* /*Ведь я же создал этот проект!*

В этом значении частица *го* полностью идентична усилительной частице /-ку/ таджикского языка [170:196]. Как известно, в южных говорах кыргыз-

ского языка нередко частицу *го* произносят в виде *кү*: *мен өткөздүм кү /да я ведь сдал; я же сдал*[164:177]. Следует отметить, что допустимо частицу *го* после глухих согласных писать в виде */-ко/* слитно с предшествующим глаголом:

10. «Олжобай» уруусунун бир уулу, Ийгиликтин кызынын калыңына жарайтко дейм.[А Убукеев, Тандалган чыгармалар,91] /Одного сына племени «Олжобай», **по-моему**, можно принять в качестве приданого дочери Ийгилика.

Частица *белем* представляет собой грамматикализованную форму сочетания вопросительной частицы */-бы/* и глагола *эле* формы прошедшего времени неправильного и недостаточного глагола *э(р)* [165:148]/и личного показателя [46] 1-го л. ед. ч. */-м/* (*/-бы/+эле+/-м/*)[116:405], превратившуюся в слово неизменяемой формы:

11.Кызы кечөө кожоюну урган **белем**. [М.Элебаев, Узак жол,247] /**Похоже**, вчера хозяин его побил. **12.Дабан** эсеке мен эмес бу совхоздун башка чабандарынын да көкөйүнө көк жармадай тийди **белем**. [С. Өмүрбаев, Телегей, 196] /Дабан не только мне но и другим чабанам этого совхоза также, **видать**, нервы изрядно попортил. **13.Ии**, карбаластан жүрүп акылыман шашканымы эми анык билдим **белем**. [С. Өмүрбаев, Телегей, 243] / Да уж, только теперь, **кажется**, понял, что в суете и суматохе я потерял контроль над собой. **14.Кармышев** дегениң тың журналист **белем**. [Ш.Бейшеналиев, Урпактар үнү, 92]/Этот твой Кармышев, **видать**, неплохой журналист.

Следует отметить, что частица *белем* в предикативной позиции может принимать спрягаемую форму, однако она спрягается только во втором лице, а в первом её не принято спрягать, т.е. нельзя говорить: *мен жазган белеммин* (*кажется, я написал*), (в этом случае следует использовать частицы *го/бейм*: *мен жазгам(ын) го/бейм* или глагол уподобления: *мен жазган көрүнөм /окшойм* и т.д.), но распространено: *сен жазган белемсиң* (*кажется, ты напи-*

сал), силер жазган белемсиңер(кажется, вы написали), алар жазышкан белем (кажется, они написали) и т.д:

15.-Дегеле оң сүйлөбөгөн ойрон белемсиң?-деп Акиш желтинип оң карарды. [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар:367]/ Ты **никак** зубоскал этакий, который никогда не отвыкнет зубы заговаривать?- сказал Акиш энергично поворачиваясь к собеседнику.

Важно знать, что в кыргызском языке имеется ещё одна частица *беле*, являющаяся грамматикализованной формой сочетания: /-бы/ +эле, которая используется для оформления вопроса на фоне сослагательной модальности. В таком вопросе в 1-л. ед. ч. частица *беле* принимая соответствующий личный показатель /-м/, по форме совпадает с частицей *белем*:

16.Сендей жаш болсом, чарчайт белем? /Будь я молодым как ты, разве я устал **бы**?

Форма *белем* может употребляться и без вопросительного знака в зависимости от контекста:

17.Мен баарына сап болгон жан эмес белем. [М.Элебаев, Жарыяланбаган чыгармалар,204] /Я ведь всегда всем помогал /букв: Я **разве не был** тем, который был всем опорой.

Конечно, в подобных случаях предположительно-вопросительная частица *белем* и сослагательно-вопросительная частица *беле(м)* внешне неразличимы. Их можно различить по способу спряжения:

18.Сен камакта эмес белең? [М.Элебаев,Жарыяланбаган чыгармалар, 219]/Ты же был в тюрьме?/букв: а разве ты не в тюрьме? Если бы этот вопрос оформлялся с помощью частицы *белем*,то он выглядел бы так:

19.Сен камакта белемсиң?/Ты в тюрьме, что ли?/Уж (часом) не в тюрьме ли ты? **20.**Сиз чарчап калдыңыз белем? [М.Элебаев,Жарыяланбаган чыгармалар,116] /**Кажется**, вы устали, да? Если бы этот вопрос оформлялся с помощью частицы *беле*, то он выглядел бы так:

21. *Сиз чарчап калдыңыз беле?/Вы устали, что ли?* Следует заметить, что в некоторых северных говорах кыргызского языка употребительна и такая форма данного вопроса: *Сиз чарчап калды белеңиз?*

Частица *бейм* представляет собой грамматикализованную форму сочетания /-бы/ + *дейм* и практически выражает то же самое, что и частица *белем*. Поэтому частицы *бейм* и *белем* обычно используются одна вместо другой, хотя частица *бейм* является более художественно окрашенной, в силу чего в художественных текстах встречается чаще.

Другим её отличием от частицы *белем* является то, что она – неспрягаема, при ней спрягается предшествующий глагол:

22. *Ажсы Шатман чындап каарына келген бейм, босогосуна туура отуруп алып таягы менен жер сабап, Күлчорону үйдүн ичине камап алып коё бербей жаткан экен.* [К. Акматов, *Мезгил*, 199] / **Похоже**, хаджи Шатман не на шутку рассердился, оказывается, он неистовствовал, не пуская Кульчоро выйти за порог. **23.** *Өңгөсүнөн да шаарда жашап, аспирантурада калаарлыктарын озуна болжосуп, өзүлөрүнүн тагдырларын байланыштыра тартуу мүдөөлөрүн кошкондуктары эртеңкини кыскартып астына тартуулагандай толкун сээрине калкытты бейм.* [Ш.Бейшеналиев, *Аманат*, 158] / **В** особенности то, что они наперебой выражали желание жить в городе оставаясь в аспирантуре и то, что они связывали свои сладкие мечты воедино, в общую судьбу, **кажется**, стало убаюкивать его на гребне волны таких приятных грёз, что **будто** уже исполнены надежды на будущее. **24.** *Үйүндө анчейин тилин укпаган кызына биердеги жагдайдан пайдаланып аталык өкүмүн жүргүздү бейм.* [Ш.Бейшеналиев, *Урпактар үнү*, 70] / **Похоже**, пользуясь здесь обстановкой устанавливал отцовскую власть над дочерью, которая дома не особенно слушалась его.

2.3.3. Аналитические конструкции и модальные обороты.

2.3.3.1. Конструкции: /-дай/ + бол / сезил / туюл;

/-сын/ + сезил / туюл

В кыргызском языке очень широко распространены аналитические конструкции в худож. текстах, когда аффикс предположительности /-дай/ присоединённый к причастной форме на /-ган/ используется в непосредственном сочетании со спрягаемыми вспом. глаголом *бол* (в значении *быть*), а также глаголами уподобления (см: 2.2.3.), которые актуализируют разные временные формы. Важно отметить, что в подобных случаях временной план имплицитруется скорее контекстом нежели формой глагола:

1. Бердигулдун денесин аралап муздак бир нерсе жүрүп кеткендей болду. [А. Текинаев, Чабандын уулу, 90] / Бердигулу **показалось**, что нечто холодное **будто** бы пронеслось через тело. 2. Үчөө жан талашып катар чаап баратпай, ың-жыңсыз дүйнөдө кыймылсыз катып калышкандай сезилди Гүлсарыга. [Ч. Айтматов, Гүлсарат, 53] / Гүлсары **казалось**, что они теперь вовсе не бегут, что все они просто застыли в каком-то странном оцепенении и безмолвии. [Ч. Айтматов, Прощай Гүлсары, 238]. 3. Ызылдап ышкырып шамал соккондой, ай талаада бир адам муңкана ырдап, зар какшап ыйлап жүргөндөй туюлду. Дүйнө демин ичине тартып тунжурап, алиги зарлаган адам гана теңирге үнү жеткидей какшап, дүйнөнүн суук койнунан алда кимди издеп жүргөндөй туюлду. [Ч. Айтматов, Гүлсарат, 227] / **Будто** ветер тревожно завыл, **будто** бежал человек по полю с плачем и жалобной песней, а всё вокруг молчало, затаив дыхание, всё безмолвствовало, и только бежал как **будто** одинокий голос тоски и скорби человеческой. **Будто** бежал он и не знал, куда приткнуться с горем своим, как утешиться среди безмолвия этого и безлюдия, и никто не откликался. [Ч. Айтматов, Прощай Гүлсары, 336]. 4. Ал келгенде боз там ичи не жарык күйгөндөй болот. [К. Жусупов, Бир сабындагы өмүр, 64] / Когда он приходит, внутри серого дома **как будто** светом озаряется.

2.3.3.2. Модальные обороты /-бы/ го + дейм /; /-ган /-дай/ + түрү + бар / жок

Предположительность может быть выражена также при помощи модальных оборотов. Один из таких оборотов оформляется при помощи модального слова *дейм* [116:416] в значении «говорю / скажу» когда он при соответствующих временных формах глагола сочетается:

а) с аффиксом вопросительности /- бы/: **1.** *Мен сизди зериктирип жибердимби дейм.* [А. Убукеев, Тандалган чыгармалар, 468] /**Кажется,** я вам наскучил;

б) с частицей предположения *го*:

2. *Баарын чечмелеп отуруу артыкбаш го дейм...* [Ч. Айтматов, Гүлсарат, 192] / **Думаю,** комментарии излишни... [Ч. Айтматов, Прощай Гүлсары, 315]. **3.** *Окуусу дурус эле го дейм* [Ч. Айтматов, Гүлсарат, 130] / **А учится, по моему,** хорошо [Ч. Айтматов, Прощай, Гүлсары! 277].

Значение предположения выражается также другим достаточно употребительным модальным оборотом, представляющим собой сочетание существительного *түр* (вид) и *бар* (есть, имеется) т.е. в значении: *иметь вид, походить, казаться* и т.д. Следует подчеркнуть, что этот оборот используется исключительно в предикативной позиции:

4. *Өзү да аты да өлөрчө чарчаган түрү бар* [К. Акматов, Мезгил, 142] / **Похоже,** что и он сам и его лошадь вконец уставшие.

Данный оборот может использоваться с отрицанием *жок*(нет) вместо *бар*(есть), в таком случае выражение принимает некоторую эмоциональную подчёркнутость:

5. *Деле биринин да эстечү түрү жок.* [К. Акматов, Мезгил, 139] / **Похоже,** никто из них и не собирается вспомнить.

2.3.3.3. Модальные обороты /-са/ + керек; /-уу/ уш/ + керек; /-га/ + тийиш

Модальный оборот предположительности в форме сочетания модального слова долженствования *керек* в значении *нужно, необходимо* [116:414] со спрягаемой формой аффикса условного наклонения /-са/ [116:337] весьма

употребителен в кыргызском языке; посредством данной конструкции можно выражать предположение о событии, относящемся к любому временному пласту (см. табл. №7). Главной особенностью данной конструкции является то, что формально она для всех временных форм времени остаётся одинаковой:

1. *Өгөй эненин заарынан батына албай ушул айылдын бирине конуп калса керек.* [С. Өмүрбаев, Телегей, 40]/Из-за страха перед гневом мачехи, у кого-нибудь тут из аильных остался, **наверное**, ночевать.

ТАБЛИЦА №7 КОНСТРУКЦИЯ: АФФИКС /-са/+л.о. +керек			
Ф.вр.	Л.	Высказывание на кыргызском языке	Смысл высказывания
Единственное число			
Буд.	1	<i>Жазсам керек</i>	<i>Наверное, напишу</i>
	2	<i>Жазсаң керек</i>	<i>Наверно , напишешь</i>
	3	<i>Жазса керек</i>	<i>Наверное, напишет</i>
Наст.	1	<i>Жазып жатсам керек</i>	<i>Наверное, пишу</i>
	2	<i>Жазып жатсаң керек</i>	<i>Наверное, пишешь</i>
	3	<i>Жазып жатса керек</i>	<i>Наверное, пишет</i>
Прош.	1	<i>Жазсам керек</i>	<i>Наверное, (я) написал</i>
	2	<i>Жазсаң керек</i>	<i>Наверное, (ты) написал</i>
	3	<i>Жазса керек</i>	<i>Наверное, (он,она) написал(а)</i>
Множественное число			
Буд.	1	<i>Жазсак керек</i>	<i>Наверное, напишем</i>
	2	<i>Жазсаңар керек</i>	<i>Наверное, напишете</i>
	3	<i>Жаз(ыш)са керек</i>	<i>Наверное, напишут</i>
Наст.	1	<i>Жазып жатсак керек</i>	<i>Наверное, пишем</i>
	2	<i>Жазып жатсаңар керек</i>	<i>Наверное, пишете</i>
	3	<i>Жазып жат(ыш)са керек</i>	<i>Наверное, пишут</i>
Прош.	1	<i>Жазсак керек</i>	<i>Наверное, (мы) написали</i>
	2	<i>Жазсаңар керек</i>	<i>Наверное, (вы) написали</i>
	3	<i>Жаз(ыш)са керек</i>	<i>Наверное, (они) написали</i>

2. *Кыязы өлтүргөнү жүрүшсө керек...* [А Убукеев, Тандалган чыгармалар,

125]/**Похоже**, собираются убить...**3.**Улдүрөп сүйлөгөн сөзүнө, кыймылына караганда жүүнү бош **болсо керек**. [М.Элебаев, Тандалган чыгармалар,257] /Судя по тому как он мямлит, как двигается, **наверное**, характер у него слабенький. **4.**Мен сага ишенчүмүн, сүйчүмүн, ошондуктан кызгансам **керек**, Алтынчач. [А.Текинаев, Чабандын уулу,77-78] /Я в тебя верил, любил, поэтому и **наверно**, ревновал, Алтынчач. **5.**Алыкулду согуштан мурда эле билсе **керек**. [К.Жусупов,Бир сабындагы өмүр,88]/**Наверное**, он знал Алыкула ещё до войны. **6.**Алыкулдун ырларынын жоголгону көп **болсо керек**. [К.Жусупов,Бир сабындагы өмүр,123]/**Наверное**, утерянных стихотворений Алыкула больше. **7.**Жакшы турмуш адамдардын психологиясына ар түрдүүчө таасирин тийгизсе **керек**. [А.Текинаев, Чабандын уулу,107]/Хорошая жизнь, **похоже**, по-разному влияет на психологию людей.

В этих конструкциях семантическое различие, связанное со временем угадывается из контекста. Так, предложение:

8.Кошту бир айдан ашык айдасак **керек**. [М.Элебаев, Тандалган чыгармалар,248]

может быть переведено так:

Землю, наверное, пахали больше месяца.

Однако из предшествующего повествования явствует, что речь идёт о будущем времени. Поэтому правильный перевод предложения выглядит таким образом:

*Пахать землю, **наверное**, больше месяца будем.*

Другой пример:

9.Бир жылдык каражатымды беришсе, анда кенде иштесем. Көп төлөшсө **керек**[Ш. Абдыраманов, Дыйкандар,143]; здесь предложение: **Көп төлөшсө керек** в отдельности может быть переведено в плане прош. времени: *Наверное, много заплатили*; а также и в плане наст. времени: *Наверное, много платят*.

Однако, предшествующее предложение:

Бир жылдык каражатымды бершисе, анда кенде шитесем./Ну, раз уж будут покрывать мои годовые расходы, и еще буду там работать на приискаx.- указывает на будущее время, обуславливая соответствующее значение перевода: **Наверное**, много будут платить.

В подобных конструкциях выражение временной локализованности может реализоваться при помощи соответствующих показателей времени (*кечээ /вчера, /эртең /завтра, /азыр/сейчас, дагы эле/ всё-ещё, и т.д):*

10. Дал ошон үчүн **кечеги** совет чыккандагы жаз эрте келген кут жылды күңгөй эли катуу эстен калышса керек. [К. Акматов, Мезгил, 11] /Именно поэтому, **наверное**, люди южного склона крепко запомнили давешний (букв: вчерашний) благодатный год с ранней весной , когда советская власть только устанавлилась.**11.** Шоктугун **дагы эле** коё элек **болсо керек**. [А. Убукеев, Тандалган чыгармалар, 37] /**Похоже**, всё еще не отвык от /детского/ озорства.

12. **Азыр** болсо, ал мындай деп ой жоруду: барууга жеңил, жол жеткен жерлер карталарда азыр-көптүр тагыраак чагылса керек. [Т. Мискен, Назима, 18] /А теперь же он думал так: **наверное** на картах более или менее точно отражаются места общедоступные, где имеются дороги.

Кроме того в кыргызском языке для конкретизации временного плана предположительности события используется не менее распространенная конструкция, представляющая собой сочетание модального слова долженствования *керек*:

а) со спрягаемой формой вспом. глагола *бол* в значении *быть /находиться* в условном наклонении: глагол (всех форм времени) + **болсо керек**;

б) со спрягаемой формой имени действия [157:82] вспом. глагола *бол*: глагол (всех форм времени) + *болуу (болуш) керек*;

здесь формы *болуш* и *болуу* полностью синонимичны, а их формальное различие - чисто диалектальное, хотя оба варианта равно употребительны как в разг. речи так и в лит. языке.

В этих конструкциях вариант *болсо керек* имеет некоторый признак, сгущающий оттенок неуверенности или вопросительности, однако чаще всего (в зависимости от контекста) и он равнозначен и взаимозаменяем с вариантами *болуу керек* и *болуш керек*.

ТАБЛИЦА №8 КОНСТРУКЦИЯ: болуш+л.о.+керек			
Ф. вр.	Л.	Высказывание на кыргызском языке	Смысл высказывания
Единственное число			
Буд.	1	<i>Жазат болушум /болуум/ болсом керек</i>	<i>Должно быть, напишу</i>
	2	<i>Жазат болушуң /болууң/ болсоң керек</i>	<i>Должно быть, напишешь</i>
	3	<i>Жазат болуш /болуу/ болсо керек</i>	<i>Должно быть, напишет</i>
Наст.	1	<i>Жазып жатат болушум /болуум /болсом керек</i>	<i>Должно быть, пишу</i>
	2	<i>Жазып жатат болушуң /болууң / болсоң керек</i>	<i>Должно быть, пишешь</i>
	3	<i>Жазып жатат болуш /болуу /болсо керек</i>	<i>Должно быть, пишет</i>
Прош.	1	<i>Жазган болушум /болуум/болсом керек</i>	<i>Должно быть, (я) написал</i>
	2	<i>Жазган болушуң /болууң /болсоң керек</i>	<i>Должно быть, (ты) написал</i>
	3	<i>Жазган болуш /болуу/ болсо керек</i>	<i>Должно быть, (он,она) написал(а)</i>
Множественное число			
Буд.	1	<i>Жазат болушубуз/болуубуз/ болсок керек</i>	<i>Должно быть, напишем</i>
	2	<i>Жазат болушуңар /болууңар/ болсоңор керек</i>	<i>Должно быть, напишете</i>
	3	<i>Жаз(ыш)ат болуш /болуу/болсо керек</i>	<i>Должно быть, напишут</i>
Наст.	1	<i>Жазып жатат болушубуз/болуубуз/ болсок керек</i>	<i>Должно быть, пишем</i>
	2	<i>Куруп жатат болушуңар /болууңар / болсоңоркерек</i>	<i>Должно быть, пишете</i>
	3	<i>Жазып жат(ыш)ат болуш / болуу/ болсо керек</i>	<i>Должно быть, пишут</i>
Прош.	1-е	<i>Жазган болушубуз/ болуубуз/ болсок керек</i>	<i>Должно быть, (мы) написали</i>
	2-е	<i>Жазган болушуңар/болууңар / болсоңор керек</i>	<i>Должно быть, (вы) написали</i>
	3-е	<i>Жазган (жазышкан) болуш /болуу/ болсо керек</i>	<i>Должно быть, (они) написали</i>

Примечательно, что сочетание *болуу/болуш/ керек* как по форме так и семантически идентично русскому *должно быть*: (/ *должно* = *керек* / ; / *быть* = *болуу / болуш /*). Это показано в **таблице №8** на примере глагола *жаз /писать*;

Будущее время: 13.*Эркектана ошентип өзүнүн күчтүүлүгүн, азаматтыгын сезе баштаганда анан эрезеге жетет болсо керек* [К.Акматов, Мезгил, 137] /Юнец, **по - видимому**, только тогда достигнет совершеннолетия, когда вот так начинает осознавать свою мощь и браваду. **14.***Келеби, келбейби, билбейм... Келет болуш керек.*[О. Шакир, Фейсбуктагы сукпат] /*Придёт ли, не придёт ли, не знаю... Наверное, придёт.* **15.***Ар бир өлкө авиакаттамдарды, жол каттамдарын токтотту. Ошондуктан авиакаттамдар ачылган күндөрү Тышкы иштер министрлиги /маселени чечүү планын/ иштеп чыгат болуш керек.* [Б.Досалиева.Эл үнү] /Каждая страна закрывает авиарейсы, маршруты. Поэтому в дни, когда открыты авиарейсы, **должно быть**, Министерство иностранных дел проработает /пути решения проблемы/).

Прошедшее время: 16.*Кейпи, ал америкалык «Пирл-Харбор» болсо керек эле.*[Т.Мискен, Назима, 16] /То был, **кажется**, американский «Пирл-Харбор».

Настоящее время: 17.*Таанышың болсо керек.*[Т.Мискен, Назима, 10] /**Должно быть**, твой знакомый. **18.***Кыязы орус болуу керек.*[К.Акматов, Мезгил, 16] /**Видимо**, он - русский.

Следует отметить, что модальный оборот *болсо/болуш/болуу+керек* также может использоваться в составе вводных конструкций:

19.*Ушул себептен болсо керек, мындан көп узабай, солдат бербейбиз дегени үчүн Албан казагынын: Абубакир, Узак, Жамке деген жакшыларын Каркырадан кармап алып, Караколго алып кетиптир деген кабар угулду.* [М. Элебаев, Тандалган чыгармалар, 193] /**Наверное** по этой причине, немного спустя распространилась весть о том, что поймали на Каркыре и увезли в Ка-

ракол Абубуакира, Узака и Жамке - знатных казахов из Албана потому, что те не хотели отдавать своих людей в солдаты.

В кыргызском языке имеется ещё одна конструкция, семантически равнозначная вышеописанным конструкциям (т.е./-са/+керек и *болсо/болуу/болуш+керек*), которая использует модальный глагол долженствования *тийиши* в значении *должно*. Она формально не отличается от конструкций, обычно выражающих модальность долженствования посредством модального слова *тийиши*. Модальность предположения в таких конструкциях выражается имплицитно или же при помощи вводных модальных слов предположения:

20.Кейпи, *камчыга жездеп ийи кеткен ат болууга тийиши* [А.Убукеев, *Тандалган чыгармалар, 37*] /**Должно быть**, он из тех коней, которых всю жизнь хлестали настолько, что уже не реагируют ни на какую плеть.

Следует подчеркнуть, что эта конструкция в современном кыргызском языке употребляется в основном для выражения *модальности долженствования*:

21.Аны башкалар билбесе да, Малабаши жезде, Сиз билүүгө тийишсиз. [А.Убукеев, *Тандалган чыгармалар, 327*] /**Об этом кто-кто, но Вы-то уж должны** знать, Малабаши джезде/ зятёк вы наши, Малабаши.

2.3.3.4. Конструкции: /-ат/ +эле/болчу/ ; /-ат/+беле/; /ар/бас +эле/

В кыргызском языке для выражения сослагательной модальности наряду с аффиксом /-мак/(см.2.2.8.) используется целый ряд различных лексико-грамматических средств. Основными из них являются следующие аналитические конструкции:

1) Сочетание формы *будущего определённого времени* (*айкын келер чак*) глагола со спрягаемым вспом. глаголом *эле*; **1.Көрбөсөк, билбесек болот эле.** [А.Убукеев, *Тандалган чыгармалар, 376*] /**Лучше бы**, мы не видели, не знали.
2.Деги эмнеси болсо да, Данияр бир ооз тамашалап, күлүп койсо, ушуну менен баардыгы өз жайына келип, унутулуп калат эле. [Ч. Айтматов, *Жамийла, 57*] /**Вот если бы** он засмеялся или пошутил, стало бы легче- на том и забылась

бы наша размолвка. [Ч.Айтматов, Джамия, 461]. **3.**-Баштагы убак болсо, эч кимден кеңеш да сурабайт элек...[Т.Сыдыкбеков, Тоо арасында,18] / **Будь** прежние времена, мы **бы** не нуждались в ничьих советах...**4.**Таң атпай сууга түшүп алдың,Кечинде деле түшсөң **болот эле** да?[А.Текинаев, Чабандын уулу, 87]/Ни свет ни заря, а ты уже искупался.Ведь, купаться мог **бы** и вечером?

2) Сочетание формы будущего определённого времени (айкын келер чак) глагола с формой длительного прошедшего времени /адат өткөн чак вспомогательного глагола *бол* т.е. - с формой *болчу* (допускаются варианты написания: *болучу* и *болуучу*).

5.-О, айт десеңчи,- абышка адетинче жылмаң этип күлүп койду да, - укпай калды дечи, **укса**, Саадат, байкушум, саа жээрде кашкасын берет **болуучу**?![Т.Сыдыкбеков,Тоо арасында,17] /То-то и оно,- старик по своему обыкновению шустро улыбнулся,- значит, он не слышал, а слышал **бы**, Саадат, родимый мой, отдал **бы** тебе своего рыжего?! **6.**Кезинде биз жаныбызды үрөп кыйналбасак, сен минтип сүйлөп турбайт **болчусуң**. [Ч.Айтматов, Гүлсарат, 142] /А не расшибались **бы**, посмотрел **бы**, как **бы** ты сейчас разговаривал[Ч.Айтматов,ПрощайГульсары,284]. **7.**-**Болбойт болчу** -Кантип, кандайча **болбойт эле**?[А.Убукеев,Тандалган чыгармалар,131]/-Не случилось **бы** - Это как, каким образом не случилось **бы**?

3)Сочетание формы будущего определённого времени (айкын келер чак) глагола со спрягаемым вспом. глаголом *беле*:

8.Соо болсо, **балким**, бу жырткычтын үңкүрүнө жакындаштын кереги барбы-жокпу деп ойлоп көрөт **беле**. [Ч.Айтматов,Кыямат,330] /Будь Базарбай трезвый, он, **наверное**, подумал **бы** прежде, стоит ли туда лезть [Ч.Айтматов, Плаха, 488] **9.**Колхоз кудурети болсо бу кезге чейин жаңы кашар салып бербейт **беле**! [Ч.Айтматов,Гүлсарат,151] /Было **бы** из чего, разве колхоз не построил **бы** новую кошару?[Ч.Айтматов,Прощай Гульсары,286]. **10.**Муну билгенде келбей деле койбойт **белем**, -деп Танабайдын айласы куруду. [Ч.Айт-

матов, Гүлсарат, 11] /Знал **бы**, не выезжал лучше, -сокрушался Танабай [Ч. Айтматов, Прощай Гульсары, 208].

4) Сочетание формы будущего сомнительного времени (арсар келер чак) с вспом. глаголом эле;

11. Эгер, Танабай, эркиңе коё берсе баарын чаң-тополоңун чыгара сүйлөр элең. Анан сенин азабыңы быякта биз тартып, суук тилди биз угар элек. [Ч. Айтматов, Гүлсарат, 138] /А **пусть** тебя, Танабай, как душе твоей угодно, наломал **бы** дров, отвечать ещё пришлось **бы**. [Ч. Айтматов, Прощай Гульсары, 282]. 12. Ушу тапта, билекте булчуң, колдо кылычы болгудай болсо, Чорону жүз бырчалап **таштар беле**, ошондо да ызасы бастабас эле, өчү канбас эле! [Т. Касымбеков, Жетим, 31] /**Будь** сейчас он силен и с мечом в руке, **может**, на куски **бы** разрубил этого Чоро и тогда **бы** не унялась его обида, не была **бы** утолена его месть!

Следует отметить, что сослагательная часть вышеописанных конструкций, особенно случаи 1) и 4) по форме идентична *длительному прошедшему времени (адат өткөн чак)* т.е. эта форма прош. времени также может быть выражена посредством этих конструкций.

13. Сегизде окуганымда өздүк-көркөм чыгармачылык ийримине үзбөй барат элем /Когда учился в восьмом я непрерывно посещал кружок художественной самодеятельности. 14. Анда мен ырдагандарды коштон, дайыма аккордеондо ойноор элем /Там я всегда на аккордеоне аккомпанировал тем, кто пел.

Как видно из примеров, семантическое различие между ними определяется из соответствующего контекста.

2.3.3.5. Конструкции: деепричастие на /-ын/ + жүрбө(сүн); глагол (всех форм) + окшобойбу

Как известно, глаголы *жүр(ходить)*, *отур(сидеть)*, *тур(стоять)* и *жат(лежать)* являющиеся общетюркскими, наряду с базовой семантикой действия функционируют также и в качестве «служебных глаголов» [101:30], формируя широкий спектр видообразующих и различных модальных форм.

В частности, в кыргызском языке распространена конструкция, представляющая сочетание спрягаемой отрицательной формы глагола *жүр* в повелительной форме с деепричастием на */-ын/*, которая выражает предположение обычно в русском языке вводными оборотами «а вдруг...» и «уж...ли...» (см. 2.2.9.):

1. *Батышты кыздар менен ушерден кинодон чыгып баратканда көргөн. Балким, дагы өтүп жүрбөсүн...* [Ш. Бейшеналиев, *Аманат*, 142] /Он видел Батыш здесь, когда она выходила из кино вместе с девочками. **А вдруг** она ещё будет проходить/ здесь... 2. “Мүмкүн Набатгүл келип калып жүрбөсүн? Келсе олтурат да. Кайда **кетмек** эле...” [А.Текинаев, *Чабандын уулу*, 109] /**А вдруг** Набатгуль придёт уже? Ну, придёт – посидит. Куда ей ещё?/букв. Куда **бы** она стала уходить?

В кыргызском языке широко распространена аналитическая конструкция, использующая спрягаемый глагол *окио* в значении *уподобляться* (см. 2.2.3.) в отрицательно-вопросительном значении посредством аффикса */-бо/* (ф.в. аффикса */-ба/*) в качестве вспомогательного в сочетании со смысловым глаголом всех форм времени. Следует отметить, что данная форма глагола *окио* укладывается в общую парадигму выражения предположения на фоне вопроса (см. 2.2.7), т.е. точно таким же образом можно употреблять все другие спрягаемые глаголы уподобления в аналогичном значении.

Однако случай с глаголом *окио* особенен, его отрицательно-вопросительная форма *окиобойбу* в речи воспринимается почти как слово неизменяемой формы и данная конструкция является одной из употребительных (тж. см. табл. №6). Поэтому сочли необходимым показать её в настоящей работе отдельно:

3. *-Козулар менин коммунист экенимди билбейт **окиобойбу!**– деп какшык узатты Танабай. Анан көңүлүнүн бир кылы чорт үзүлүп кеткенсиди, көкүрөгүнө жел ойноп, иренжилик толуп чыкты, баарынан жадагандай, баарына кайдыгер боло түштү.* [Ч.Айтматов, *Гүлсарат*, 184] /-А они, **наверное**,

не знают, что я коммунист,- съязвил Танабай, и вдруг **будто** сломалась в нём какая-то пружина, и сразу пусто стало на душе, безразлично и горько [Ч. Айтматов, *Прощай Гульсары*, 310]. 4. Алыкул аккуудай көлсүз жашай албайт **окшобойбу!** [К. Жусупов, *Бир сабындагы өмүр*, 57] / **Видимо**, Алыкул подобно лебеди, не мог жить без озера!

2.3.3.6. Конструкция /-мыш/-максан/+ спрягаемые глаголы бол, эт; /-ган/ + спрягаемый глагол бол.

В кыргызском языке данные конструкции представляют собой лексико-грамматические средства выражения модальности поддельного действия (см. 2.2.2.)

Аффикс /-мыш/ употребляется присоединением к основе глагола: а) непосредственно, если основа заканчивается на гласной; б) через инфикс /-ы-/ в различных ф. в., если основа заканчивается на согласной. Как правило, он выступает в составе конструкции, представляющей его сочетание со спрягаемыми вспомогательными глаголами *бол* (становиться) и *эт* (делать):

1. *Өзүнүн болушун жамандамыш болду.* [А. Убукеев, *Тандалган чыгармалар*, 96] / **Делал вид**, что охаивает своего волостного. 2. *Ошондо да кара күчкө кыйыктанымыш болду.* -Эртең эле барсам кантет? [Ч. Айтматов, *Гүлсарат*, 214] / И всё же **для вида** покуражился: -А может, с утра поеду? [Ч. Айтматов, *Прощай Гульсары!* 328].

Аффикс /-мыш/ часто употребляется для описания действия в семантическом поле модальности предположения на фоне кажимости:

3. *Эртеси таңзаардан башка бир айылдан иш таап кеттик демиш болуп,* айдың талаага бет алышмак. [Ч. Айтматов, *Кыямат*, 149] /...на другой день с рассветом решили двигаться в степь – **вроде бы** уходили шабашничать в другое место [Ч. Айтматов, *Плаха*, 372].

Имеется также аффикс /-максан/ который обозначает поддельность действия в отрицательном значении:

4.Көрмөксөн болду.[А. Убукеев, Тандалган чыгармалар,45]/**Притворил-ся, что не** замечает. **5.Кутчу менен Борбук билмексен** болушту. [А.Убукеев, Тандалган чыгармалар,344]/Кутчу и Борбук **прикинулись не** знающими.

Кроме *бол* также и спрягаемый вспом. глагол *сал* в значении *класть, положить* используется для выражения поддельного действия посредством аффикса */-максан/*, который в подобной конструкции выступает в дательном падеже:

6.Укмаксанга салып Саадат кебин уланта берди.[Т.Сыдыкбеков.Тоо арасында,36]/ **Делая вид, что не** слышит, Саадат продолжал говорить.

Аффикс */-мыш/* обладает значительно большей валентностью чем аффикс */-максан/*, который употребителен с ограниченным кругом глаголов типа: *көр/видеть, ук/слышать, бил/знать, байка/замечать, тааны/узнавать* и т.д. В предикативной позиции смысловой глагол с аффиксом */-максан/* может употребляться и без вспом. компонента, самостоятельно:

7.Тиги болсо менин абалымы көрмөксөн.[С.Өмүрбаев, Телегей, 37] /**А тот делает вид, что не** замечает, в каком я положении.

Для выражения поддельности действия в таком значении используется также модальный оборот, представляющий собой сочетание причастной формы на */-ган/* со спрягаемым вспом. глаголом *бол*:

8.Сыртынан шек алдырбай күлгөн болду: -Ата-бабаңда мергенчи жок беле?[Т.Сыдыкбеков, Тоо арасында,686]/**Не давая повода для подозрений делал вид, что смеётся:-** А разве у вас охотников в роду не было?

Очень часто в этой конструкции дополнительно привлекается спрягаемый вспомогательный глагол *завершённости и результативности* действия *кой* /ставить, класть [46:103], который выступает в непосредственном сочетании с деепричастной формой на */-ып/* глагола *бол*:

9.Курманжан да жылмайган болуп койду.[Т.Касымбеков,Сынган кылыч,266]/Курманжан **тоже сделала вид, что** улыбнулась. **10.Айтканы жакшы, -деп отургандар Ийгиликти сүрөгөн болуп коюшту.**[А.Убукеев, Тандал-

ган чыгармалар, 337]/ *Сидящие говорили: Хорошо сказал, - как бы в знак одобрения Ийгилика.*

Следует заметить, что поддельность действия, описываемого подобной конструкцией не всегда связана с умыслом. Нередко внушается такой смысл, что под влиянием внешних обстоятельств данное действие оказывается потенциально неполноценным в плане значимости или результативности, в силу чего процесс его совершения квалифицируется имитативным. В таких случаях действие воспринимается в семантическом поле модальности предположения на фоне кажимости:

11. *Айла кетип жаныбыз төрт чарчы болду. Күн-түндөп киртиктуу көзүбүздү какпай, колдон келген далалатты кылган болобуз.* [С.Өмүрбаев, *Телегей*, 114] / *От безысходности вконец отчаялись. Вроде как работаем сутки напролёт, делаем всё, что можем.* **12.** *Короосундагы тар жолдо аркы-терки баскан болот.* [К.Жусупов, *Ыр сабындагы өмүр*, 103] / *Узкой тропинкой по двору вроде как взад-вперёд вышагивает/букв.: тина “ходит” туда-сюда...*

2.3.4. Вводные средства со значением модальности предположения

В кыргызском языке имеется множество таких модальных средств, как *болжолу, калыбы, кыязы, сыягы, чамасы, кейти, менимче*, которые схожи с вводными словами русского языка типа «по-видимому», «вероятно», «похоже», «по –моему», «думаю» и т. д. как по значению так и по способу употребления. Они при непосредственном сочетании со всеми формами времени изъявительного наклонения глагола актуализируют предположение придавая всему предложению соответствующее значение:

1.Кыязы, *менин келгенимди ал билген эмес /По-видимому он не знал, что я приехал.* **2.Чамасы**, *сенин маселең эртең чечилет / Кажется, твой вопрос решится завтра* (тж. см.2.3.1.3.)

Следует подчеркнуть, что случаи, подобные приведенным выше характерны в основном разговорной речи и встречаются реже чем случаи, когда вводные средства выступают в составе предложений вместе с другими различ-

ными средствами выражения модальности предположения. В таких случаях присутствие этих вводно-модальных средств не влияет на смысл высказывания, а выполняет они лишь дополняющую функцию (см. тж. **2.3.2: Пр.: 7, 8, 11; 2.3.3.3:Пр.: 2, 16, 18, 20**).

В кыргызском языке имеется целый пласт т.н. *адресно – модальных вводных конструкций (даректик-модалдык киринди сөздөр)*[18:180], которые используются для выражения модальности предположения; к ним относятся такие конструкции, как: *анын айтканына караганда (по его словам); анын ою боюнча (по его мнению); анын көз карашы боюнча (с его точки зрения); менин оюмча(по моему, на мой взгляд; сен айткандай (по-твоему, как ты сказал); маалымат боюнча(по сведениям); менин эсебим боюнча (по моим расчетам); белгилүү болгондой(как известно); менин оюмча (по-моему); болду-болбоду (скорее всего); бери дегенде, эч болбоду дегенде (как минимум, по крайней мере)* и т.д.

Следует заметить, что такие конструкции, как и все другие вводные средства актуализируют предположительность на фоне засвидетельствованности.

Выводы ко второй главе:

1.В современном кыргызском языке значение предположительности главным образом связано с логическим умозаключением, хотя оно может проявляться также и посредством интуитивно-чувственных сигналов.

2.Модальность предположения может формироваться на фоне других модальностей и категорий. Обычно фоном для предположения служат кажимость, вопросительность, побудительность, условность, отрицание, засвидетельствованность (эвиденциальность) и миративность.

3.Основными морфологическими средствами выражения предположения в современном кыргызском языке являются: аффиксы /-дай/, /-ча/, /-сы/, /-чыла/, /-тан/, /-туу/, /-дыр/, /-ар /-бас/, /-бы/, /-мак/, /-ба/.

4.Основными лексико – грамматическими средствами выражения предположения кыргызского языка являются такие модальные слова, как: *ыкты-*

мал, мүмкүн, балким, чыгаар, экен, имши и т.д.; частицы *го, белем, бейм, беле, эле*, вводные слова и обороты, относящиеся: а) к логическому предположению: *менимче, менин оюмча, менин эсебимде (эсебимче), сыягы, калыбы, кейти, кебетеси, жаңылбасам, болду-болбоду, бери дегенде, эч болбоду дегенде* и т.д.; б) к эвиденциальному предположению: *тикиринче, айтышынча, айтканына караганда, анын ою боюнча, анын көз карашы боюнча, маалымат боюнча, белгилүү болгондой* и т.д.

Кроме того предположение может проявляться при определённом сочетании вышеперечисленных средств друг с другом (**табл. №9**) а также с формами времени глагола (**табл. №10**). Эти сочетания могут принимать грамматикализованную форму в виде модальных конструкций и оборотов, наиболее употребительными из которых являются:

- /-бы/ + *го* + *дейм*;
- /-ган/ + (/ -дай/) + *түрү* + *бар/жок*;
- /-са/ + *керек*;
- /-уу/ + *керек*;
- /-га/ + *тийши*;
- /-ат/ + *эле/болчу*;
- /-ар/ + *бас* + *эле*;
- деепричастие на /-ын/ + *жүрбө(сүн)*;
- глагол(всех форм) + *окшобойбу*;
- /-дай/ + спрягаемый глагол *бол/сезил/туюл*;
- /-сын/ + спрягаемый глагол *сезил/туюл*.

5. Средства выражения модальности предположения в кыргызском языке не поддаются чёткой градации по степени вероятности совершения действия, наступления события или состояния.

Трудно их классифицировать по шкале «уверенного и неуверенного» предположения, т.к. они различны по функциональным особенностям, часто

выступают в сочетании друг с другом и характер предположения зависит от конкретной речевой ситуации и контекста.

ТАБЛИЦА № 9 СОЧЕТАЕМОСТЬ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ С ФОРМАМИ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА							
Средства выражения предположения		Формы времени глагола					
Аффиксы, модальные слова, частицы, послелог, глаголы уподобления		Прошедшее время и его причастные формы			Настоящее и будущее время и их деепричастные формы		
		1	2	3	4	5	6
		/-ган/	/-ды/	/-чу/	/-ат /	/-а-/	/-й-/
1	/-ар/	-/-	-/-	-/-	-/-	+/-	-/-
2	/-дай/	+/-	-/-	+/-	+/-	-/-	-/-
3	/-дыр/	+/-	-/-	+/+	+/-	-/-	-/-
4	/-бы/	+/-	+/-	+/-	-/-	+/-	+/-
5	/-сы/	+/+	-/+	+/+	-/-	-/-	-/+
6	/-мак/	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-
7	/-чыла/	-/+	-/+	-/+	-/-	-/-	-/+
8	/-туу/	+/-	+/-	+/-	+/-	-/-	-/-
9	бекен	+/-	+/-	+/-	+/-	**+/-	**+/-
10	бейм	+/-	+/-	+/-	+/-	-/-	-/-
11	белем	+/-	+/-	+/-	+/-	-/-	-/-
12	беле	+/-	+/-	+/-	+/-	**+/-	**+/-
13	эле	+/+	+/-	+/-	+/-	-/-	-/-
14	экен	+/-	+/-	+/-	+/-	-/-	-/-
15	имиш	+/-	-/-	+/-	+/-	-/-	-/-
16	дейт	+/-	+/-	+/-	+/-	-/-	-/-
17	го	+/-	+/-	-/-	+/-	-/-	-/-
18	чыгаар	+/-	-/-	-/-	+/-	-/-	-/-
19	сыңары	+/-	-/-	+/-	+/+	-/-	-/-
20	сымак	+/-	-/-	-/-	+/+	-/-	-/-
21	сымал	+/-	-/-	-/-	+/+	-/-	**+/-
22	глаголы уподобления	+/+	+/+	+/+	+/+	-/+	-/+

Примечание: знак «плюс» в числителе указывает на первичность столбца, а в знаменателе на первичность строки при сочетании. Например, пометка «+/+» на пересечении столбца /-ган/ и строки /-сы/ означает их сочетаемость в любой комбинации 1) «ган+сы» 2) «сы+ган»; а в случае сочетания столбца /-ат/ и строки /-сы/ дробь «-/+» означает, что возможно сочетание при первичности строки : /-сы+й/. Знак «минус» в дроби показывает, что сочетаемость исключена. Знак ** указывает на диалектальный характер сочетаемости.

ТАБЛИЦА №10 ВЗАИМНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СРЕДСТВ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ								
Аффиксы, модальные слова, частицы, послелоги		Аффиксы предположения						
		1	2	3	4	5	6	7
		/-ар/	/-дай/	/-дыр/	/-бы/	/-сы/	/-мак/	/-чыла/
1	/-ар/	X						
2	/-дай/	**(+)/-	X					
3	/-дыр/	**(+)/-	+/-	X				
4	/-бы/	(+)/-	+/-	-/-	X			
5	/-сы/	+/-	(+)/-	-/-	-/-	X		
6	/-мак/	-/-	-/+	-/+	-/+	-/+	X	
7	/-чыла/	(+)/+	-/-	-/-	-/-	-/-	-/+	X
8	<i>бекен</i>	+/-	(+)/-	-/-	-/-	-/-	+/-	-/-
9	<i>бейм</i>	-/-	(+)/-	-/-	-/-	-/-	+/-	-/-
10	<i>белем</i>	+/-	(+)/-	-/-	-/-	-/-	+/-	-/-
11	<i>беле</i>	+/-	+/-	-/-	-/-	-/-	+/-	-/-
12	<i>эле</i>	+/-	+/-	+/-	-/-	-/-	+/-	-/-
13	<i>экен</i>	+/-	+/-	-/-	-/-	-/-	+/-	-/-
14	<i>имши</i>	(+)/-	-/-	-/-	-/+	-/-	+/-	-/-
15	<i>дейт</i>	+/-	+/-	+/-	+/+	-/-	+/+	-/-
16	<i>го</i>	(+)/-	+/-	(+)/-	-/-	-/-	+/-	-/-
17	<i>чыгаар</i>	(+)/-	+/-	-/-	-/-	-/-	+/-	-/-
18	<i>сыңары</i>	-/-	+/-	-/-	-/(+)	-/-	+/-	-/-
19	<i>сымак</i>	-/-	(+)/-	-/-	-/(+)	-/-	-/-	-/-
20	<i>сымал</i>	-/-	+/-	-/-	-/(+)	-/-	+/-	-/-

Примечание: знак «плюс» в числителе указывает на первичность столбца, а в знаменателе на первичность строки при сочетании. Например, пометка «+/+» на пересечении столбца /-бы/ и строки /дейт/ означает их сочетаемость в любой комбинации 1) «дей+би» 2) «/-би+дейт»; а в случае сочетания столбца /-ар/ и строки /эле/ дробь «-/+» означает, что возможно сочетание при первичности строки : /-ар+эле/. Знаки «минус» в дроби и **X** показывают, что сочетаемость исключена. Знак ** указывает на диалектальный характер сочетаемости. Скобки указывают на малоупотребительность или потенциальность сочетания.

Однако можно утверждать, что высказывания, в которых актуализатором модальности предположения выступают вводные модальные слова типа *менимче/по-моему, менин оюмча/думаю* и т.д. в сочетании с *настояще-будущим временем* стоят по шкале вероятности выше тех высказываний, в которых они участвуют в качестве дополнительного к другим средствам (аффикса, частицы и т.д.)

А также предположение, реализуемое в пределах парадигмы сослагательности посредством аффикса */-мак/* (особенно в качестве самостоятельной синтаксической единицы, без компонента условности) по шкале вероятности стоит всегда выше предположения, реализуемого через аффикс */-бы/* на фоне вопросительности.

6. Практически все вопросительные высказывания (особенно относящиеся к действию) потенциально предположительны, т.е. любой вопрос связанный с действием при соответствующей интонации воспринимается в качестве предположительного высказывания.

7. Как и в любом другом, в кыргызском языке тоже сослагательность имеет предположительное значение и оно морфологически реализуется посредством аффикса */-мак/*, который в то же время несёт в себе признаки *наклонения намерения* (*ниет ыңгай*), модальности *долженствования* а также *имени действия* т.е. наблюдается явление морфологической полисемии, характеризующей аффикс */-мак/* в кыргызском языке.

Однако, главной отличительной особенностью данного аффикса заключается в том, что он преимущественно употребляется для выражения контрфактивных значений, т.е для интерпретации события в прошедшем времени.

В этом плане аффикс */-мак/* непосредственно связан с глаголом *жоромолдо* и его аналитической формой *жоромол кыл*, являющимися производными от существительного *жоромол* - денотата контрфактивной предположительности.

ГЛАВА III

МОДАЛЬНОСТЬ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С КЫРГЫЗСКИМ

3.1. О формах времени глагола

3.1.1. Общие сведения о формах времени глагола таджикского и кыргызского языков

Как выясняется в ходе исследования способов выражения модальности предположения в кыргызском языке (см. гл. II.) оно в основном реализуется в рамках парадигмы *изъявительного наклонения*. Поэтому нам необходимо отдельно рассмотреть вопрос о формах времени глагола в сопоставляемых языках.

Согласно В.С. Расторгуевой в таджикском языке возможны два аспекта речи :

1) такой, когда говорящий сообщает о факте очевидном, т.е. известном ему из личного опыта, или когда он не находит нужным подчеркнуть неочевидность факта;

2) такой, когда говорящий сообщает о факте неочевидном, известном ему не из личного опыта, а из побочных источников, и желает подчеркнуть неочевидность факта.

В соответствии с этим все формы изъявительного наклонения подразделяются на две большие группы: 1) формы очевидные и 2) формы неочевидные[79].

С. Халимиён исходит из этого же принципа, когда он отдельно группирует неочевидные формы прошедшего времени глагола. Он также отмечает, что помимо прочего в системе изъявительного наклонения современного таджикского литературного языка функционируют другие составные формы, такие как: *рафта меистад, рафтан гирифт, рафтан мегурифт*[149:46].

В грамматике современного таджикского литературного языка (далее Грамматика-М.Т.) отмечается, что прошедшее время глагола независимо от всех грамматических форм и оттенков выражает действие совершившееся до момен-

та речи и все глаголы прошедшего времени обладают формой повествовательности (*нақлӣ*)[131:211].

Форма будущего времени Грамматикой рассматривается исходя из принципа общей гипотетичности т.е. в системе будущего кроме настояще – будущего (*ҳозира-оянда*) и литературного (*китобӣ*) времени также выделяются глаголы повеления (*феъли фармоиш*) и форма будущего времени предположительного наклонения (*сизаи эҳтимолӣ*) [131:225-226].

Настоящее время в Грамматике представлено двумя формами: *настоящее определённое время* (*ҳозираи муайян*), описывающее действие в момент речи и *настояще-будущее время* (*ҳозира-оянда*) выражающее не только действие в момент речи, но и в зависимости от контекста - действие в будущем а также и прошедшем времени.

Следует отметить, что существует вариативность в терминологии названий форм времени глагола на таджикском языке. В частности для обозначения *простого прошедшего времени* в Грамматике даются два варианта названия на таджикском языке: 1) *замони гузаштаи наздик* и 2) *замони гузаштаи оддӣ* [131:212], тогда как С.Халимиён употребляет третий вариант: 3) *замони гузашта*; допуская при этом употребление ещё и четвёртого варианта названия: 4) *замони гузаштаи сода* [149:45].

Для названия *прошедшего определённого времени* Грамматика употребляет термин 1) *замони гузаштаи дури давомдор*, допуская второй его вариант: 2) *замони гузаштаи муайян* [131:220], который использует и С.Халимиён[149:45]; *перфекту определённому* в Грамматике соответствует термин *замони гузаштаи дури давомдори нақлӣ* [131:220], где допускается также вариант, предлагаемый С.Халимиён: *замони гузаштаи муайяни нақлӣ*[149:46].

Будущее литературное время в Грамматике представлено как *замони ояндаи китобӣ*[131:226], тогда как С. Халимиён называет его *замони ояндаи сизаи хабарӣ*, допуская при этом возможность употребления термина *замони ояндаи таркибӣ*[149:61].

Таким образом, в современном таджикском литературном языке выделены следующие формы времени глагола (при выборе варианта названий на таджикском языке мы исходим из принципа *практичности*):

1. Настояще-будущее время /Замони ҳозира-оянда;
2. Настоящее определённое время / Замони ҳозираи муайян;
3. Будущее составное время/Замони ояндаи таркибӣ (китобӣ);
4. Простое прошедшее время /Замони гузаштаи оддӣ ;
5. Пршедшее длительное время /Замони гузаштаи ҳикоягӣ;
6. Преждепрошедшее время /Замони гузаштаи дур;
7. Пршедшее определённое время /Замони гузаштаи муайян;
8. Основная форма перфекта/ Замони гузаштаи наклӣ;
9. Перфект длительный /Замони гузаштаи ҳикоягии наклӣ;
10. Преждепрошедший перфект/Замони гузаштаи дури наклӣ;
11. Перфект определённый /Замони гузаштаи муайяни наклӣ.

В современном кыргызском литературном языке категория времени представлена, также как и в таджикском и других языках, парадигмой трёх основных форм времени: *будущего, настоящего и прошедшего*.

Следует отметить, что в отличие от таджикского, в системе будущего времени кыргызского языка представлено *будущее сомнительное время (арсар келер чак)*[116:349; 157:65].

Настояще-будущее время рассматривается отдельно под разными соответствующими названиями: *будущее определенное время /айкын келер чак* [116:348] и *простое настоящее время /жөнөкөй учур чак*[116:344].

Кроме того, К.А. Биялиевым выделяется ещё и *будущее сложное время (татаал келер чак)*[157:67], что другими лингвистами не поддерживается.

По мнению Д.Джусаева: «систему временных форм в кыргызском языке следует считать изученной, и вопрос о генезисе временных форм, их становлении и развитии не требует дальнейших разъяснений.»[43:21].

В современном кыргызском литературном языке выделены следующие формы глагола (учитывая наличие терминологической вариативности касательно их названий мы исходим из новейшей Описательной Грамматики современного кыргызского литературного языка / Кыргыз тилинин жазма грамматикасы. Азыркы кыргыз адабий тили.-Б.,2015):

1. Простое настоящее время /Жөнөкөй учур чак;
2. Настоящее сложное время /Татаал учур чак;
3. Будущее определенное время /Айкын келер чак;
4. Недавнепрошедшее определенное время /Жакынкы айкын өткөн чак;
5. Прошедшее длительное время /Адат өткөн чак;
6. Неожиданное прошедшее время /Капыскы өткөн чак;
7. Общее прошедшее определённое время /Жалпы айкын өткөн чак;
8. Общее давнопрошедшее время /Жалпы байыркы өткөн чак;
9. Будущее сомнительное время /Арсар келер чак;
10. Будущее определенное время /Айкын келер чак.

3.1.2. Формы времени глагола таджикского языка в контрастивном сопоставлении с кыргызским языком

3.1.2.1. Настояще-будущее время/Замони ҳозира-оянда

Эта форма времени образуется от основы наст.вр. глагола прибавлением к ней префикса /ме-/ и личных окончаний: /-ам/, /-ӯ/, /-ад(-яд)/; /-ем/, /-ед/, (етон), /анд(-янд)/[131:223 ; 16:184]. Выражает:

а) действие, которое происходит в данный момент: **1.Аз берун чирроси чирчиракҳо ва шаввоси Кашафрӯд ба гӯш мерасад.** [С. Улузода. Фирдавсӣ, 12] / С улицы **доносятся** пицание цикад и журчание Кашафруда;

б) действие , которое происходит не в данный момент, а вообще, обычно: **2.Насри хушку беранги достонҳо ба назми тари рангин табдил меёбанд.** [С. Улузода.Фирдавсӣ,5]/Сухая, невзрачная проза сказаний **превращается** в сочную, разноцветную поэзию;

в) действие, которое произойдёт в будущем, обычно в ближайшем будущем:

3.-*Аз вай озурда нашав, - шавҳараширо тасаллӣ доданӣ шуд Фотима, - ман худ бо вай гуфтугӯ мекунам.* [С. Улуғзода. Фирдавсӣ, 11] /*Да не огорчайся ты из-за него, - Фатима принялась успокаивать мужа, - с ним я сама поговорю;*

г) действие в законченном времени, которое предшествовало другому действию или состоянию, тоже прошедшему т.е. аспектуально совпадает с *преждепрошедшим* временем (*замони гузаштаи дур* [131:218; 16:190] см.

3.1.2.6)

4. *Фирдавсӣ дар навиштани “Шоҳнома” 30-35 сол заҳмат мекашад.* [339:60] /*Фирдоуси над написанием “Шахнамэ” трудится 30-35 лет.*

Анализ показывает, что вышеописанная форма времени глагола таджикского языка аспектуально соответствует *простому настоящему времени* (*жөнөкөй учур чак*) глагола кыргызского языка. Она образуется от основы наст. вр., присоединением к ней деепричастных аффиксов /-а/ (в разл. ф. в.) и /-й/ слитно с личными окончаниями... [116:344] и обозначает:

а) действие, происходящее в момент речи:

5.- *Баса. Ымаш туура айтат.* [Т. Сыдыкбеков, Тоо арасында, 93] /-*Правильно. Ымаш дело говорит.* **6.** *Бул сөздү бекер айтпайм.* [Т. Сыдыкбеков, Тоо арасында, 511] /*Это я неспроста говорю;*

б) действие, которое происходит не в данный момент, а вообще, обычно:

7. *Күндө жаңы кезит келет. Комсомолдор чогулуш өткөрүшөт. Токтом кабыл алышат.* [Т. Сыдыкбеков, Тоо арасында, 62] /*Каждый день поступает новая газета. Комсомольцы проводят собрания. Принимают протоколы;*

в) действие, которое произойдёт в будущем т.е. по форме совпадает с *будущим определённым* временем (*айкын келер чак*):

8. *Ортонун малы бир жерге топтолот!* [Т. Сыдыкбеков, Тоо арасында, 483] /*Общественный скот будет собран в одном месте!*

г)действие в законченном времени, которое предшествовало другому действию или состоянию, тоже прошедшему:

9. *Лёнька окуусун элдир-селдир окуп, бирде капитандын таежесиникинде, бирде капитандын бухгалтер иниси бар экен, ошонукунда жүрүп калат. Бухгалтердин катыны бир тозоку экен. Ошентип эбебине себеби чыга берип, жаш бала кароосуз калат, ээнбаш өсөт, ага дүйнө коюнунун жылуусу качат.* [Ч.Айтматов, *Кыямат*, 112] /Лёнька учился в школе кое-как, жил то у тётки капитана, то у брата его, бухгалтера, а у того жена – цербер, и так и пошло всё одно к одному, и отбился малый от рук, остервенел [Ч.Айтматов, *Плаха*, 349].

В кыргызском языке эту форму времени (т.е. описанную в пункте г.) можно выразить в повествовательном плане при помощи вспом. глагола экен:

10. *Ошондо падыша ага жарым падышалыгын берет экен.*³ *Сипас подшоҳ ба ӯ ними давлаташиро медиҳад/ Тогда падишах ему отдаёт полцарства.

Следует отметить, что сочетание формы наст.-буд.вр. с вспом. глаголом экен создаёт устойчивую парадигму выражения действия в будущем времени на фоне засвидетельствованности с оттенком предположения(см. 3.1.2.9).

3.1.2.2. Настоящее определённое время/Замони ҳозираи муайян

Эта форма времени образуется из деепричастия прош. времени основного глагола и основной формы перфекта вспом. глагола истодан в значении стоять, пребывать.[131:222; 16:185]. Выражает действие, совершающееся в данный момент, в данный отрезок времени:

1.-*Гапатон дуруст, аммо ҳозир шумо мулло барин рафтор карда истодаед!* [Т.Сиддиқбеков, *Дар миёни кӯҳсор*, 179]/Ваши слова верны, но вы сейчас поступаете как мулла! 2.*Дар ин ҷо кори шуморо муҳокима карда истодаанд.*[Т.Сиддиқбеков, *Дар миёни кӯҳсор*, 268]/Здесь рассматривают ваше дело.

³ Здесь и далее знак* означает, что текст представляет собой подстрочный перевод на тадж.яз.

Настоящее определённое время (замони ҳозираи муайян) аспектуально полностью соответствует *настоящему сложному времени (татаал учур чак)* в кыргызском языке[116:346-348].

Эта форма времени образуется при помощи деепричастных аффиксов /-а/ и /-ын/ (в разл. ф. в.) присоединяемых «к основе смыслового глагола и вспом. глаголов *жат (лежать), тур (стоять), отур (сидеть), жүр (идти)* в спрягаемой форме настоящего-будущего времени»[157:68]:

*-Гапатон дуруст, аммо ҳозир шумо мулло барин рафтор карда исто-даед!***3.Кали айтпайсыз, бирок молдо болуп жатасыз.**[Т.Сыдыкбеков.Тоо арасында, 451]; *Дар ин чо кори шуморо муҳокима карда истодаанд!***4.Бүйрөдө сиздин ишиңиз каралып жатат!**[Т.Сыдыкбеков.Тоо арасында,518].

Действие происходящее в момент речи в кыргызском языке можно выразить посредством глагольной формы, которая образуется от основы наст. вр. присоединением к ней аффикса /-ууда/ (в разл. ф. в.) [157:68].

Эту форму наст. вр. кыргызского языка можно было бы называть *литературной*, т.к. она встречается только в худож. и публиц. текстах[116:346]. Более того, было отмечено, что: «Как показал анализ частотности употребления формантов *ууда, үүдө, оодо, -өөдө*, наибольший процент (85%) употребляемости приходится на текст политической литературы»[43:22].

Данный аффикс является грамматикализованной формой слияния аффикса *имени действия* (в разл. ф. в.) [157:82] и аффикса *местного надежда* (в соответствующих ф. в.)[116:240] в силу чего имеет «дополнительное семантическое значение –пребывание в процессе того, что обозначено глаголом» [157:68].

Это обстоятельство функционально сближает аффикс /-ууда/ и префикс /ме-/ в таджикском языке, когда форма *длительного прош. времени* используется в наст. времени, т.к. подобный способ выражения действия характерен исключительно художественным текстам :

11. *Койчулар да койлорду кара күңгөйлөтүп жайып короого түшүрүүдө.* [Т.Сыдыкбеков, *Тоо арасында*, 280] /**Чүпонхо низ гусфандхоро дарнишебиш бибарф чаронда суй кұра мефуроварданд.* /И пастухи **спускают** отару вниз, к кошарам, давая овцам по ходу пастись на свободном от снега южном склоне горы (тж. см. 3.2, пр. 8, 9).

3.1.2.3. Будущее составное время/Замони ояндаи таркибӣ (китобӣ)

Эта форма времени представляет собой сочетание аориста глагола *хостан* (*хотеть*) и основы прош. времени основного глагола и иногда называется *будущим отдалённым*. [131:226; 16:193].

Однако, можно сказать, что эта форма не отличается от *настояще-будущего времени* (*замони ҳозира - оянда*) [131:226; 16:184]. Часто посредством данной формы внушается несомненность, категоричность совершения действия в будущем.

Будущее составное время имеет название также и *будущего литературного* (*китобӣ* - т.е. «книжного») поскольку оно в разговорной речи практически не используется:

1. *Охир, онхо чӣ хоҳанд гуфт? Хоҳанд гуфт, ки Фирдавсӣ шояд ба ҳоким ришва дода ё ҳатто ўро ҷоду карда бошад, ки хироҷашро кам кунонд.* [С. Улугзода. *Фирдавсӣ*, 41] /Ну, что они **скажут? Скажут**, что Фирдоуси, может быть, дал мзду хакиму или даже заколдовал его, чтобы ему урезали ставку хираджа.

Действие описываемое *будущим составным временем* (*замони ояндаи таркибӣ*) в кыргызском языке выражается *будущим определённым временем* (*айкын келер чак*) [116:348].

Оно формально не отличается от *простого настоящего времени* (*жөнөкөй учур чак*) выражая действие, которое произойдёт в будущем. При этом *будущность* действия имплицитруется контекстом или выражается с помощью различных показателей времени типа *эртең* (*завтра*), *келерки жылы* (*в следующем году*), *беш жылдан кийин* (*через пять лет*) и т.д.

2. *Атам келерки жылы келет / *Падарам соли оянда хоҳад омад / Мой отец придет в следующем году.*

Как было отмечено (см. **3.1.1.**), некоторые лингвисты-кыргызоведы выделяют ещё и *будущее сложное время (татаал учур чак)*, которое образуется присоединением деепричастного аффикса /-ганы/ к основе смыслового глагола, который выступает в непосредственном сочетании со спрягаемыми вспомогательными глаголами действия *жат/тур/отур*, при этом формой *будущего сложного времени* считается случай, когда вышеперечисленные вспом. глаголы функционируют в *будущем определённом времени* [157:67].

Однако наше мнение по данному поводу совпадает с теми, которые рассматривают данную конструкцию в пределах парадигмы выражения модальности намерения.

3.1.2.4. Простое прошедшее время /Замони гузаштаи оддӣ

Эта форма времени выражает действие, закончившееся до определённого момента прош. времени [131:212; 16:186]. Для образования формы простого прошедшего времени берётся основа прош.вр., к которой прибавляются личные окончания:

1. *-Файб назанед, боз биёед, сӯҳбат боқист, - аз наси ӯ гуфт* Фирдавсӣ. [С. Улуғзода. Фирдавсӣ. 19] / *- Не потеряйтесь, приходите ещё, беседу продолжим, - сказал* вслед ему Фирдоуси.

Отрицательная форма простого прош. времени образуется прибавлением к положительной форме отрицания /на-/:

2. *Ҳокими собиқ маро қабул накард.* [С. Улуғзода, Фирдавсӣ, 58] / *Бывший хаким меня не принял.*

Значение простого прош.вр. выражает также сложноедеепричастная форма глагола, образованная из деепричастия основного глагола и спрягаемого глагола *шудан*:

3. *Ман мактубро хонда шудам / Я прочитал письмо* [16:187].

Простое прошедшее время таджикского языка аспектуально соответствует *недавнопрошедшему определённому времени/жакынкы айкын өткөн чак* кыргызского языка, которое «используется для выражения действия уже совершенного или совершавшегося в прошлом в определенный момент и в достоверности которого нет никаких сомнений.

Эта форма образуется от основы глагола присоединением к ней аффикса /-ды/-ди, /-ду, /-дү – если основа оканчивается на гласную или звонкую согласную, и /-ты/-ти/-ту/-тү – если основа оканчивается на глухую согласную, затем следует личный аффикс глагола.»[157:69].

4. *Анан алаамат тып басылып, кун чайыттаи ачылды.* [Ч.Айтматов, Кыямат, 3] /*Баъд ҳамааш фурӯ нишаст. Ҳаво ҳам соф шуд.* [Ч.Айтматов, Қиёмат, 8.] /*Потом всё стихло, погода прояснилась.* [Ч. Айтматов, Плаха, 285]. 5. *Ишенем,-деп баш ийкеди* Городецкий. [Ч.Айтматов, Кыямат, 117]. /*Дуруст,-сар чунбонид* Городецкий. [Ч. Айтматов, Қиёмат, 118] /*Верю,-согласно кивнул* Городецкий. [Ч.Айтматов, Плаха, 352].

Иногда *простое прошедшее время* таджикского языка используется для выражения действия в аспекте *прошедшего длительного времени /адат өткөн чак* (см. 2.3.3.4; 3.1.2.5):

6. *Мен бул өзөнгө карагайбашы болуп келгенимде, баатыр, самсаалаган боз таарың, балтайган көк чокоюң болор эле.* [Т.Сыдыкбеков, Тоо арасында, 336] /*Вақте ки ман якумин бор ба ин чо қангалбон шуда омадам, ту паҳлавони ман, дар тан қандаву дар пой чоруқи кӯҳна доитӣ* [Т.Сиддиқбеков, Дар миёни кӯҳсор, 25] /*Когда я приехал в эти края лесником, соколик ты мой, на тебе дрюга была рваная, да калижски зачуханные на ноге.*

3.1.2.5. *Прошедшее длительное время/Замони гузаштаи ҳикоягӣ*

Эта форма времени выражает действие, происходившее в прошлом, без указания на его законченность[131:215; 16:188]. Оно также выражает многократность совершения действия в прошлом, подобно русским «хаживал», «видывал», «делывал».

Образуется это время путём прибавления префикса /ме-/ к форме *прошедшего простого времени*:

1. *Найсонӣ дар рӯзу соатҳои фориғ буданаш аз шугли омӯзгорӣ дар корҳои боғу роғи Фирдавсӣ ёрӣ **медод**. Аз рӯи таомул падару модарони шогирдон дар рӯзҳои муайяни ҳафта ба домолло дастархон **мефиристоданд**. [С.Улуғзода. Фирдавсӣ, 65]/Найсони в свободные от учительских занятий дни и часы **помогал** Фирдоуси в садовом хозяйстве. По обычаю родители студентов в определённые дни **организовывали** угощения для учителя.*

Прошедшее длительное время /Замони гузаштаи ҳикоягӣ аспектуально соответствует форме *прошедшее длительное время/адат өткөн чак* кыргызского языка, которая «служит для выражения действия, которое совершалось впрошлом многократно или на протяжении длительного периода, и образуется от основы глагола присоединением аффиксов /-чу/- для основ, имеющих в последнем слоге твердые гласные, /-чү/- для основ, имеющих в последнем слоге мягкие гласные, за которыми следуют личные аффиксы глагола» [157:74]:

2. *Акбара бул эсерлерди күчүк кезинен билет, алиги баңги кылчу куурай гүлдөгөн маалда бир **келип кетчү**. [Ч.Айтматов, Кьямат, 21] /Акбара ин ҷой-ҳоро аз вақти гурғбачагияш **медонист** ва ҳар сол як бор, вақти ба гул нишастани бангдона **омада мерафт** [Ч.Айтматов, Қиёмат, 24]/Акбара помнила эти места ещё с детства и **наведывалась** сюда раз в году в пору цветения дурман-травы [Ч.Айтматов, Плаха, 295].*

Эту форму времени можно образовать аналитическим способом т.е. посредством сочетаний спрягаемого вспом. глагола *эле* с формами *будущее определённое время /айкын келер чак* (см.3.1.2.1.) и *арсар келер чак* (*будущее сомнительное время* см.2.3.3.4), а также с помощью оборота, представляющего собой сочетание деепричастия наст. вр. смыслового глагола с причастной формой на /-ган/ вспомогательного глагола *тур/стоять* слитно с л.о. (тж.см.3.1.2.8, пр.7).

3. *Ҷоңдорду туурап, биз дагы: “Жүр кеттик Дүйшөндүн мектебине, терекке чыгабыз” **дей турганбыз**. [Ч.Айтматов, Биринчи мугалим, 287] /Подра-*

жая взрослым, мы, мальчишки, не задумываясь **повторяли**: “Айда, ребята, в школу Дюйшена, на тополя, - воробьёв разгонять!” [Ч.Айтматов, Первый учитель, 350].

3.1.2.6.Преждепрошедшее время /Замони гузаштаи дур

Эта форма времени выражает в таджикском языке законченное время, которое предшествовало другому действию или состоянию, тоже прошедшему.

Образуется из деепричастия основного глагола и формы прошедшего простого времени вспом. глагола *будан* в значении *быть* [131:218; 16:90];

1.Маликушиуаро дар маҷлиси мушоара ба маҳорати бадеҳағӯи Фирдавсӣ тан дода дасти ӯро бӯсида бошад ҳам, аслан натиҷаи мушоара димоғи ӯро сӯзонда буд [С.Улугзода, Фирдавсӣ, 184]/В действительности итогом поэтического состязания самолюбие Маликушиуаро было уязвлено, хотя он на собрании поцеловал руку Фирдоуси, отдав должное его мастерству экспромтом сочинять стихи. 2.Парвардаи чӯпон Фаридуни шоҳнаҷод ва Коваи оҳангар дар сари лашкарӣ халқие, ки оҳангар гирд **оварда буд**, бар Заҳхоки истилогар зафар ёфта пойтахти Эронзаминро озод карданд.[С.Улугзода, Фирдавсӣ, 52]/Воспитанник пастуха царской крови Фаридуна и кузнеца Ковы во главе народного войска, которое **собрал** кузнец, победив захватчика Заххока освободил столицу Ирана.

Данная форма прош. времени в кыргызском языке не выделяется, а рассматривается лишь как частный случай *общего прошедшего определённого времени* (*жалпы айкын өткөн чак*) под названием *общее давнопрошедшее время* (*жалпы байыркы өткөн чак*) [116:353](см.3.1.2.10) и аналогична таджикской форме *замони гузаштаи дур*[16:190] не только аспектуально но и по способу образования:

3.Раис областтагы чогулуш жөнүндө ойлоп, андан улам обкомдун биринчи секретары арык, куба жүлүн Жанузаковду көз алдына келтирген эле. [Ш.Абдыраманов, Дыйкандар, 5] /Раис подумав о собрании в области по ходу

мысленно **представил** первого секретаря обкома худого, белолицого Жанузакова/букв:... мысленно приводил перед глазами...

Здесь: *келтирген* – форма жалты *айкын өткөн чак* (общего прошедшего определённого времени) глагола *келтир* в значении *приводить*;

эле – форма прош. вр. от неправильного и недостаточного вспом. глагола *э(р)* в значении *быть*[165:442] .

Если учесть, что в таджикском языке деепричастие прошедшего времени может в определённых случаях совпасть с *причастием* прош. времени [16:210], а в кыргызском языке форма *общего прошедшего определённого времени* также может рассматриваться как *причастие* прош. времени, то можно убедиться, насколько структурно близки парадигмы выражения изъявительного наклонения в аспекте данной формы прош. времени в сопоставляемых языках.

Важно подчеркнуть, что вспом. глагол *эле* выступает в сочетании практически со всеми формами глагола модифицируя аспектуально - модальные значения самого различного оттенка.

3.1.2.7. Прошедшее определённое время /Замони гузаштаи муайян

Эта форма времени в таджикском языке выражает продолженное действие в прошлом, которое началось ещё раньше [131:220; 16:191].

Образуется из *деепричастия* основного глагола, вспом. глагола *истодан* (*стоять*) [175:563] и формы *прошедшего простого времени* глагола *будан* в значении *быть* [175:242].

Практически оно представляет *замони ҳозираи муайян* (*настоящее определённое время*) взятое в плоскости прошедшего времени:

1. *Ман дар нӯшти девор гуфтугӯйи онҳоро шунида истода будам.* /Я за стеной подслушивал их разговор.

В кыргызском языке описание действия *настоящего сложного времени* являющегося аналогом *настоящего определённого времени* таджикского языка в прош.вр. возможно различными способами(см.3.1.2.2.):

2. *Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап тургам;*

3. Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап турдум эле;
 4. Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап турат элем;
 5. Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап турган элем;
 6. Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап турган болчумун.

Кроме того все вышеприведенные варианты могут быть переоформлены заменой причастной формы *турган* на причастную форму *жаткан* без искажения смысла переводимого предложения:

7. Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап жаткам;
 8. Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап жаттым эле;
 9. Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап жатам элем;
 10. Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап жаткан элем;
 11. Мен дубалдын артында алардын сүйлөшкөнүн тыңшап жаткан болчумун;

Выбор варианта зависит от контекстуальных особенностей речевой ситуации, описываемой в тексте оригинала.

Однако мы бы подчеркнули формальную идентичность (почти полную изоморфность) кыргызских конструкций, использованных в пр. 5, 6, 10, 11 с формой *прошедшего определённого времени* таджикского языка т.к. в указанных примерах точно также как и в таджикском языке используется сочетание причастия прош.вр. (т.е. на /-ган/) со спрягаемым вспомогательным глаголом в значении *быть/находиться* (ср. *эле/бол* и *будан*).

Следует отметить тот факт, что данный способ описания *продолженного* действия в прош. вр. в кыргызском языке является наиболее распространённым:

12. Бир кезде Кабыл мунун кыйыгына тийип коюп, ошондон бери кезенип, бир ыңтайын келтире албай жүргөн эле. [М. Элебаев, *Кыйын кезең*, 191]/*Қабил як вақтҳо беэҳтиётна ба иззати нафсаи расида буд ва аз ҳамон дам ӯ барои қасосгирӣ фурсати муносибе наёфта гашта буд /Когда –то Кабыл имел неосторожность задеть его самолюбие и с тех пор тот затаив обиду, ждал удобного случая, чтобы отдать должок. 13. Ошол күнү Улан тар кап-

чыгайдан жулунуп чыгып бейкут жаткан көлгө күү менен келип урунуп, ак жсал толкундарды асманга сапырып, өрөөнгө бүтүндөй буй түшүрүп жаткан болчу. [К.Акматов, Мезгил, 130]/*Он рӯз Улан аз тангдара бошиддат ба-ромада бо тамоми суръаташ худро ба кӯли ором зада, мавҷҳои сафедёли онро ба осмон бархезондаву тамоми водиро ошуфта карда истода буд. /В тот день Улан **неистовствовал**, вырываясь из узкого горного ущелья совсей силы **вдарялся** в покойно простирающееся озеро, поднимая в воздух белогривые волны, приводя всю долину в замешательство.

3.1.2.8. Основная форма перфекта/Замони гузаштаи нақлӣ

Эта форма времени выражает действие законченное и соответствует русскому прошедшему времени от глаголов совершенного вида [131:213; 16:189].

Она употребляется обычно тогда, когда хотят обратить внимание на результат совершившегося действия (т.е. действие совершилось, а результат его сохраняется в настоящем времени). Основная форма перфекта часто употребляется в повествовательной речи, при передаче с чужих слов.

Эта форма представляет собой слитное сочетание деепричастия прошедшего времени и личного окончания глагола *ҳаст*(в 3- л. ед. ч.):

1.Вале имрӯзҳо хабар расид, ки султон фармуда**ааст** дар ҳамаи шаҳрҳо анборҳои подшоҳиро бикӯшоянд ва ба мардумони қаҳтзада галла бидиҳанд: умед аст, ки минбаъд қадаре сабуки рӯй диҳад. Султон инчунин ба фуқаро хирочи яксоларо бахшида**ааст**. [С.Улуғзода, Фирдавсӣ, 106] /Но в эти дни пришла весть о том, что султан приказал во всех городах открыть падишихские закрома, раздать пшеницу изголодавшимся людям: есть надежда, что теперь немного полегчает. Султан также распорядился простить гражданам годичный хирадж (налог с урожая).

1.Основная форма перфекта /Замони гузаштаи нақлӣ аспектуально соответствует неожиданному прошедшему времени /капыскы өткөн чак кыргызского языка, которая «используется для выражения действия, относяще-

гося к прошлому, но факт свершения которого стал известен случайно, внезапно или всплыл в памяти говорящего неожиданно, в момент речи.

Данная форма образуется при помощи аффикса /-ып/-ип/-уп/-үп/-п/, или при помощи сложного аффикса /-ыптыр /-иптир /-уптур /-үптүр/ – которые присоединяются к основе, оканчивающейся на согласную, и /-птыр /-птир/-птур /-птүр/– к основе, оканчивающейся на гласную, далее следуют личные аффиксы глагола.»[157:72].

Очевидно, что данный аффикс является грамматикализованной формой слияния аффиксов деепричастия настоящего времени и предположения :

/-ып/ + /-дыр/[43:25].

2. *Хама чо холй, одамон шабошаб ким-кучо гум шудаанд.* [Ч.Айтматов, Қиёмат, 316]/*Эски орду бошон калыптыр, адамдар түндөп жоголуптур.* [Ч.Айтматов, Кыямат, 314] /*На старом месте было пусто, люди за ночь куда-то исчезли*[Ч.Айтматов, Плаха, 480]. **3.** *Диданд, кадом махлуқ, дар тан эзорча, дар пойхои луб-лучаш кеди, дар сар лачаки замоне сап-сафед, ки холо аз чирк загома бастааст, байни буттазори банг дар холи лучу урён, девонавор давида гаштааст.* [Ч.Айтматов, Қиёмат, 26] /*Көчүгүндө плавка, бутунда кета, башында эскилиги жеткен панамасы болбосо, дырдай жылаңчтаный алган бир киши алиги куурайды аралай чуркап жүрүптүр.* [Ч.Айтматов, Кыямат, 22]/*Некий субъект почти голый-в одних плавках и кедна на босу ногу, в некогда белой, но уже изрядно замызганной панаме на голове – бегал он по тем самым травам.* [Ч.Айтматов, Плаха, 296](см.тж. **3.1.2.9. Пр.7;8**).

2.Основная форма перфекта также может быть выражена формой *общего прошедшего определённого времени / жалты айкын өткөн чак* кыргызского языка, которая «используется для выражения действия, которое произошло вообще, без указания точного времени и образуется от основы глагола при помощи аффикса /-ган/...»[157:70].

4. *Мисли ту шаккоконро калисо бисёр дидааст.* [Ч.Айтматов, Қиёмат, 127]/*Чиркөө өзүнүн узак тарыхында сага окшоп күдүктөнгөндөрдү көп көр-*

гөн. [Ч.Айтматов, Кыямат, 126] /Таких, как ты, засомневавшихся, церковь на своём веку **знавала** немало. [Ч.Айтматов, Плаха, 358].

Также с данной глагольной формой таджикского языка может совпасть причастная форма прошедшего времени кыргызского языка на /-ган/[116:358]:

5. Ва инак, майдони се вокзал, ки борҳо ба Маскав омадаю рафта ошно **шудаам** [Ч.Айтматов, Қиёмат, 77] /Мына, Москвага келип-кетип жүргөнүмдө нечен **болгон** баягы үч вокзалдын аянты. [Ч.Айтматов, Кыямат, 72] /И вот знакомая площадь трёх вокзалов, где я столько раз **бывал**, приезжая и уезжая из Москвы. [Ч.Айтматов, Плаха, 326].

Причастная форма кыргызского языка на /-ган/ также совпадает со случаями причастия таджикского языка, когда оно образуется через суффикс /-гӣ/:

6. Рафиқони баромад кардагӣ хатоҳои моро дуруст нишон доданд. [Т. Сиддиқбеков, Дар миёни кӯҳсор, 269] /Сүйлөгөн жолдоштор тарабынан биз дин кемчиликтер туура айтылды. [Т. Сыдыкбеков, Тоо арасында, 519] /Выступившие товарищи правильно указали на наши ошибки.

Как явствует из нижеследующих примеров, этим не ограничивается разнообразие форм времени кыргызского языка, которым может соответствовать основная форма перфекта:

7. Мүнөзү катаал атасынан Паша аябай **корко турган**. [Ч.Айтматов, Кыямат, 67] /Паша аз падари сахтгираш **тарсидааст**. [Ч.Айтматов, Қиёмат, 71] /Паша **боялся** отца, человека резкого и крутого [Ч.Айтматов, Плаха, 323].

Т.е. в пр.7 глагольная форма *тарсидааст* использована для выражения действия, описанного кыргызской конструкцией «деепричастие наст.времени + турган + л.о.» (тж. см. 3.1.2.5, пр.3), аспектуально совпадающей с прошедшим длительным временем.

8. Айтычуңарды эми айтып калгыла! Орой көз чарай тиги сынтырдан келген жолдош... **отурат**. [Т. Сыдыкбеков, Тоо арасында, 404] /Холо ки рафиқи

аз марказ омадагї дар рӯ ба рӯямон **нишастааст**, ҳама чизи мепурсидагитонро пурсида гиред [Т.Сиддиқбеков, Дар миёни кӯҳсор, 116] / Вы скажитесь о чём хотите! Приехавший из центра товарищ, вот, **сидит** перед вами.

В пр.8 глагольная форма *нишастааст* использована в качестве эквивалента кыргызской глагольной формы *отурат*, соответствующей простому настоящему времени (см.3.1.2.1).

По нашему мнению, с учётом того, что эта форма образуется «из деепричастия прош.вр. употребляемого глагола и личных окончаний глагола *ҳаст*» [16:189] случай примера 8 следует рассматривать в пределах той же парадигмы, при которой деепричастие (причастие) прошедшего времени воспринимается (в художественных текстах) в настоящем времени:

8. *Касе магар ба сари онҳо омада?* [Сорбон, Санам, 40] *Бирөө келип алар(дыкын)да отурган болуп жүрбөсүн?* /Может быть, кто-то у них есть? /букв.: ...кто-то к ним приехавши?

3.1.2.9. Перфект длительный/Замони гузаштаи ҳикоягии нақлӣ

Эта форма образуется из формы основного перфекта (замони нақлӣ) прибавлением к нему префикса /ме-/ [131:217; 16:189].

При употреблении этой формы прошедшего времени, описывается событие, происходившее в прошлом, без указания на его законченность в повествовательном плане:

1. *Абӯ Дулаф шундааст, дар шаҳр баъзе касон маро гоибона таъна ме-задаанд, умри азизро ба қиссапардозӣ зоеъ мекунам, аз қисса чӣ суд?* [С.Улугзода, Фирдавсӣ, 15] /Абу Дулафу довелось узнать, **оказывается**, в городе некоторые меня за глаза **осуждают**, мол, я трачу бесценную жизнь на сочинение всяких там сказок, мол, что проку от сказки?

Особенностью этой формы является то, что она может выражать действие в будущем времени «с оттенком предположения, что по - русски обычно выражается употреблением слов “оказывается”, “выходит” » [16:190], то есть,

модальность предположения проявляется на фоне модальности *миративности*.

Кроме того проф. П. Джамshedов отмечал видообразующую функцию префикса /*ме-*/ в современном таджикском языке, т.е. его сочетание с формами прошедшего времени в т.ч. в случае *перфекта длительного* может аспектуально соответствовать форме несовершенного вида глагола[41:60].

В кыргызском языке для выражения подобной семантики обычно используется форма *неожиданного прошедшего времени* (*капыскы өткөн чак*) (см.3.1.2.10), хотя имеется конструкция с аналогичной семантикой, представляющая собой сочетание простого *настоящего времени*(*жөнөкөй учур чак*) и спрягаемого вспом. глагола *экен*(см.3.1.2.1.пр.10).

Данная конструкция в кыргызском литературном языке малоупотребительна, она чаще встречается в разговорной речи:

2. *Эден угушумча мен тууралуу жаман сөздөрдү айтат экенсиң.* / Судя по слухам, ты, **оказывается**, про меня **говоришь** нехорошие вещи.

В этом предложении вместо *экен* можно использовать *имиш* без искажения смысла:

Эден угушумча мен тууралуу жаман сөздөрдү айтат имишсиң.

Также это значение может быть выражено посредством модального слова *дейт/дешет*:

3. *Сени мен тууралуу жаман сөздөрдү айттып жүрөт дешет/ Говорят, что ты про меня говоришь нехорошие вещи*(тж.см.2.3.1.2).

Следует подчеркнуть формальную близость данной кыргызской конструкции с таджикской конструкцией, представляющей собой сочетание *основной формы перфекта* вспом. глагола *будан* и формы аориста смыслового глагола.

Данная конструкция характерна преимущественно разг. речи и используется для выражения побуждения к действию на фоне засвидетельствованности (т.е. со слов третьего лица):

4.-Муаллим, тез ба мактаб **равед будааст**, ки аз ноҳия комиссия омадаасту маҷлис **мешудааст**. [М.Бобоҷон, Тавба, 25]/Агай, тез мектепке барат **экенсиз**, райондон комиссия келиптир, чогулуш болот **экен**/Учитель, **сказали**, чтобы вы срочно явились в школу, (**оказывается**) из района комиссия приехала и будет собрание.

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от вышеописанной таджикской конструкции в худож. текстах данная кыргызская конструкция выражения подобного действия практически не встречается .

Как правило, в современном кыргызском литературном языке для выражения побуждения к действию на фоне засвидетельствованности используются лексико-грамматические средства модальности побуждения или долженствования:

-Муаллим, тез ба мактаб **равед будааст**, ки аз ноҳия комиссия омадаасту маҷлис **мешудааст** /5.Агай, сиз тезинен мектепке барышыңыз **керек экен**, райондон комиссия келиптир, чогулуш болот **экен**/букв.:Учитель, (**оказывается**) вы срочно должны явиться в школу, (**оказывается**) комиссия из района приехала и будет собрание. /6.Агай сизди мектепке тез келсин дебатьшат , райондон комиссия келиптир, чогулуш болот **экен**/ букв.:Учитель, (о) вас говорят: пусть срочно придёт в школу, (**оказывается**) комиссия из района приехала и будет собрание.

Вышеописанная конструкция с участием формы наст-буд. вр. более употребительна в случаях выражения действия посредством замони гузаштаи ҳикоягии нақлӣ (перфект длительный) в будущем времени, нежели в прошедшем, при этом контекстуальные оттенки речевой ситуации передаются путём замены вспом. глагола экен модальными словами дейт/дешет и имиш:

7.Ва имрӯз, он чо ба бахти ман!-дар толоре , ки сахнаи итолиёвӣ ном доштааст, концерти савтҳои қадими ибодати Булгор барпо **мешудааст**. [Ч.Айтматов, Қиёмат, 83]/Бу жолу болсо, Аталиян короосу деп аталган залда көөнө болгар чиркөө ырынын концерти болот **экен**. Кудаё жалга! [Ч.Айт-

матов, Кыямат, 78] / В этот раз- вот уж диво!-в зале, именуемом Итальянским двориком, предстоял концерт староболгарского храмового пения [Ч. Айтматов, Плаха, 330]. **8.** / Ман дар ҷоям бо даҳони яла шах шуда мондам, кафлез ҳам аз дастам афтода рафтааст... ҳамаи ҷавонзанҳои хушрӯй ва хушқадро дар ҷамоа барои бо мардон хоб кардан ҷамъ **мекардаанд**, бенурҳоро бошад, ба ошпазӣ **меандохтаанд**... [Т. Сиддиқбеков, Дар миёни кӯҳсор, 43] / Аңкыйып оозум ачылып, колумдан сузгум түшүп калыптыр... Бойлуу, ойлуу келиндерди ортого салып, башкаларыбызды казанчы кылат **дейт**... [Т. Сыдыкбеков, Тоо арасында: 350] / Я настолько была ошарашена, что даже черпак уронила... **оказывається**, они всех молодух красивых и статных **соберут** вместе - мужикам попользоваться, а остальных **заставят** заниматься стряпнёй...

3.1.2.10. Преждепрошедший перфект / Замони гузаштаи дури нақлӣ

Эта форма времени показывает то же, что и *преждепрошедшее время* / *замони гузаштаи дур*, только в плане повествовательном [131:220; 16:191]; говорящий посредством логических умозаключений, исходя из рассказа других или в результате личного опыта делает вывод, что действие произошло раньше другого (также в прошлом) действия.

Образуется он из деепричастия прошедшего времени основного глагола и основной формы перфекта вспом. глагола *будан*.

Подчёркивает субъективное отношение говорящего к описываемому действию, выражаемое (при переводе на русский язык) вводными словами типа «оказывається», «выходит», «как видно» и т.д.:

1. / Имом як –ду достони туро дар куҷое хонда ва қисман рӯбардор карда **гирифта будааст**... [С. Улугзода, Фирдавсӣ, 20] / Имам, **оказывається**, где-то **прочитав** одну-две твоих поэмы частично **списал** себе копию...

Данная форма прош. времени в кыргызском языке не выделяется, а рассматривается лишь как частный случай *общего прошедшего определённого*

времени (*жалпы айкын өткөн чак*) под названием *общего давнопрошедшего времени (жалпы байыркы өткөн чак)* [116:353](см.3.1.2.6).

Образуется из сочетания *общего прошедшего определённого времени / жалпы айкын өткөн чак*[116:352] и глагола *экен* являющегося причастием прош. времени недостаточного и вспом. глагола *э(р)* в значении *быть*.

Аспектуально полностью совпадает с *преждепрошедшим перфектом / замони гузаштаи дури нақлӣ* подчёркивая, как и в таджикском языке, модальность *миративности*, выражаемую по-русски словами типа *оказывается, выходит* и т.д.

2.Көрсө, мен жактан мындай жаман мамиле болот деп ойлобогон экен. [Т.Касымбеков, Кыйын кезең, 178]/*Ў гумон **накарда будааст**, ки аз тарафи ман чунин муносибати сард карда мешавад/ **Оказывается**, она не **ожидала** с моей стороны такого холодного отношения / букв: ...**не думала**, что с моей стороны будет такое плохое отношение.

3.1.2.11.Перфект определённый /Замони гузаштаи муайяни нақлӣ

Данная форма времени в таджикском языке выражает то же самое *настоящее определённое время / замони ҳозираи муайян*, взятое в повествовательном плане. [131:220; 16:191].

Образуется из *деепричастия* основного глагола, вспом. глагола *истодан* и основного перфекта глагола *будан*:

1.Ў лашкари бекароне чамъ **карда истода будааст/Оказывается** он собирает бесчисленное войско.

«При переводе на русский язык основное значение этих форм можно передать с помощью различных слов или выражений: “говорят”, “стало известно, что”, “оказывается”. Перфект определённый в таджикском языке употребляется редко.» [13:240].

В кыргызском языке имеется одна очень употребительная конструкция, соответствующая данной форме прош. вр. таджикского языка; образуется она сочетанием причастной сложной формы прошедшего времени и вспом. глаго-

ла экен, и обозначает, как и в таджикском языке, продолженное действие (действие в процессе) в прошлом, начавшееся ещё раньше в повествовательном плане:

2. *Ошондо артымы жалт бир карасам, атам дагы эле бирдеме деп куулөнүп, бороздо темтеңден келаткан экен.* [Т.Касымбеков. Повесттер, 191]
 /*Он дам якбора ба ақиб рӯ гардонда дидам, ки падарам ошӯфтаҳолона чизҳое гӯён ҳоло ҳам қад-қади ҷӯяк омада **истода будааст.** /Тогда резко оборачиваясь назад увидел, что отец всё ещё **шёл** за мной, пошатываясь по канавам и суетливо выговаривая что-то.

Как видно из примера, спрягаемый вспом. глагол *экен* выступает в сочетании с причастной формой *на/-ган/* (в то же время являющейся и формой *общего прошедшего определённого времени*), присоединяемой к парадигматической форме *сложного настоящего времени* смыслового глагола *кел /приходить*, т.е. к основе вспом. глагола *жат* в сочетании с деепричастием наст. времени: *кел + е* (форма *келаткан* является стяженным вариантом парадигмы выражения *сложного настоящего времени*: *келе жат + кан*); [116:347]

Важно отметить, что в кыргызском языке выражение моментальной длительности действия допускает широкую вариативность, которая связана не только с вспом. глаголами *жат, тур, отур, жүр* [157:68], но и с возможностью описания события *настоящего сложного времени* употреблением их в форме *общего прошедшего определённого времени*. Это показано в примерах **2, 5, 6, 7, 10, 11** параграфа **3.1.2.7**, где был отмечен контекстуальный характер данного способа повествовательного выражения настоящего.

В нашем же случае осуществляется повествовательное описание действия, выражаемого формой *татаал учур чак* полностью соответствующей форме *замони ҳозираи муайян*, где вспом. глагол *будаст* сочетается также с деепричастием настоящего времени: *омад + а истод + а* .

Т.е. налицо формальное соответствие способов выражения действия в данной форме времени в сопоставляемых языках.

3.2. Морфологический способ выражения модальности предположения.

Аффиксы /-гї̄/ и /ме-/

В таджикском языке основным признаком *предположительного наклонения* является наличие суффикса /-гї̄/ в глаголе [131:209; 16:200], т.е. причастная форма прошедшего времени, и она используется в двух: в полной и сокращённой формах [104:187].

Полная форма предположительного глагола образуется из причастия прошедшего времени слиянием его суффикса /-гї̄/ с сокращённой формой /-ст/ глагола *ҳаст* (наст. вр. глагола в значении *быть, иметься*) и присоединением к ним глагольной связки. При этом 3-е л. в ед. ч. используется как основа, т.е. без окончания.

Так, в **табл.№11** показано спряжение глагола в предположительном наклонении на примере глагола *навшитан* (*писать*). Сокращённая форма таких предположительных глаголов образуется по той же схеме (в **табл.№11** показана в скобках), хотя имеет и существенное отличие: сокращённая форма слова *ҳаст* /-ст/ присутствует только в ед. ч. 3-л. и обычно ударение тут падает на первый слог. Тем не менее оба эти способа выражения предположительности равнозначны.

Префикс /ме-/ слившись с вышеописанной *формой прошедшего времени предположительного наклонения* образует форму его настояще - будущего времени:

1.Шумо агар аз Шӯроб бошед, поччои маро назз **мешинохтагистед**.
/Если вы из Шураба, **наверное, знаете** моего зятя.**2.** Соли оянда ба ягон мактаби олі **мерафтагистед**./В следующем году, **наверное, пойдете** в какой –нибудь вуз)[149:76].

При выражении настоящего времени *аналитическим способом* предположительная форма прошедшего времени вспомогательного глагола *истодан* сочетаясь с деепричастной формой основного глагола принимает полную или сокращённую спрягательную форму глагольной связки.

ТАБЛИЦА № 11 ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ: АФФИКС /-г̃й/+/ -сг/			
Ф. вр.	Л.	Единственное число	Множественное число
Прош.	1	<i>Ман навиштагистам /навиштагиям/ Я, наверно, написал</i>	<i>Мо навиштагистем /навиштагием/ Мы, наверно, написали</i>
	2	<i>Ту навиштагист̃й /навиштагий /Ты, наверно, написал</i>	<i>Шумо навиштагистед /навиштагиед/ Вы, наверно, написали</i>
	3	<i>Ў навиштагист /Он, наверно, написал</i>	<i>Онхо навиштагистанд /навиштагиянд/ Они, наверно написали</i>
Наст.	1	<i>Ман навишта истодагистам /истодагиям/ Я, наверно, пишу</i>	<i>Мо навишта истодагистем /истодагием/ Мы, наверно, пишем</i>
	2	<i>Ту навишта истодагист̃й /истодагий/ Ты, наверно, пишешь</i>	<i>Шумо навишта истодагистед /истодагиед/ Вы, наверно, пишете</i>
	3	<i>Ў навишта истодагист /Он, наверно, пишет</i>	<i>Онхо навишта истодагистанд /истодагиянд/ Они, наверно, пишут</i>
Буд.	1	<i>Ман менавиштагистам /менавиштагиям/ Я, наверно, напишу</i>	<i>Мо менавиштагистем /менавиштагием/ Мы, наверно, напишем</i>
	2	<i>Ту менавиштагист̃й /менавиштагий /Ты, наверно, напишешь</i>	<i>Шумо менавиштагистед /менавиштагиед/ Вы, наверно, напишете</i>
	3	<i>Ў менавиштагист /Он, наверно, напишет</i>	<i>Онхо менавиштагистанд /менавиштагиянд/ Они, наверно, напишут</i>

Предположительное значение посредством префикса /ме-/ выражается также и в общей парадигме *условно-сослагательной* модальности.

Как известно, в индоевропейских языках выражение *условной* и *сослагательной* модальностей реализуется одними и теми же средствами: в русском языке, например, это - частица *бы*, в английском - модальный глагол *would*, а в таджикском языке таким средством является префикс /ме-/.

Он используется прибавлением к форме *простого прошедшего времени* (*замони гузаштаи оддӣ*):

3. Аммо нагз *мешуд*, *ӯро дар ҷояш*, *дар ҳамин парта мемонданд*. Бар ба бар *менишастем*. [Ч. Айтматов, *Турнаҳои бармаҳал*, 71] /Но лучше было **бы**, если **б** ее оставили тут же, на этой парте. Сидели **бы** рядышком. [Ч. Айтматов, *Ранние журавли*, 269]. **4.** Агар ман додари асли *медоштам* ҳам, эҳтимол, омадани *ӯро монанди омадани Дуйшен ин қадар бесаброна интизорӣ намекашидам*. [Ч. Айтматов, *Нахустин устод*, 29] /**Будь** у меня родной брат, я и его, пожалуйста, не ждала **бы** с таким нетерпением, как ждала возвращения Дуйшена. [Ч. Айтматов, *Первый учитель*, 366]. **5.** Оҳ кошкӣ онҳо *медонистанд*, ки дили ман аз шодмонии бузурге, ки аз нақли он оқиз будам ва эҳтимол нақл карда ҳам *наметавонистам*, “аз ҷо бечо” шуда буд. [Ч. Айтматов, *Нахустин устод*, 41] /Ах, **если бы** они знали, что сердце моё “сдвинулось с места” от великого счастья о котором я не в силах рассказать, да, пожалуйста, и не сумела **бы**. [Ч. Айтматов, *Первый учитель*, 375].

Этот способ модификации глагола особенен тем, что в то же время он представляет собой основную форму выражения *прошедшего длительного времени* (*замони гузаштаи ҳикоягӣ*) (см. 3.1.2.5.):

6. Баъзан шабҳангом аз ҳавлии дарун ба ҳучраи шавҳараи омада бо хоҳиши *ӯ чанг менавохт* ё барояш афсонае *мегуфт*. [С. Улугзода, *Фирдавсӣ*, 14] /По вечерам иногда она придя из своих покоев к мужу в комнату, по его желанию **играла** на чанге или **рассказывала** какую-нибудь сказку.

Эти семантически разные но формально идентичные парадигмы выражения действия могут употребляться одновременно в составе одного предложения:

7. *Баъзеҳо ба овозаҳо бовар мекарданд, баъзеҳо ҳамаи ин гапҳоро зайбатҳои занона медонистанд ва агар дере нагузашта, мардум ба маҷлис даъват карда намешуданд, эҳтимол мактабро умуман фаромӯш мекарданд.* [Ч.Айтматов, Устоди нахустин, 18] /Кто-то верил слухам, кто-то считал всё это бабьими сплетнями, и, быть может, вообще забыли **бы** о школе, если **бы** вскоре не созвали народ на сходку[Ч.Айтматов, Первый учитель, 356].

Кроме того эта форма совпадает и с литературной формой⁴ выражения настоящего времени:

8. *Кирдори бародарони Эраҷ маро ба ҳаёлотӣ замангез андохт, -мегуфт шоир.* [С.Улуғзода, Фирдавсӣ, 14] /Поступок братьев Эраджа погрузил меня в печальные размышления – **говорил** поэт. 9. *Аммо офтоб мисли ҳарвақта рӯи дашту ҳомун гарму рушан нур мепошид.* [Ч.Айтматов, Қиёмат, 190] /Но солнце по-прежнему ярко и горячо **светило** над степной равниной... [Ч.Айтматов, Плаха, 398].

Как отмечалось ранее (см. 3.1.2.2.), форма наст. вр. глагола кыргызского языка образуемая при помощи аффикса /-ууда/ (с разл. ф.в.) также имеет характер «литературности».

Кроме того в кыргызской лингвистической литературе отмечалась и её «длительность» [43:22], что делает ещё «более похожей» на таджикскую форму настоящего времени с префиксом /ме-/.

Однако нельзя утверждать о полном изморфизме между этими формами сопоставляемых языков: дело в том, что в случае употребления префикса /ме-/ в таджикском выражается непосредственно сам процесс протекания действия, тогда как употреблением аффикса /-ууда/ в кыргызском языке описывается состояние как действие.

⁴Данный способ выражения настоящего времени используется исключительно в художественных текстах

3.3. Лексико-грамматический способ выражения модальности предположения

3.3.1. Средства таджикского языка с семантикой уподобления

Средства с семантикой уподобления в таджикском функционируют несколько иначе чем в кыргызском языке.

Глаголы уподобления *намудан* [175:895], *тофтан* (*тобидан*) [176:353] и *мондан* [175:814] выражают модальность предположения преимущественно в сочетании с соответствующими модальными словами и оборотами. В частности, глаголы *намудан* и *тофтан* (*тобидан*) выступают обычно в составе вводного оборота *ба назар / чунин ... менамояд / метобад, намуд / тофт, ...* и т.д.

1. *Вале нонвой ношуди назарногир тофт ба назарам.* [Сорбон, Санам, 43] / *Пекарь, однако, **показался** мне невзрачным неудачником.*

В таджикском языке непосредственное сочетание глаголов уподобления с временными формами глагола, как это происходит в кыргызском (как было бы, например, *омадааст менамояд / метобад*) недопустимо.

Глагол *намудан* например, самостоятельно в сочетании с существительными словами выступает обычно в значениях *показать* и *показаться, виднеться*:

2. «*Аслаш ана ҳамин сурат*» *сурати духтаракеро дар либоси мактабӣ намуд ба ман* [Сорбон, Санам, 10] / «*Вот оно - само фото*» *показала* мне фотографию девочки в школьной форме). 3. *Сояи Сара дар девори даруни айвон тофт; худаи нанамуд* [Сорбон, Санам, 13] / *Силуэт Сары мелькнул по внутренней стене веранды; самой было не видно.*

В случаях, когда глагол уподобления *намудан* сочетается с прилагательным может выражать модальность предположения на фоне кажимости:

4. *Пеш пиру барнои деҳ ба назари ҷавон баробар фариштахӯ менамуданд ва дар хаёли ӯ мешуд, ки агар дар домани ҳар яке намоз ҳам бихонӣ.* [А.Самад, Гардиши девбод, 35] / *Раньше юноше стар и млад кишлака казались одинаково ангелообразными в его представлении можно было б молиться у*

их ног /букв: ...молиться на подоле одежд... **5.**Дунё **дар назарашон** ҳамин гуна поку беолоши **менамуд** [С.Зардон, Вахи,9] /Мир им **казался** таким чистым и незапятненным. **6.**Бою бадавлат бошад ҳам, одами хоксору ҳалим **менамуд**. [Ш.Мусозода, Қомати сабзи имон,50] /Хотя богатый и знатный, **казался** человеком скромным и добродушным.

Глагол *мондан* констатирует факт подобия:

7.Ҳар шифераш ҷигари лахт-лахтро **мемонад** [М. Ғоиб, Сарҳади инсоф, 49] /Каждый шифер **похож** на кусок печени.

Для выражения значений подобия в таджикском языке используются ещё другие специальные языковые средства, выступающие преимущественно в качестве предлога, а в некоторых случаях и предикативного наречия. К ним можно относить такие слова, как *монанд*, *мисли*, *ҳамчун*, *шабеҳ*, *барин* и др.

8.Сохти пайкараш **монанд ба** секунча буд. [Ю. Юсуфӣ, Нигоҳ,73] /Её (овцы) тело напоминало треугольную фигуру /букв: было **похоже** на треугольник. **9.**Ў **ҳамчун** занҳои шаҳрӣ нозукниҳолу лозарандом ва ё аз камҳаракатӣ фарбеҳ не, **мисли** занҳои корхӯрдаи деҳ тануманду пурра ва бисёр чаққон буд [Х.Мирзозода, Самарқанд,31] /Она не была **похожа** на изнеженных и худых или жирных от малоподвижности городских женщин, она была **подобно** киш-лачным трудягам –дородная, развитая и очень бойкая.

3.3.2.Модальные слова

В современном таджикском языке модальные слова рассматриваются как особая лексико-грамматическая категория с характерными морфологическими, синтаксическими, семантическими и стилистическими признаками, возникновение и развитие которых связано с утратой основного первоначального конкретного лексического значения и приобретением ими с течением времени разнообразных смысловых модальных оттенков.

Имеются в нём такие модальные единицы: *барин*, *гӯё*, *магар*, *мабодо*, *мумкин*, *эҳтимол*, *шояд* и др. относящиеся к числу тех слов, которые «отрываясь от традиционной системы парадигм и изменяясь семантически, превра-

тились в *модальные слова*» [71:23], и выражающие предположительное значение.

3.3.2.1. Модальное слово *барин*

Как выяснилось (см. 3.3.1.), в таджикском в отличие от кыргызского, слова с семантикой уподобления самостоятельно используются в изъявительном плане.

Исключение составляет послелог *барин*. Не обладая самостоятельным лексическим значением [175:305], он обычно выступает в качестве вспом. элемента в составе конструкций изъявительного плана, придавая сопровождаемому слову (как правило имени), характер уподобления:

1. *Ҷавоб дод, ки “чӣ, ман барин тир шудаӣ, ки тайи гапро намефаҳмӣ”.* [Ш. Ёдгорӣ, Талош, 1:36] / *Отвeтил: “Что ж так, дожил до моих лет и не понимаешь об чём разговор”* / букв:..постарел **как** я... 2.- *Лаббай,- зани қоматбаланде, ранги рӯяш сиёҳчатоб ва дандонҳояш шир барин сафед метофтанд, дами дари меҳмонхона пайдо шуд.* [К. Мирзоев, Дар орзуи падар, 19] / *Да,- у входной двери гостиницы появилась высокая женщина со смуглым лицом и молочно- белыми зубами* / букв: ... с зубами, выглядевшими белыми **как** молоко. 3. *Ин гова зотӣ гуфта харида ҷазза барин сӯхтам* [369:392] / *Купив эту корову думая, что она породиста, я погорел совсем* / букв:.. горел **как** шварки.

Послелог *барин* в определённых случаях может принимать суффиксы, выступая как имя [131:305]:

4. *Ин гапҳо ба мову шумо баринҳо дахл надорад.* [Ҷ. Кӯҳзод, Ҳайҷо, 6] / *Эти слова не касаются таких, как мы и вы.*

А когда послелог *барин* участвует в предложениях в непосредственном сочетании с разл. глагольными формами, выражающими процесс действия или состояния проявляется модальность предположения:

5. *Харбуза дирӯз аз палак кандагӣ барин.* [И. Каримзода, Ошиқ будаем рӯзе, 83] / *Дыня-как будто вчера с бахчи сорвали.* 6. *Шумо чӣ, шаҳрро бедарво-*

заву мулкро беҳоким дидаед?!- Каримбой аз ҷояи нимхез шуда, чизе гуфтани буд, лекин афсун кардагӣ **барин** ҳарфе ба забон оварда натавониста, ба ҷояи нишаст.[Х.Мирзозода, Самарқанд, 54] /Вы что, посчитали, что город без ворот, а страна без хозяина?!-Каримбой привстав с места хотел что-то возразить, но ничего не найдя сказать, **словно** зачарованный, сел на место.

Модальное слово *барин* может выражать приближение (предположение), сочетаясь с числительными или со словами, синтаксически связанными с ними:

7.-Ана шуйи ман ҳаминай!- гӯён Гулбаҳор ногаҳон таёқро бо ҳарду дасташ қапида озод боло бардошт, ки нугаш байни шоҳҳои шафтолуи болои сарамон гӯтида рафт ва ба чизе расиду аз он ҷо як сатели калони пури сангу оҳанпора бо садои барои мо беҳабар ногаҳониву гӯшхароше, балки ваҳмангезе бало баринбашаст поён омад ва ним метр **барин** то рӯи дастархон расам-нарасам ба танобе, ки дар дасташ баста будааст, сахт бархӯрда муаллақ бишод, наваро сахт такон дод ва ба сару рӯямон аз осмон мошин санг рехтагӣ **барин** шафтолу борид.[Ш.Ёдгорӣ, Талош,2/31] / Сказав: “Вот это вот - мой муж!”- Гулбахор схватила палку двумя руками и резко подняла в полную длину, что конец её оказался в персиковых листьях над нашей головой, зацепляя там что-то и оттуда с внезапным и незнакомым доселе нам пугающим звуком неведомого страшилища энергично спустилось полное камней и железяк огромное, подвешенное на верёвке ведро, которое стало раскачиваться **где-то** полметра не касаясь дастархана и от сильной встряски дерева на нас дождём обрушились персики, **как если бы** сверху их выгрузили самосвалом.

Однако, бывают случаи, когда *барин* выражает модальность предположения при сочетании с существительными.

Такие случаи обычно связаны с предикативностью занимаемой им (словом *барин*) позиции в предложении или же с конкретным контекстом:

8.Шукр, муаллимони мактаби мо ҳамаашон бо ҳам аҳл, аъзои як оилаву як хонадон **барин** [173:38] /Слава богу, учителя нашей школы дружны между собой, **как/будто**/ члены одной семьи.

3.3.2.2. Модальные слова *гӯё*, *гӯӣ*, *мазмун*

В таджикском языке имеется слово *гӯё* [170:110], являющееся одним из модальных слов глагольного происхождения (от глагола *гуфтан/сказать*) [143:111] и представляет собой одно из наиболее востребованных средств таджикского языка при выражении предположения как в разг. речи так и худож. текстах.

Гӯё представляет собой подчинительный союз, выступающий в сравнительных оборотах и сравнительных придаточных предложениях, констатируя предположительность высказываемого на фоне оттенка уподобления и соответствуя по значению словам: *будто, словно, как, вроде, кажется*.

1.Ҳам Қўҷқорбоев ҳам Бўстон, яке назди миз, дигаре таги шишти девор – мисли муҷримони ба марг маҳкумишуда меистоданд, ки **гӯё** яке аз онҳо ҳамин ҳоло гурсас ба замин мехӯрд. [Ч.Айтматов, Қиёмат, 433] / Кочкорбаев менен Бостон атууга өкүм кылынган кишилердей – бири үстөлдүн жанында, бири дубалдын түбүндө – мына аз болсо эле бирөө шалак деп эсерге кулап түшчүдөй туруп калышты. [Ч.Айтматов, Кыямат, 445] / И Кочкорбаев и Бостон стояли – один у стола, другой у стены – как приговорённые к смерти, **казалось**, ещё немного, и кто-нибудь из них рухнет на пол. [Ч.Айтматов, Плаха, 552].

В таджикском языке имеется ещё одно модальное слово *гӯӣ* [175:354], совпадающее с модальным словом *гӯё* не только в значениях, но и по происхождению.

Однако способы их функционирования существенно различаются: если слово неизменяемой формы *гӯё* выступает в качестве союза, то *гӯӣ* функционирует в полноценной форме аориста глагола *гуфтан*, оставаясь в функционально-семантическом поле модальности предположения на фоне кажимости.

2.Гӯӣ *ӯ маст аст/Как будто он пьян/букв.: скажешь: он пьян.*

Следует отметить, что частотность употребления модального слова *гӯӣ* несравнимо ниже чем *гӯё*. Более употребительной является его форма в наст.-буд. времени:

3.Мегӯӣ ба кори сахро не, ба ягон базм мешитобанд. [А.Самад, Гардиши девбод, 18] /Талаа жумушуна эмес, той-тамашага ашыгып жаткандай/ Они **как будто** спешат на праздник какой-то, а не на полевые работы /букв.: скажешь: они спешат....

Другая грамматикализованная форма этого средства выражения предположения представляет собой форму наст.-буд. времени третьего лица множественного числа глагола *гуфтан/сказать*:

4.Мегӯянд, тӯтиҳое ҳастанд, ки ҳатто газета хонда метавонанд. [Ч.Айтматов, Турнаҳои бармаҳал, 69] /**Айтып жүрүшпөйбү**, окумал тотукуштар да бар **имиш**. [Ч.Айтматов, Эрте жаздагы турналар, 245] /**Говорят**, есть попугаи, которые умеют читать. [Ч.Айтматов, Ранние журавли, 269].

5.Мегӯянд, ки онҳоро ба кадом як шаҳри аз хати ҷанг дури дур, аммо сарду яхистон барои заводсозӣ бурдаанд. [А.Самад, Гардиши девбод, 22] /Аларды, майдан чегинен тээ алыс бир абдан аяздуу, суук шаарга завод курдурганы алып кеткен, **дешет**/ **Говорят**, их увезли строить заводы в какой-то город, далеко-далеко от линии фронта, где вечная зима и лютые морозы.

Как явствует из вышеприведённых примеров, при использовании формы *мегӯянд* проявляется модальность предположения на фоне засвидетельствованности как в случаях с модальными словами *дейт/дешет* в кыргызском языке (см. 2.3.1.2).

Модальное слово *мазмун* [175:742] в современном таджикском языке при выражении предположения употребляется сравнительно реже чем *гӯё*, встречается исключительно в худож. текстах:

6.Фосилае гузашту мазмун аз он тараф садо баромад, ки Мавлуда ҳарсасзанон гуфт: -Мебахшед, ин хонаи кӣ? [А. Баҳорӣ, Субҳи дурӯгин, 18] /Саамдан соң, ары жактан жооп беришти **окиойт**, Мавлуда энтиге сӯйлөдү:

-Кечиресиз, бул кимдин үйү?/ Через некоторое время, **по-видимому** из другого конца ответили, Мавлуда тяжело выдохнула: -Извините, это чей дом? **7.Мазмун**, одамҳои калон... Тез асп меронанд, **мазмун**, кори таъҷил доранд. [Т.Сиддиқбеков, Дар миёни кӯҳсор, 94] /Кебетелери – чоғ ӓкмӓтчӓлӓр **кӓрӓнӓт**... Жӓрӓштӓрӓ ашӓгыштӓуу. Бир кеп бар **го?**..[Т.Сыдыкбеков, Тоо арасында, 388]/**По-видимому**, большие люди....Спешно едут, **видимо**, дело у них срочное.

3.3.2.3. Модальные слова мумкин, эҳтимол, шояд, балки и гумон

В соответствующих словарях таджикского языка модальные слова *мумкин, эҳтимол, шояд, балки* представлены как синонимы в значениях: *вероятно, возможно, может быть*. Но способы их функционирования несколько различаются.

Модальное слово *мумкин* [175:835] может употребляться в качестве вводного слова а также и в составе предложения в позиции предикативности. Выступая в качестве вводного слова, оно придаёт предположительное значение всему предложению:

1.Мумкин баъди рост шудани каср бароят дар он кор пайдо шавад. [М.Қурбон, Вақте ки ях об мешуд, 15] **Может быть**, когда дворец будет построен, там для тебя найдётся работа.

Употребление *мумкин* в качестве вводного модального слова предложения больше характерно для разг. речи. В литературном же языке (равно как и в разг. речи) преимущественно представлено его употребление в изъявительно-предикативном значении:

2.Баъд ҳамаашро мулоҳиза карда ба Камолиддин роҳи беҳтар нишон додану баҳрае расондан **мумкин**. [Р.Мардон, Девонағи марди ҳушёр, 75] /Потом уж продумав всё и взвесив, **можно** показать Камолиддину как лучше и подействовать. **3.Аз** ӯ ҳар “бало- ро интизор шудан **мумкин** буд. [И. Қосимзода, Ошиқ будаеи рӯзе, 67] /От него **можно** было ожидать любую напасть. **4.Бо** таасуфи зиёд қайд кардан лозим аст, ки дар баҳши “Ғазалҳои тозаёб”-и ҷилди дуввуми ашъори воқеан “тоза”-ро низ дидан **мумкин** аст. [Б.Раҳимӣ,

Аз таърихи наشري осори Бедил, 141] /С большим сожалением приходится отмечать, что в разделе “Вновь найденные газели” второго тома **можно** увидеть действительно “новые” стихи.

Как видно из вышеприведенных примеров, в случае употребления модального слова *мумкин* в позиции предикативности выражается значение *алетической* модальности (см.1.4.)

Модальное слово *эхтимол*[176:673] равнозначно и взаимозаменяемо со словом *мумкин*, и чаще всего выступает в качестве вводного слова:

5.-Эхтимол, аз авлодаш ягон даҳанкалони баобрӯ даҳон андохта бошад. Ба чинси худ мекашад-дия.-**Мумкин**, оҳ кашида сар хам кард Манзур. [А.Баҳорӣ,Баҳси нотаом,35] /-**Может**, из предков какой-нибудь речистый правитель одарил её таким слогом. Гены, знаете ли.-**Может быть**, -вздыхнул Манзур опуская голову.

В предикативной позиции модальное слово *эхтимол* может выступать в качестве имени, и нередко в составе модальных оборотов предположения:

6.-Кӯшиши ба кор бар ин сафар, ки монанди меҳмониравии Афандӣ нашавад, туфайливу куфайливу сухайливу ёрони дигарро ин сафар назди раис набар, ки хафа шуданаш аз эхтимол дур нест. [У.Раҷаб,Бародархонда,85] /На этот раз ты уж постарайся, чтоб не получилось как в том анекдоте об Афанди, не веди ты к раису незваных, нежданных, негаданных и всяких других там друзей, он **может** обидеться.

В отличие от *мумкин* модальное слово *эхтимол* всегда, вне зависимости от занимаемой в предложении позиции, выражает модальность предположения.

Модальное слово *шояд* [176:656] (иногда его называют *модальным глаголом* [246:46]) обладает высокой частотностью в современном таджикском литературном языке и в разг. речи встречается очень редко.

Оно, как правило, выступает в качестве вводного слова и в позиции предикативности не употребляется:

7. **Шояд** гумон мекард, ки Ҷамила ба табиати зебо менигарату дилтанг мешаваду гиря мекунад. [Л. Додо, Гуроз, 27] / **Может быть**, она думала, что Джамия смотрит на красивую природу, печалится и плачет. 8. **Шояд** аз ҷудоии дӯсти айёми кӯдакӣ ва ё аз фазои дилгири кишвари бегона? [С. Зардон, Вахи, 29] / **Может быть**, из-за разлуки с другом детства или же из-за унылой атмосферы чужой страны? 9. **Шояд** лаҳзаҳои башумори умраи монда. [К. Мирзоев, Дар орзуи падар, 36] / **Быть может**, остаются считанные мгновения его жизни. 10. **Шояд** наст ҷез задаам. [Ш. Ёдгорӣ, Талош, 27] / **Может**, не громко звал. 11. **Шояд** шумо донед, як тан аз коргарони моро милиса моҳест ба ҳабе гирифта. [М. Саттор, Нолаи хомӯш, 31] / **Может**, вы в курсе, что месяц как милиция арестовала одного из наших рабочих. 12. - **Шояд** гумон кардааст маркази савдоро, ки тарконд, дигар Амрико ба худ намеояд. - **Шояд**, тисханд зад Қурбон. [А. Зоҳир. Ибни Лодан, 32.] / - **Может**, он думал, что если взорвать торговый центр, Америка больше не оправится. - **Может быть**, усмехнулся Курбон.

Модальное слово предположения *балки* также как и *шояд* не употребляется в предикативной позиции. Оно обычно выступает в составе сложных предложений, подчёркивая неуверенное предположение.

Некогда заимствованное из таджикского языка слово *балки* [170:44] прочно утвердилось в лексике современного кыргызского языка в форме *балким* (см. 2.3.1.3.) в значении *может быть, возможно*, тогда как в самом таджикском языке в настоящее время теряется его *предположительное значение*, о чём свидетельствует тот факт, что в новейших его словарях это модальное слово в таком значении не представлено [175:128].

Тем не менее, хоть и редко, оно встречается в художественных произведениях современных таджикских авторов:

13. Чанд шиносашро дида бошад ҳам ба онҳо саломии худиро раво намедид. **Балки** онҳоро намешинохт. [А. Зоҳир, Майдон, 43] / Не стал здороваться даже ради приличия со своими знакомыми. **Может**, он их не узнал.

14.Балки шумо, рафиқ Ёркунчиев, дигар ҳама корро як сӯ гузошта, болои ин галаи гургҳои худро ривоч доданӣ ҳастед? [Ч.Айтматов /тарҷ.И.Қосимзода, Қиёмат,433] /**Может быть**, товарищ Уркунчиев,ко всему прочему вы хотите завести ещё и своих личных волков? [Ч.Айтматов, Плаха:553]. **15.**Ҳамон лаҳза бидид, ки Хумкаллааш ба ҳаво ҷаҳиду сарчаппа ба замин зад.Онро вақти давиданааш зада буданд. Нахустфарзандаш дар ҷояш оҳиста паҳлӯ гашту ҷуссааш дароз кашида, то хунук шуданааш ба хуни худ огушта гардид.Ва **ачаб не** вай аз зарби тир улос ҳам кашида бошад, **балки** аз хатари марг тарсида фарёд кашида бошад. Лек очагург инро нашунавид. [Ч.Айтматов /тарҷ.И.Қосимзода, Қиёмат,47]./...и в следующее мгновение увидела, как высоко взлетел в воздух подстреленный на бегу ее Большеголовый, самый крупный из её первенцев, как он, обливаясь кровью, медленно падал вниз, медленно перекидываясь на бок, вытягивался,суча лапами, **возможно** исторгнул крик боли, **возможно**, предсмертный вопль, но она ничего не слышала... [Ч. Айтматов, Плаха,309].

Имеется ещё одно слово *гумон* [175:342], которое также употребляется в вводной позиции (в составе модальных оборотов типа *ба гумон*; *гумон меравад* (*мерафт*), *ки...*; и т.д.) выражая модальность предположения:

16.-Ба гумон, аз дostonҳояш поре ба соҳиб ҳада фиристодааст. [С. Улуззода, Фирдавсӣ,36]. / **Наверное**, отрывок из своих поэм отправил хозяйну в качестве подарка.

Гумон может употребляться в качестве имени, а также в позиции предикативности, однако в таких случаях оно выступает в изъявительном плане:

17.Гумони Абдулқодири Мехрон дар бораи ҳамин гуна нияти ниҳонӣ си-паҳсолор бечо набуд. [С. Улуззода, Фирдавсӣ, 47]. / **Подозрения** Абдулқодири Мехрона насчёт таких тайных намерений главнокомандующего не были безосновательными. **18.Гумон** намекунам, ки вай чандон ақл дошта бошад, ки чунин суоле диҳад, - хандид Найсонӣ.[С.Улуззода,Фирдавсӣ,18]/Я не **думаю**, что он настолько умён, чтобы задавать вопросы подобного рода- рассмеялся

Найсони. **19.Гумон бурдед**, ки ҳич кас ҷинояти азими шуморо пайҳас намебарад.[С.Зардон, Даври ҳафт табақои замин,44]/Вы **полагали**, что никто о вашем огромном преступлении не догадается.

3.3.3. Модальные частицы /-мӣ/, оё, магар, мабодо, нахонд

В таджикском языке предположительность действия и состояния может быть выражена с помощью модальных частиц /-мӣ/ [16:233] и *оё* [176:20], представляющих собой обычную вопросительную форму высказывания.

Семантически они совпадают с аффиксом вопроса /-бы/ киргизского языка (ср.2.2.7.)

В таких случаях в таджикском языке (точно также как и в киргизском) предположительность высказывания подразумевается из соответствующей интонации говорящего и контекста речевой ситуации. Частица /-мӣ/ наиболее распространена в разг. речи:

1.Амаки Мирмӯсо қазо кардаанд мегӯйанд-мӣ?- Ин тавр нагӯ-е, аз даҳонат шамол барад-е, йак соат пеш ҳамроҳ чой хӯрда будем-ку! [173:13] /Дядя Мирмусо, **вроде как**, умер, **говорят**/букв. ...говорят, **что ли?**- Так не говори, тупун тебе на язык, мы же с ним час тому назад вместе чай пили!

2.Шарифҷон, ин вақтҳо, Мунираҳон камнамотар-мӣ?- А, якбора Мунираҳон-шинос шуда мондед, ягон гап ҳаст-мӣ? [173:71] /Шарифджон, в последнее время, Мунираҳон не видно, **кажется**... /букв.: ... мало показывается, **что ли?** – А, чего это вы вдруг стали интересоваться Мунираҳон, а ? **3. Ҳамин шабу-рӯз саҳл миёнаш хамида мондааст-мӣ?** Ҳа, ҳамон писараи мурду қаноташ шикаст[173:375] /За эти сутки он стал чуть сутулым, **что-ли**... Да, его тот сын умер и он вконец подгорюнился / букв.: ...и у него крылья отнялись.

В отличие от /-мӣ/ частица *оё* используется исключительно в художественных текстах:

4.Ҳамон шаби наҳсӣ аз сафар баргаштани занаш оё шарт буд, ки мушту лагад кор фармояд, куштанӣ шуда корд ба даст гирад?[А.Баҳорӣ, Субҳи дурӯгин,34]/Ур-токмокко алып, өлтүрмөккө бычак көтөрө булкунуу үчүн

сөзсүз эле ошо каргашалуу түнү аялы кызмат сапарынан кайтканы шарт беле?/**Разве** нужна была именно эта треклятая ночь, когда жена вернулась из командировки, чтобы отколошматить её и взяться за нож?

В таджикском языке имеются ещё частицы *магар* [175:736] и *мабодо* [175:733], которые используются в синонимичных частицам /-мӣ/ и *оё* значениях:

5. Вале *оё* чунин кас вуҷуд дошта бошад? **Магар** ман худ онро фикр карда набаровардам? **Мабодо** ҳама чизи оддиро ба мураккаб бадал намесозам? [Ч.Айтматов / тарҷ. И.Қосимзода, Қиёмат, 85] / Бирок ошол бешенеге жазылган жан бар **бекен**, болор **бекен**, же мен өзүм ойлоп таап алып, жәпжәнөкөй нерсени чиелештирип **жүрөмбү**? [Ч.Айтматов, Кыямат, 80] / Но существует ли она, такая предопределённая, не придумал ли я её и не усложняю ли простые вещи? [Ч.Айтматов, Плаха, 331]. 6.- Чӣ, **магар** метарсед? Мо шуморо гусел мекунем. – Не, худамон меравем! – ҷавоб дод Ҷакип. [Т.Сиддиқбеков/ тарҷ. Ч.Одинаев, Дар миёни кӯҳсор, 20] / Ой , коркпойсуңар**бы**? Жеткизип коёлу. – Бизди койгула. Жакып кебин бүтүрбөй токтоду. [Т.Сыдыкбеков, Тоо арасында, 333] / А не боитесь ли вы? Мы вас проводим. – Нет, мы сами пойдём! – ответил Джакип останавливаясь на полуслове .

Как видно из вышеприведенных примеров *магар* и *мабодо* наряду с /-мӣ/ и *оё* воспринимаются как частицы вопросительные, выражающие предположение. Однако они могут функционировать и как слова неизменяемой формы т.е. модальные слова предположения:

7. “Дар масҷид гати тозае шунидааст **магар**” – аз дил гузаронд Фотима. [С.Улуззода. Фирдавси, 8] / “Мечитте бир жаңылык уккан **болсо керек**”- деп өзүнчө ойлоп койду Фатима / “Какую -то новость , **видимо**, слышал в мечети”- подумала про себя Фатима. 8.- **Мабодо** тар кунад, **мегӯям**... гуфта намешавад. [А.Партав, Ҳикояҳо, 59] / Кокус сийип коёбу **дейм**... айтып болбойт/ Боюсь, что ...**как бы** (ребёнок) не описался... трудно сказать.

В таджикском языке имеется ещё одно слово неизменяемой формы *наход* [175:903] которое может выступать в аналогичном предположительном значении:

9.Наход *Тоҳирҷони ман ҳам мисли онҳо аз ақл бегона шуда бошад?* [А Баҳорӣ, *Субҳи дурӯғин*, 24] / **Кантип эле** менин *Тохирҷонум дагы ушулар кейштени акылдан айнып калган болсун?* / **Неужели** мой *Тохирдҷон* *тоже потерял рассудок как они?*

Как видно из вышеприведенного примера модальное слово *наход* соответствует кыргызскому модальному обороту *кантип эле*, а форме аориста глагола *будан* в значении *быть*, репрезентирующей здесь семантику повелительного наклонения соответствует аналогичный кыргызский глагол, представляющий собой форму 3-л. ед. числа повелительного наклонения с семой *быть*.

Следует заметить, что в обоих языках предположение модифицируется в виде сомнения через вопрос.

3.3.4. Модальные обороты и конструкции

3.3.4.1. Конструкции: /*дее/причастие + бошад* /; / *шояд + /дее/причастие + бошад* /

В таджикском имеется конструкция, которая полностью идентична описанной в 2.3.3.3. кыргызской конструкции т.е. спрягаемый аорист *бошад* (ср. *болсо, болуу, болуш*) глагола в значении *быть / находиться* непосредственно, точно также как и в кыргызском, сочетается с глаголом долженствования *даркор* (ср. *керек*) в значении *нужно/необходимо* выражая предположение:

1.Онҳо дар роҳ бошанд даркор / *Они, наверно, сейчас в пути* [215:556]
/ *Алар азыр жолдо болсо керек* (см. 2.3.3.3.)

Однако данная конструкция, характерная разг. речи сейчас практически неупотребительна (она в грамматиках современного таджикского языка не описана).

Аналогичную предположительную семантику имеет ещё другая конструкция, в которой модальный глагол *шояд* [89:146-165] выступает в сочетании с условно - сослагательным наклонением (*сизаи шартӣ – хоҳишмандӣ*) которое

реализуется посредством деепричастной (причастной) формы основного глагола со спрягаемым аористом *бошад* глагола в значении *быть/ находиться*).

Важно отметить, что в этой конструкции вместо *шояд* могут быть использованы другие вводные лексические средства предположения типа *мумкин, эҳтимол, гӯё* :

2. *Ва шояд ҳам аз ҷониби ман ин як навъ худнамое буд, вале хаёл мекардам, ки гӯё инро аз самоҳо ба зиммаи ман бор мекарда бошанд.* [Ч. Айтматов, *Қиёмат*, 73] / *Мен ошол үчүн жаралгам деш-өзүмдү өзгөчө көтөрө чалганым болор, бирок дал ошондой болсом деген ниетим менин ата-тегим, чыккан уюгум себептүүдүр.* [Ч. Айтматов, *Кыямат*, 70] / **Может**, несколько самонадеянно было с моей стороны полагать, что в этом моё предназначение, но во всяком случае, мне этого искренно хотелось, и, **пожалуй**, не в последней степени это объясняется моим происхождением. [Ч.Айтматов, *Плаха*, 324].

Анализ показывает, что сочетания модального глагола *шояд* с формами настоящего определённого (*замони ҳозираи муайян*), прошедшего (*замони гузашта*) и повествовательного (*замони ҳикоягӣ*) времени данного наклонения [149: 67-70], соответственно могут выражать предположение в настоящем, прошедшем и будущем времени:

3. *Ва сахт ба изтиробу ҳаяҷон афтадаанд. Шояд фишори хуни ҳамсараш баланд шуда бошад.* [А.Зоҳир, *Майдон*, 38] / *И сильно засуетились, запаниковали. Наверно, у его супруги поднялось кровяное давление.* **4.** *Шояд дар натиҷаи ҳамин мардум зуд ба гати дурӯғ бовар карда, овоза паҳн шуда бошад.* [Ч.Икромӣ, *Муомила бо одам*, 96] / **Наверно**, поэтому люди приняли ложь за истину и слух распространился. **5.** *Шояд то ин вақт ин номро талаффуз накарда бошад, ки душворӣ кашид.* [Сорбон, *Санам*, 31] / **Наверное**, это имя он до этого времени не произносил и поэтому затруднялся.

Как показывает анализ большого объема лексического материала, синонимичность [131:211] данной конструкции глагольному наклонению предположения */-гӣ/ +/-ст/* [104:187] (следовательно и вышеописанной конструкции

кыргызского языка) имеет частный контекстуальный характер; (при переводе подобных конструкций на русский язык больше востребованы такие вводные средства, как *Может...*, *Может быть...* нежели *Наверное...*, *Должно быть...*)

ТАБЛИЦА № 12. Конструкция: шояд+ дееприч.+ аорист			
Ф.вр.	Л.	Высказывание на таджикском языке	Смысл высказывания
Единственное число			
Буд.	1	<i>Шояд менавишта бошам</i>	<i>Наверное, напишу</i>
	2	<i>Шояд менавишта бошӣ</i>	<i>Наверное, напишешь</i>
	3	<i>Шояд менавишта бошад</i>	<i>Наверное, напишет</i>
Наст.	1	<i>Шояд навишта истода(гӣ) бошам</i>	<i>Наверное, пишу</i>
	2	<i>Шояд навишта истода(гӣ) бошӣ</i>	<i>Наверное, пишешь</i>
	3	<i>Шояд навишта истода(гӣ) бошад</i>	<i>Наверное, пишет</i>
Прош.	1	<i>Шояд навишта бошам</i>	<i>Наверное, (я) написал</i>
	2	<i>Шояд навишта бошӣ</i>	<i>Наверное, (ты) написал</i>
	3	<i>Шояд навишта бошад</i>	<i>Наверное, (он, она) написал(а)</i>
Множественное число			
Буд.	1	<i>Шояд менавишта бошем</i>	<i>Наверное, напишем</i>
	2	<i>Шояд менавишта бошед</i>	<i>Наверное, напишете</i>
	3	<i>Шояд менавишта бошанд</i>	<i>Наверное, напишут</i>
Наст.	1	<i>Шояд навишта истода(гӣ) бошем</i>	<i>Наверное, пишем</i>
	2	<i>Шояд навишта истода(гӣ) бошед</i>	<i>Наверное, пишете</i>
	3	<i>Шояд навишта истода(гӣ) бошанд</i>	<i>Наверное, пишут</i>
Прош.	1	<i>Шояд навишта бошем</i>	<i>Наверное, (мы) написали</i>
	2	<i>Шояд навишта бошед</i>	<i>Наверное, (вы) написали</i>
	3	<i>Шояд навишта бошанд</i>	<i>Наверное, (они) написали</i>

6.Шояд ин вопасин дидор бошад. [С.Зардон, Вахш, 63] / **Может быть, это - последняя встреча.** **7.Шояд сахв шуда, уро Сара тиндошта бошанд?** [Сорбон, Санам, 40] / **Может, обознались и приняли её за Сару?**

3.3.4.2. Модальные обороты *аҷаб не; аз афташ (аз афти кор)*

Эти вводные модальные обороты в таджикском языке имеют одинаковую семантику; они употребляются для выражения говорящим предположения относительно действия или состояния.

Они сочетаются с предложениями изъявительного плана, выражающими действие или описывающими состояние во всех временных пластах и очень широко представлены как в художественных текстах, так и в разговорной речи:

1. *Аҷаб не* вай бо кадом чӯпонбача хуфтухез дораду ту рафта халал расонданӣ ҳастӣ? [Ч.Айтматов, Қиёмат, 443] / *Балким*, ал сен эҷокто чабандардын бири менен үлпәт куруп эҷаткандыр, кой, эҷолтоо болбо! [Ч.Айтматов, Кыямат, 457] / *Может*, она с каким-нибудь чабаном крутит, когда тебя нет, а ты им помешаешь! [Ч.Айтматов, Плаха, 559]. 2. *Аз афташ* ронандан тайёра, феълан, ба хонуми дигар хонадор шуданӣ будаст. [Ч.Айтматов, Қиёмат, 296] / *Азыр учкучу башка бирөөгө үйлөнгөнү жүрсө керек* [Ч. Айтматов, Кыямат, 293] / *Сейчас, кажется*, лётчик собирался жениться на другой [Ч. Айтматов, Плаха, 467]. 3. *Аз афти кор*, ҷавон бошӣ ҳам, дар набудани мардҳо ба занҳо чақиданро одат кардаӣ. [Т.Сиддиқбеков, Дар миёни кӯҳсор, 96] / *Жалгыз отурган эҗеҗелериҗе тийишин жүрүп эҗаман үйрөнүп калган бала көрүнөсүң!* [Т.Сыдыкбеков, Тоо арасында, 389] / *По-видимому*, ты такой пацан, который привык приставать к эҗенщинам в отсутствии мужей.

Показательно, что в вышеприведенных примерах смыслу модального оборота таджикского языка *аҷаб не* соответствует сочетание модального слова *балким* (см.2.3.1.3.) и аффикса /-дыр/ (см.2.2.5.) кыргызского языка, тогда как *аз афташ* соответствует модальному обороту /са/+*керек* (см.2.3.3.3.) и *аз афти кор* глаголу уподобления *көрүн* (см.2.2.3.) кыргызского языка.

Вышеизложенное свидетельствует о широкой вариативности взаимного соответствия морфологических и лексико-грамматических средств сопоставляемых языков при выражении модальности предположения.

3.3.4.3. Конструкция: *чунин намудан / вонамуд + гардидан;
ба + субстантивированное прилагательное + задан*

В таджикском языке модальность предположения на фоне кажимости посредством глагола *намудан* может также выражаться когда он предваряется местоимённым наречием *чунин* (реже: *ҳамин тавр*, *ҳамин хел* и т.д.) в составе *вводного придаточного присоединительного предложения (ҷумлаи пайрави истисноӣ)*[16:248]:

1. Чунин менамуд, ки ин шаби дарози зимистон охир надорад, ҳама ҷойро торикии даҳшатангезе нӯшонда буд. [Т. Сиддиқбеков, Дар миёни кӯҳсор, 98] / *Кыштын узун түнү бүтпөчүдөй* созулуп, калдайган караңгылык төбөдө көмкөрүлүп... [Т. Сыдыкбеков, Тоо арасында, 391] / **Казалось**, эта долгая зимняя ночь бесконечна, жуткая темнота покрывала всё вокруг.

Имеется модальная конструкция, достаточно редко используемая, когда предваряемые местоимённым наречием *чунин* составные глаголы [16:174] *намудор гардидан (шудан)* и *вонамуд шудан (гардидан)*, образуют устойчивую парадигму модальности предположения с семантикой *казаться*:

2. Кадоме онҳоро бо хокаи махсусе таъмин месозад, ки онро ба торикиаб рӯи шпалҳо ё релс бирезанд, дар равшании чароғҳои қатора **чунин намудор мегардад**, ки роҳи оҳанро забонаҳои отаи фаро гирифтааст. Тахтаҳо, релсҳо **гӯё** месӯзанд. [Ч. Айтматов, Қиёмат, 73] / *Атайын бир порошок жасап берет экен буларга, түн ичинде рельса менен шпалдарга чачып салса, жарык келип түшкөндө жол өрттөнүп жаткандай көрүнөт имиш. Шпалдар күйүп жаткансыйт, рельсалар да күйүп жаткансыйт.* [Ч. Айтматов, Кыямат, 69] / *Кто-то снабжает их специальным составом, порошок такой, если посыпать ночью на шпалы, на рельсы, то в лучах фар возникает иллюзия, будто дорога занялась огнём. Шпалы горят, рельсы горят* [Ч. Айтматов, Плаха, 324]. **3. Бар ман доим чунин вонамуд мегардад**, ки аз ҳазорон гапе ки ба худат гуфтани ҳастам, яктояширо ҳам ҳанӯз нагуфтаам... [Ч. Айтматов, Қиёмат, 293] / *Сага айта турганымдын миңден бирин да айта элек сыяктана берем.* [Ч. Айтматов, Кыя-

мат, 290] / Мне постоянно **кажется**, что я не высказал и тысячной доли того, что хотелось бы высказать тебе... [Ч.Айтматов, Плаха, 464].

Как видно из примеров, спрягаемой частью конструкции является вспомогательный глагол *гардидан*, а смысловая часть (т.е. *вонамуд* и *намудор*) остаётся неизменной.

Глагольная форма *вонамуд* может выступать в сочетании с вспомогательными спрягаемыми глаголами *кардан* (делать) и *сохтан* (строить). В таком случае она выражает модальность поддельного действия: «делать вид», «притворяться» т.е. семантически идентична кыргызским аффиксам: /-сын/ (см. 2.2.2.) а также /мыш/-максан/ (см.2.3.3.6.):

4. *Ё шояд худро ҳамин тавр вонамуд мекард? [С.Зардон, Вахи, 13] / Же балким ушинтимиш болуп жүрчүдүр? / А может, он таким притворялся?*

Это модальное значение в таджикском языке может быть выражено также оборотом, который представляет собой лексикализованную форму сочетания субстантивированных прилагательных с глаголом *задан* посредством предлога *ба*:

5. *Худро ба нодонӣ на зан, Марина! [А.Баҳорӣ, Субҳи дуругин, 39] / Бил-мексен боло бербечи, Марина! / Не притворяйся, будто не знаешь, Марина / букв.: -Не притворяйся не знающей, Марина!*

Выводы к третьей главе :

1. В таджикском языке (также как и в кыргызском) модальность предположения актуализируется на фоне кажимости, условности, вопросительности, побудительности, отрицания, засвидетельствованности и миративности в результате логического умозаключения говорящего при сопутствующих интуитивно-чувственных сигналах.

2. Несмотря на разнотипность, в современных кыргызском и таджикском языках наличествуют соответствия не только аспектуального характера но и ряд совпадений в способах выражения модальности, в частности изъявитель-

ного склонения, на формально - парадигматическом уровне, что отражено в **таблице №13.**

3. Слова, выражающие модальность предположения, заимствованные из арабского языка - кыргызским: *мүмкүн, ыктымал (этимал)* и таджикским: *мумкин, эҳтимол* семантически схожи: *мүмкүн* также как и *мумкин* употребляется в вводной и предикативной позициях предложения, выступая во втором случае преимущественно в изъявительном плане.

Также имеются существенные различия в способах функционирования; если *ыктымал (этимал)* используется только в позициях послелого и предикативности, то *эҳтимол* может выступать и в качестве вводного слова.

Эҳтимол может функционировать как и имя существительное в значениях: *предположение, вероятность*, что не характерно для *ыктымал*.

4. Модальное слово *балким* более характерно для в кыргызского литературного языка и используется исключительно в качестве вводного слова.

ТАБЛИЦА №13 СООТВЕТСТВИЕ ФОРМ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА		
№п/п	Таджикский язык	Кыргызский язык
1	Настояще - будущее время /Замони ҳозира-оянда	а) Будущее определенное время /Айкын келер чак; б) Простое настоящее время /Жөнөкөй учур чак
2	а) Настоящее определённое время /Замони ҳозираи муайян; б) Конструкция: префикс <i>/-ме/</i> + простое прошедшее время	а) Настоящее сложное время /Татаал учур чак; б) Конструкция :основа настоящего времени + аффикс <i>/-ууда/</i>
3	Будущее составное время /Замони ояндаи таркибӣ(китобӣ)	Будущее определенное время /Айкын келер чак

4	Простое прошедшее время /Замони гузаштаи оддӣ	Недавнепрошедшее определенное время /Жакынкы айкын өткөн чак
5	Прошедшее длительное время /Замони гузаштаи хикоягӣ	Прошедшее длительное время /Адат өткөн чак; Конструкции: / <i>ам</i> /+ <i>эле</i> ; /аp/ + <i>эле</i> ; деепричастие наст.вр. + <i>турган</i> ;
6	Преждепрошедшее время /Замони гузаштаи дур	Конструкция: Общее прошедшее определённое время/Жалпы айкын өткөн чак + спрягаемый вспомогательный глагол <i>эле</i> (Общее давнопрошедшее время /Жалпы байыркы өткөн чак)
7	Преждепрошедший перфект /Замони гузаштаи дури наклӣ	Конструкция :Общее прошедшее определённое время/Жалпы айкын өткөн чак + спрягаемый вспомогательный глагол <i>экен</i> (Общее давнопрошедшее время /Жалпы байыркы өткөн чак)
8	Прошедшее определённое время /Замони гузаштаи муайян	Конструкции: а) деепричастие настоящего времени + <i>жаткан</i> + спрягаемый вспомогательный глагол <i>эле</i> ; б) деепричастие настоящего времени + <i>жаткан</i> + спрягаемый вспомогательный глагол <i>болчу</i>
9	Перфект определённый /Замони гузаштаи муайяни наклӣ	Конструкция: деепричастие наст. времени + <i>жаткан</i> + спрягаемый вспомогательный глагол <i>экен</i>
10	Основная форма перфекта /Замони гузаштаи наклӣ	1) Неожиданное прошедшее время /Капыскы өткөн чак; 2) Общее прошедшее определённое время /Жалпы айкын өткөн чак
11	Перфект длительный /Замони гузаштаи хикоягии наклӣ	1) Неожиданное прошедшее время /Капыскы өткөн чак; 2) Конструкция: буд.опред. время + спрягаемый вспомогательный глагол <i>экен</i> и <i>дейт/имиш</i>
12	Форма будущего времени <i>предположительного</i> наклонения: “деепричастие+/- <i>ст</i> /+глагольная связка	Будущее сомнительное время /Арсар келер чак; Конструкции: а) буд. опред. время+ [/ <i>-дыр</i> /, <i>-дай</i> /; <i>бейм, белем, го; чыгаар</i> ; все глаголы и послелого уподобления; <i>го+ дейм; болсо/-</i> <i>уу/-уш/ + керек</i>]; б) основа наст.вр+ [/ <i>-са/ + керек: /-чу/-гы+ /-</i> <i>дай/ (+ түрү + бар/жок)</i>]

ТАБЛИЦА №14 СООТВЕТСТВИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ		
№ п/п	Таджикский язык	Кыргызский язык
1	Предположительное наклонение (/ме-/) /-гист/; Конструкции: дее/причастие + бошад; / шояд + (дее/причастие) + бошад	Будущее сомнительное время (аффикс /-ар/-бас); аффикс /-дыр/; модальные частицы бейм, белем, го; модальное слово чыгаар; модальные обороты: /-бы/го+ дейм; /-ган /-дай/ + түрү + бар/жок; /-са/ + керек; /-уу/уш/ + керек
2	Префикс /ме-/ + простое прошедшее время/замони гузаштаи содда (Сослагательная предположительность)	Аффиксы: /-мак/; [-ган/, /-гы/, /-чу/]+/-дай/; конструкции: /-ат/+ эле/болчу; /ар/бас/ + эле/;
3	Послелог уподобления барин; глаголы уподобления намудан, вонамуд (намудор) гардидан, тофтан; модальные слова гӯё, гӯӣ и мазмун	Аффиксы кажимости /-дай/; /-сын/; /-чыла/; все глаголы и послелогии уподобления; Конструкции: /-дай/ + болду/сезилди/туюлду; /-сын/ + сезилди/туюлду;
4	Модальные слова мумкин, эҳтимол, шояд, балки, гумон; Конструкции: дее/причастие + бошад; / шояд + (дее/причастие) + бошад; модальные обороты ачаб не; аз афташ (афти кор)	Модальные слова ыктымал, мүмкүн, балким, чыгаар; аффиксы /-ар/-бас; /-дыр/; модальные частицы бейм, белем, го;
5	Модальные частицы /-ми/, оё	Аффикс вопроса /-бы; Конструкция: глагол (всех ф. вр.) + окшобойбу;
6	Модальные слова магар, мабодо	Аффиксы вопроса /-бы/, отрицания /-ба/, побуждения /-сын/; модальные слова беле, бекен; деепричастие на /-ын/ + жүрбө(сүн)
7	Модальный оборот: наход, ки... + аорист?	Модальный оборот: кантип + эле... глагол повел.накл.(/-сын/)?

Некогда заимствованное из таджикского языка слово *балки* в форме *балким* прочно утвердилось в лексике современного кыргызского языка в значении *может быть, возможно*, тогда как в самом таджикском языке в настоящее время теряется *предположительное значение* данной лексической единицы, о чём свидетельствует тот факт, что в новейших словарях таджикского языка она в таком значении не представлена.

5. Существительное слово *гумон* и модальное слово *шояд* таджикского языка при обозначении предположительности функционируют в одной семантической зоне. В этих случаях слово *гумон*, означающее *подозрение, сомнение* обычно выступает в составе вводных модальных оборотов предположения типа *ба гумон...*; *гумон мерафт (меравад), ки...* и т.д.

Модальное слово *шояд* является самым востребованным в таджикских художественных текстах средством выражения модальности предположения.

Оно употребляется только в качестве вводного слова и не выступает в предикативной позиции.

Обладая высокой валентностью, оно способно актуализировать модальность предположения в высказываниях практически любой конструкции и любой формы времени глагола;

Соответствующая семантика в кыргызском языке может оформляться посредством модальных слов: *ыктымал, мүмкүн, балким, чыгаар*; аффиксов */-ар/-бас/;/-дыр/*; частиц *бейм, белем, го*.

6. Функционирование модальных конструкций предположения таджикского языка с опорой на модальное слово *шояд*, реализуемого в аспекте условности, сослагательности и долженствования посредством семы *быть / находиться* предполагает некоторые семантические совпадения частного характера с соответствующими конструкциями кыргызского языка, хотя их характеризуют более глубинные различия, а именно:

-таджикская конструкция:

шояд+/дее/причастная форма глагола+ бошад

при выражении модальности предположения больше тяготеет к сомнению;

-кыргызские конструкции:

а) *основа настоящего времени глагола+ /-са/ +керек;*

б) *временные формы глагола+ /болсо, болуш, болуу/ +керек*

менее нейтральны и склонны выражать большую степень вероятности.

7. Префикс /*ме-*/ и аффикс /*-мак*/ в таджикском и кыргызском языках в части выражения *гипотетичности события* в пределах общей парадигмы выражения *сослагательности* функционируют схожим образом.

В части выражения *обусловленности события* таджикский префикс /*ме-*/ соответствует кыргызскому аффиксу *условности /-са/* в разл. ф. в.

В обоих языках *гипотетичность* может предшествовать *обусловленности* и наоборот, а также каждая из них может быть выражена в виде самостоятельной синтаксической единицы (предложения), однако в таких случаях могут возникать оттенки совершенно другой модальности и они в сопоставляемых языках, как правило, семантически и формально проявляются по-разному.

8. В обоих языках позиция *предикативности* в предложении является одним из основных условий выражения модальности предположения.

9. Глаголы *уподобления* кыргызского языка специфичны в том, что они способны функционировать как полноценные глаголы, оставаясь в функционально-семантическом поле модальности предположения и в этом они *лакунарны* по отношению к таджикскому языку.

10. Соответствия средств выражения предположения в кыргызском и таджикском языках, отражены в **таблице №14**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведения анализа и исследования характера и закономерностей актуализации модальности предположения на материале разноструктурных кыргызского и таджикского языков выявлены следующие факты:

1. Являются универсальными следующие принципы актуализации модальности предположения: в результате логического умозаключения говорящего при сопутствующих интуитивно - чувственных сигналах; на фоне кажимости, условности, побудительности, вопросительности, отрицания, засвидетельствованности и миративности не только в отдельности, но и при одновременных их взаимных сочетаниях в соответствующих конфигурациях, исходя из национально - ментальных особенностей языка; используя *уподобление* в качестве основного средства осмысления *кажимости* как языкового явления; предикативностью позиции в предложении лексических средств, выражающих уподобление.

2. Наблюдается изоморфизм между вспомогательными глаголами кыргызского и таджикского языков с семьей *быть/находиться*, а именно: форма *замони гузаштаи оддӣ (простого прошедшего времени)* вспомогательного глагола *будан* таджикского языка в значении *быть* изоморфна: а) форме прошедшего времени от вспомогательного глагола *э(p)* в значении *быть*, (т.е. *эле*); а также б) форме *адат өткөн чак (прошедшего длительного времени)* вспомогательного глагола *бол* (т.е. *болчу*) кыргызского языка в значении *быть*; форма основного перфекта глагола *будан* изоморфна причастной форме прошедшего времени кыргызского вспомогательного глагола *э(p)* в значении *быть* (т.е. *экен*).

3. Лексико – грамматический способ выражения модальности предположения в кыргызском языке преимущественно представлен дистрибутивно, а в таджикском языке он реализуется в основном через систему функционирования высоковалентных лексических средств (т.е. модальные слова).

4. Наблюдается наличие *предположительного наклонения* (*божомол ыңгай*) в кыргызском языке, а именно: также как и в таджикском, в котором выделено предположительное наклонение, в формах будущего и прошедшего времени глагола кыргызского языка предположительность может быть выражена на аффиксальном уровне, а в форме настоящего времени она выражается аналитически т.е. сочетанием основного и вспомогательного глаголов; при этом аффикс */-дыр/* является одним из главных признаков предположительного наклонения в кыргызском языке т.к. он не выражает других сопутствующих модальностей кроме предположения, тогда как другие аффиксы предположения, которых в кыргызском языке насчитывается более десятка, имеют характер смежности т.е. омонимичны или полисемичны; в кыргызском языке полноценно функционирует аффикс предположительности */-гыдай/*, являющийся (в виде фонетических вариантов) общим для близкородственных хакасского (*/-гадаз/*) и алтайского (*/-гадый/*) языков, в которых он выделен в качестве основного признака предположительного наклонения.

Наряду с выводами, связанными с основными целями настоящей диссертационной работы, также были получены данные эмпирического характера, которые могут быть подтверждены в ходе дальнейших, более фокусированных исследований:

аффикс */-мак/* следовало бы рассматривать прежде всего как признак *сослагательности* в общей парадигме *условно-сослагательного наклонения* (*шарттуу-жоромол ыңгай*) в кыргызском языке, так как: а) установлен факт того, что аффикс */-мак/* является основным грамматикализованным средством выражения предположения в общей парадигме сослагательности в кыргызском языке; б) общетюркским аффиксом */-мак/* кроме кыргызского в других родственных ему языках (в частности: хакасском, алтайском, узбекском, казахском, татарском) не выражается сослагательность.

Случай выражения аффиксом */-мак/* модальности намерения следовало бы рассматривать как «усечённый» вариант общетюркского аффикса */-макчы/*

в частности он именно в таком виде т.е.: */-moqchi/* является признаком *наклонения цели (намерения)* в узбекском языке [156:218] также как и аффикс */-макчы/* в кыргызском [116:342].

Случаи же выражения аффиксом */-мак/* значений долженствования целесообразно считать частными контекстуальными, т.к. анализ большого объёма лексических материалов показывает, что частотность подобных случаев в кыргызском языке несравнимо низка. Выражение модальности долженствования (*милдеттенүүчүлүк*) также как и необходимости (*кажеттүүлүк*) в кыргызском языке главным образом реализуется посредством таких модальных слов, как *керек*, *тийиши* (*должно*), *зарыл*, *кажет* (*необходимо*); следовательно они (т.е. модальности долженствования и необходимости) должны рассматриваться отдельно.

Поддельность действия в кыргызском языке выражается как морфологическими, так и лексико – грамматическими средствами, при этом в зависимости от контекста эти же средства могут выражать и модальность предположения на фоне кажимости.

Кроме того, факт грамматикализованности выражения поддельности, как особого вида модальности ирреалиса следовало бы рассматривать как признак глагольного *наклонения притворности* (*анткору ыңгай*).

Представляется перспективным изучение данного вопроса в плане сопоставления с *глаголами притворного действия* удмуртского [55:209], возможно и других финно-угорских языков.

Основываясь на результатах настоящего исследования можно утверждать, что система временных форм в кыргызском языке полностью ещё не изучена, особенно существующую в нём *дифференциацию форм прошедшего времени* следовало бы пересмотреть в контексте изучения вспомогательных глаголов *экен* и *эле* в сопоставлении с таджикским языком.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдраева, А.Т. Семантический анализ фразеологических единиц выражающих эмоции человека в английском и кыргызском языках /А.Т. Абдраева, Жаныш к.А.//Вестник Кыргызстана.-2017.-№2.-С.84-87.
2. Абдыкаимова, О.С. Семантическая иерархическая градация фразеологических единиц /О.С.Абдыкаимова, Ч.А.Асылбекова//Вестник КРСУ.-2020.-Т.20.-№2.-С.112-114.
3. Абыкеева, А. Культурное различие пословиц, выражающих вежливость китайского и кыргызского языков / А. Абыкеева // Ala-Too academic studies.-2016.-№4.-С.54-59.
4. Авезова, Б.С. Сопоставительный анализ фразеологии таджикского языка и хинди: на материале бинар имен и глагольных фразеологизмов: автореферат/Б.С.Авезова.-Душанбе,1995.-22с.
5. Адмони, В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка /В.Г.Адмони.-М.: Просвещение, 1986. - 157 с.
6. Азимова, М.Н. Сопоставительно-типологический анализ фразеологической системы таджикского и английского языков/М.Н.Азимова. – Душанбе, 2006.- 242 с.
7. Айтекова, Ф.Х. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике/Ф.Х.Айтекова// Вестник КРСУ.- 2014.-Т.14.-№9.-С.164-167.
8. Акишева, Н.С.Функционально-грамматическая типология английского сослагательного наклонения (The subjunctive mood) и кыргызских условного (шарттуу ыңгай), желательного (тилек ыңгай) и долженствовательного (максат ыңгай) наклонений / Н.С.Акишева// Вестник КРСУ.-2018.-Т.18.- №1.-С.26-29.
9. Акишева, Н.С. Сущность и природа грамматической категории. Грамматические категории различных частей речи /Н.С. Акишева// Вестник КРСУ.- 2018. -Том 18. -№ 1.-С.21-24.
10. Акматова, А.С. Служебные слова в художественных произведениях с эмоционально - экспрессивными оттенками /А.С.Акматова // Вестник Кыргызстана.-2017.- №1.-С.3-9.
11. Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие /сост.Л.Н.Чурилина.-М.: Флинта: Наука, 2007.-416с.
12. Алексеева, Ю.А. Морфологическая омонимия при образовании форм нереального наклонения в английском языке/Ю.А.Алексеева//Вестник Московского гос. обл. ун-та.-2009.-№1.-С.3-8.
13. Алламуродова, С.Д. Противопоставление форм прошедшего и не прошедшего времени в русском и таджикском языках /С.Д.Алламуродова //Worldscience : problems and innovations - С.238-240.
14. Алсынбаева, Р.Г. Логическая и лингвистическая сущность категории модальности / Р.Г.Алсынбаева // Вестник Башкир. ун-та. - 2013. - Т.18. - № 1.-С.181-184.

15. Арама , Б.Е. Психолингвистический аспект категории модальности. Автореферат дисс...канд.филол.наук/ Б.Е.Арама; науч.рук. А.М.Шахнарович. – М.: Институт языкознания РАН,1995.-25с.
16. Арзуманов, С. Забони тоҷикӣ: уч.посobie / С. Арзуманов, О.Джалолов; общ.ред.А.Л. Хромов.-Душанбе: Ирфон, 1969.-415с.
17. Атамова, С.М.Грамматическая категория наклонения глаголов знания таджикского и русского языков / С. М. Атамова // Учёные записки Худжанд. ун-та.-2016.-№3(48).-С.152-157.
18. Бабашева, Б. Адресно - вводные конструкции кыргызского и русского языков /Б. Бабашева // Известия вузов Кыргызстана .-2016.- № 2.-С.180-182.
19. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш.Балли. - М.: Эдиториал УРСС, 2001.-416с.
20. Батманов, И.А. Краткое введение в изучение киргизского языка /И.А. Батманов.- Фрунзе: Киргизгосиздат, 1947.-115с.
21. Бенвенист , Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист; под.ред. Ю. А. Степанова. - М.: Прогресс, 1974.-447с.
22. Берн, А.А. Модальность вежливости в финской речи. Дисс...канд. филол. наук / А. А. Берн; науч. рук. Н. Н. Колпакова.-М.: Институт языкознания РАН, 2014.-184с.
23. Богоявленская, Ю.В. Парцелированные конструкции как синтаксический экспликатор субъективно-модальных значений (на материале газетных текстов) / Ю. В. Богоявленская// Политическая лингвистика.- 2015.-№ 2(52).-С.130-135.
24. Бондаренко, В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке. Автореферат дисс...канд.филол. наук / В.Н.Бондаренко.- М.: Институт языкознания РАН, 1977.-20с.
25. Бондарко, А.В.Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность /А.В. Бондарко, Е.И.Беляева, Л.А.Бирюлин, Е.Е.Корди [и др]. – Л: Наука,1990.-262с.
26. Буралова, Р.А. Категория модальности и целеустановка / Р. А. Буралова // Известия Чечен. гос. пед. ин-т.-2009.-№1.-С.179-188.
27. Ван дер Аувера, Й. От опатива и конъюнктива к ирреалису/Й. Ван дер Аувера , Э.Схаллей // Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность; ред.кол: Ю. А. Ландер [и др] -М.: Гнозис, 2004.- Вып.3.- С.75-87.
28. Васильев, Л. М. Модальные слова в их отношении к структуре предложения / Л. М. Васильев // Синтаксис и интонация : уч. записки. выпуск № 2, сер. «Филологические науки». – 1973. – № 25. – с. 55–60.
29. Ваулина, С.С.Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования/С.С.Ваулина// Вестник Балтийского фед. ун-та.-2013.-Вып.8.-С.7-12.

30. Ваулина, С.С. Модальность как научный феномен : вместо предисловия/ С.С.Ваулина//Категория модальности в речевой коммуникации: сборник научных трудов; ред. И.Ю.Кукс.-Калининград, 2016.-С.6-9.
31. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследование по русской грамматике.- М.: Наука, 1975.- С. 53–87.
32. Гавриличева, Г.П. О проблеме соотношения понятий “ оценка ” и “ модальность ”/ Г.П.Гавриличева//Учёные записки ЗабГГПУ.-2010-№3(32).- С.50-55.
33. Гафарова, К.Т. Структурные особенности флористических фразеологических единиц (ФФЕ) в таджикском, немецком и русском языках/К.Т.Гафарова//Проблемы перевода и его лингвистические аспекты.Межд. науч.-пр.конф-ция.-Душанбе,2014.-С.154-160.
34. Горшунова, А.С. Категория модальности в языкознании /А.С. Горшунова// Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе: сб. мат-в конф-ции.-2018.-С.57-61.
35. Грамматика современного алтайского языка.Морфология /И.А. Невская (отв.ред.), Н.Д.Алмадакова, А.Н.Майзина [и др.]-Горно-Алтайск, 2017.- 576с.
36. Грамматика хакасского языка/ред.Н.А.Баскаков.-М.: Наука, 1975.- 418с.
37. Гремицкая, М.В.Модус предположения в эпистемической модальной категории /М.В.Гремицкая//Вестник Вятского гос. гум. ун-та.-2011.-№1-2.-С.72-75.
38. Грелл, М.О. О сущности модальности / М. О. Грелл //Языкознание в Чехословакии 1956-1974: сб. статей; под. ред. А.Г.Широковой. - М.:Прогресс,1978.-С.277-301.
39. Гюстав Гийом. Принципы теоретической лингвистики: сборник неизданных текстов / Гийом Гюстав ; общ. ред, послесл. и комм. Л.М.Скрелиной . - М. : изд. группа Прогресс Культура, 1992.-224с.
40. Джаббарова, М.Т. К вопросу о модальных значениях конструкций с инфинитивом в русском и таджикском языках / М.Т.Джаббарова // Вестник ин-та языка.-2013.-Т.4.-№4.-С.62-68.
41. Джамshedов, П. Функциональная и сравнительная грамматика (опыт анализа категории вида таджикского глагола) / П.Джамshedов // Известия АН Республики Таджикистан. Отд. обществ. наук.-2014.-№2.- С.56-64.
42. Джусаев Д. Грамматические средства выражения категории модальности в киргизском языке. Автореферат дисс... канд.филол.наук/ Д.Джусаев; науч.рук. А.Джапаров. - Фрунзе: КирГУ, 1984. -27с.
43. Джусаев Д. Категория модальности и средства её выражения в современном кыргызском языке. Автореферат дисс...докт.филол.наук / Д.Джусаев.- Бишкек: ИЯ АН КР, 2000. -40с.

44. Демьянков, В.З. Метаязык как конструкт культуры/В.З.Демьянков//Под знаком “Мета”: мат-лы конф-ции; под. ред. Ю.С.Степанова [и др.] - М.,2011.-С.54-63.
45. Доскеева, Б.Ж. Описание и классификация категории наклонения в тюркских языках / Б.Ж.Доскеева, Р.Н.Дарменкулова //Международный журнал прикл. и фунд. иссл.-2016.-№5-3.-С.524-526.
46. Захарова, О.В. Сопоставительная грамматика русского и киргизского языков. Морфология / О.В.Захарова.-Фрунзе: Мектеп, 1965.-159с.
47. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка /Г. А. Золотова; отв. ред. С.Г.Бархударов.- М.: Наука,1973.- 352 с.
48. Исламова, И.Ф. Формы глагола, выражающие предположительную модальность в татарском языке / И.Ф.Исламова// Вестник Башкир. ун-та.-2012.-Т.17.- №2.-С.957-958.
49. Кадыралиева, Д.Ж. Семантическая типология глаголов в английском и кыргызском языках / Д.Ж.Кадыралиева // Вестник КГУСТА.-2011.-Т.1.- №2. -С.237-240.
50. Казарина, В. И. К вопросу о проблематической модальности достоверности в русском языке (на материале романа И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева»)/ В.И.Казарина// Вестник Томского госун-та.-2015.-№6(38).- С.19-28.
51. Камбарова, Б.О. Средства выражения категории модальности в русском и кыргызском языках (на материале произведений Ч. Айтматова) / Б.О. Камбарова // Национальные лингвосферы - сопредельные зоны партнёрства (Ч.Айтматов): материалы конференции.-2018.-С.148-153.
52. Кант, И. Новое освещение первых принципов метафизического познания/Иммануил Кант.-М.,1964.-Т.1.-178с
53. Карагулова, М.К. Английские и кыргызские модальные слова, образованные из наречий и прилагательных /М.К.Карагулова // Вестник Кыргызстана.-2017.-№2. С.-47-51.
54. Карагулова, М.К. Модальные слова с семантикой субъективной оценки в английском и кыргызском языках / М.К.Карагулова // Вестник Кыргызстана. -2016. -№1. –С.80-83.
55. Каракулова, М.К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: уч.пособие / М.К.Каракулова, Б.И.Каракулов.-Ижевск: Изд. Дом “Удмуртский университет”, 2001.-227с.
56. Клименко, О.К. 2002.01.020.Зайнуллин, М.В. О сущности и границах языковой модальности: на материалах башк. и тюрк. языков / М.В.Зайнуллин.-Уфа: Башкир. ун-та., 2000.-292с. /О.К.Клименко// Социальные и гуманитарные науки.-2002.-№1.-С.92-99.
57. Кобызева, С.В. Субъективность как неотъемлемый компонент категории модальности / С.В.Кобызева//Интеллект. Инновации. Инвестиции. -2010.-№1.- С.98-103.

58. Колшанский, Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности /Г.В.Колшанский // Вопросы языкознания.-1961- № 1. - С. 94-98.
59. Костюченко, В.Ю. Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза /В.Ю.Костюченко//Журнал Белорус. гос.ун-та.-2018.-№3.-С.71-82.
60. Краснова, Т.И. Субъективность - модальность (материалы активной грамматики) /Т.И.Краснова.-СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002.-189 с.
61. Кузнецова, А.И. Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса?/ А.И.Кузнецова // Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность; ред.кол: Ю. А. Ландер [и др] -М.: Гнозис, 2004.- Вып.3.- С.88-106.
62. Куликовская, Л.К. Грамматика казахского языка в таблицах и схемах в сопоставлении с грамматикой русского языка (простое предложение)/ Л.К.Куликовская, Э.Н.Мусаева.- Алматы,2006.-76с.
63. Ляпон, М.В. К вопросу о языковой специфике модальности / М.В. Ляпон// Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка.-1971. -Т.30. -Вып.3. -С.230-239.
64. Мальчуков, А.Л. Наклонение во взаимодействии с другими категориями: опыт типологического обзора /А.Л.Мальчуков, В.С.Храковский // Вопросы языкознания.-2015.-№6.-С.9-32.
65. Мамадназаров, А. Таджикский конъюнктив в сопоставительно- типологическом освещении: монография /А. Мамадназаров.-Душанбе: Эрграф, 2015.-184с.
66. Мёдова, А.А. К проблеме бытования понятия «модальность» в современном гуманитарном и философском знании / А.А.Мёдова// Вестник Томского гос. ун-та . -2012.-№356.-С.53-57.
67. Межеричкая, М.И. К вопросу о соотношении эпистемической модальности и категории эвиденциальности /М.И.Межеричкая// Вестник СПбГУ.- 2009.- Вып.4.-С.105-107.
68. Милосердова, Е.В. Семантика и прагматика модальности / Е.В.Милосердова. - Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1991. - 194 с.
69. Москвичева С.А. Новые тенденции развития лингвистической мысли в Европе и России: учебное пособие/С.А.Москвичева. - М.: РУДН, 2008.-108с.
70. Назарзода, С. Лингвистическое изучение классических письменных памятников (на примере «Аджайиб ул-махлукат ва гарайиб ул-мавдждат» Ахмада Туси) / С. Назарзода. – Душанбе. – 2004. – 332с.
71. Негматова, Д.С.Морфологические границы модальных слов, структура и формы выражения модальности в английском и таджикском языках /Д.С.Негматова// Паёми донишкадаи забонҳо.-2012.-№3(12).-С.20-24.
72. Озонова, А.А. Модальные аналитические конструкции в алтайском языке / А.А.Озонова.- Новосибирск, 2006.-216с.

73. Озонова, А.А. Система косвенных наклонений в грамматических исследованиях по алтайскому языку/ А.А.Озонова//Языки и фольклор коренных народов Сибири.-№2(36).-С.33-44.
74. Оленчук, О.Г. Семантическое содержание и компонентный состав проблематичной модальности / О.Г.Оленчук//Вестник Челяб.госун-та.-2012.-№2(256).-С.77-80.
75. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. -1977. - №4.- С. 37–48.
76. Пешковский, А.М.Русский синтаксис в научном освещении /А.М.Пешковский.–8-е изд., доп. –М:Языки славянской культуры,2001.– 544с.
77. Пищальникова В.А. Проблемы современной психолингвистики (обзор) / В.А. Пищальникова // Социальные и гуманитарные науки.-2006.-№3.- С.80-118.
78. Рассадин, В.И. О системе наклонений глагола в монгольских и тюркских языках / В.И.Рассадин // Урало - алтайские исследования. - 2013. -№1 (8). -С. 127-138.
79. Расторгуева, В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка /В.С. Расторгуева//Таджикско-русский словарь; под.ред. М.В.Рахими и Л.В. Успенской.-М.,-1954.-С.531-570.
80. Расторгуева, В.С. Система таджикского глагола/ В.С.Расторгуева, А.А. Керимова; отв.ред.В.И.Абаев.-М.:Наука, 1964.-291с.
81. Рогожникова, Т.М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова /Т.М.Рогожникова.- Уфа, 2000.-241с.
82. Саидходжаева, М.Н. Особенности передачи фразеологических предложений с таджикского на русский язык / М.Н. Саидходжаева // Вестник Тадж. гос. ун-та права, бизнеса и политики.-2016.-№2(67).-С.57-63.
83. Саидходжаева, М.Н. Сравнительный анализ фразеологических единиц таджикского и русского языков (на материале русского перевода романа Рахима Джалила “Шураб”).Дисс...канд.филол.наук/ М.Н.Саидходжаева; науч.рук. А.Абдукадыров.-Душанбе: Инст-т яз. и лит-ры АН РТ им. Рудаки,2019.-160с.
84. Сафина, А.Р. Теоретические аспекты изучения эпистемической модальности и эвиденциальности /А.Р.Сафина// Филологические науки. Вопросы теории и практики.- 2016.- № 9(6).-С.142-145.
85. Селезнёва, Т.А. К проблеме логико-философских истоков языковой модальности /Т.А. Селезнёва//Вестник МГИМО Ун-та.-2013.-№2(29).- С.225-227.
86. Селезнёва, Т.А. Понятие субъективной и объективной модальности в языке / Т.А. Селезнёва // Вестник МГИМО Ун-та.-2013.-№3(30). - С.233-234.
87. Семёнова, Т.И. Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка). Автореферат дисс...канд.филол.наук

- /Т.И.Семёнова; науч.рук. Л.М.Ковалёва.- Иркутский гос. лингв. ун-т, 2007.-21с.
88. Солганик, Г.Я. Очерки модального синтаксиса: монография / Г.Я. Солганик. – М.:Флинта: Наука, 2010. – 136с.
 89. Солихов, Ф.Ш. Функционально-семантическое поле модальности предположения и способы его выражения в разносистемных языках (на материале английского, русского и таджикского языков). Дисс...канд. филол. наук /Ф.Ш.Солихов; науч.рук. Х.Д.Шамбезода.-Душанбе: РТСУ, 2015.-197с.
 90. Стрельцов, А.А. Три подхода к категории вопросительности /А.А. Стрельцов //Вестник ПНИПУ.Проблемы языкознания и педагогики.-2017.-№3.-С.43-58.
 91. Типология конструкций с предикатными актантами /отв.ред. В.С. Храковский. Л.: Наука,1985.-230с.
 92. Томилова, Т.П. Статус и модальная квалификация слова *ли* в сложно-подчинённых изъяснительных предложениях/Т.П.Томилова// Мир науки, культуры, образования.-2019.-№2(75).-С.450-451.
 93. Тумашева, Д.Г. Татарский глагол (Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий): учебное пособие /Д.Г. Тумашева; науч.ред. Э.А.Грунина. - Казань,1986 .-190с.
 94. Тыбыкова, А.Т. О категории модальности в алтайском языке /А.Т. Тыбыкова// Филология и человек.-2009.-№1. С. 47-60.
 95. Урманчиева, А.Ю. Седьмое доказательство реальности ирреалиса /А. Ю. Урманчиева//Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность; ред.кол: Ю. А. Ландер [и др] -М.: Гнозис, 2004.- Вып.3.- С.28-74.
 96. Холикова, З.К. Сочетаемость глаголов со значением “эмоциональное отношение” в русском и таджикском языках / З.К.Холикова // Вестник Тадж. гос. ун-та права, бизнеса и политики.-2018.-№3(76).-С.110-118.
 97. Чепурная, А.И. Языковое маркирование эпистемической ответственности автора публицистического текста. Дисс...канд. филол. наук /А.И. Чепурная; науч.рук.С.И.Красса.- Ростов на Дону: Южн. фед. ун-т, 2015.-177с.
 98. Чибук, А.В. Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках (сопоставительный аспект). Дисс...канд. филол. наук /А.В.Чибук. –Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004-226с.
 99. Шарипова, З.М. Сопоставление некоторых глагольных фразеологизмов таджикского, арабского и русского языка/З.М.Шарипова//Вестник Таджикского национального университета.-2004.-№2/21.-С.155-158.
 100. Шмелёва, Т.В.Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т.В. Шмелёва // Актуальные проблемы русского синтаксиса: сб. ст.-М.,1984.-С.78-100.
 101. Юлдашев, А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев.-М.: Наука, 1965.-274с.

102. Юнусалиев, Б.М. Киргизский язык / Б.М.Юнусалиев //Языки народов СССР. В пяти томах. Тюркские языки; отв.ред.Н.А.Баскаков.-М.: Наука, 1966.-Том второй.- С.482-506.
103. Юрченко, В.С. Философия языка и философия языкознания: лингвофилософские очерки / В. С. Юрченко; отв. ред. О.Кадькалова.- М.: ЛКИ, 2008.-368с.
104. Языки юго-западной группы. Персидский, таджикский и дари / В. А. Ефимов, В. С. Расторгуева, Е. Н. Шарова // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки; отв.ред. В.С.Расторгуева. -М.: Наука, 1982.- Часть I. – С.5-201.

На кыргызском языке:

105. Абакирова, А.Б. Кыргыз тилиндеги сын атоочтор менен тактоочтордун окшоштуктары жана өзгөчөлүктөрү/А.Б.Абакирова//Вестник Кыргызстана.-2016.-№2.-С.8-12.
106. Абдраева, А.Т. Англис жана кыргыз тилдериндеги коркуу сезимдерин билгизген фразеологиялык бирдиктерди салыштырмалуу талдоо /А.Т.Абдраева//Вестник Кыргызстана.-2017.-№2.-С.79-84.
107. Абдыкадыров, Э. Кыргыз жана алтай тилдериндеги /-ла/ курандысы жана анын берген маанилерине жараша бөлүнүшү / Э.Абдыкадыров // Ala-Too academic studies.-2016.-№1.-С.23-34.
108. Бабашева, Б. Кыргыз жана орус тилдериндеги даректик-модалдык киринди конструкциялар / Б. Бабашева // Известия вузов Кыргызстана.-2016.-№2.-С.180-182.
109. Давлетов, С.А. Кыргыз тилинин урунттуу маселелери /С.А.Давлетов; ж.ред.Т.С.Маразыков.-Каракол,2010.-462 б.
110. Дербишева, З. К. Кыргыз тилинин функционалдык грамматикасы / З. К. Дербишева, Б. Сагынбаева.- Б.: Нео Принт -2017.-128б.
111. Жетигенов, А. Кыргыз тилинин учурку абалы жана келечеги /А.Жетигенов.-Бишкек,2005.-188 б.
112. Жумагул к. А. Кыргыз макалдарынын тилдик аспектиде изилдениши/ А. Жумагул к.//Вестник Кыргызстана.-2016.-№1.-С.59-63.
113. Жумагулова, Ж. Англис жана кыргыз тилдериндеги модалдуулук категориясын которуу өзгөчөлүктөрү /Ж. Жумагулова// Известия вузов Кыргызстана.-2017.-№9.С.203-205.
114. Керимкулова, Б. Кыргыз жана кытай тилдериндеги соматизмдер катышкан фразеологизмдерди салыштырып изилдөө / Б.Керимкулова // Ala-Too academic studies.-2016.-№1.-С.179-184.
115. Кудайбергенов, С. Кыргыз тилиндеги ыңгай категориясы / С.Кудайбергенов // Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР.-Фрунзе, 1957. - Вып.9. -С. 101-134.
116. Кыргыз тилинин жазма грамматикасы.Азыркы кыргыз адабий тили /редкол. А.А.Акматалиев, С.О.Байгазиев, А.Ж.Жайнакова ж.б. – Б.: Аврасия Пресс, 2015. – 704 б.

117. Маразыков, Т.С. Экстралингвистикалык факторлордун тексттеги интеграциясы/ Т.С. Маразыков.- Бишкек: Бийиктик, 2005.-1-китеп.-144 б.
118. Мусаев, С.Ж. Тексттин коммуникативдик структурасы. Филол. илим. докт...дисс. / С.Ж.Мусаев.- Бишкек, 2000.-338 б.
119. Сапарбаев, А. Кыргыз тилинин лексикологиясы жана фразеологиясы: ЖОЖ филология ф-нин студенттери үчүн окуу китеби/А.Сапарбаев-Бишкек,1997.-328 б.
120. Усмамбетов, Б.Ж. Байыркы түрк тилиндеги этиштен жасалган сөздөрдүн лексика-семантикалык өзгөчөлүктөрү./Б.Ж.Усмамбетов//Вестник КГУСТА-2015.-№2.- С.251-254.
121. Элчиев, Ж. Азыркы кыргыз тили. Семантика / Ж.Элчиев; ред.кол: А.А.Акматалиев, С.О.Байгазиев, А.Ж.Жайнакова [ж.б].-Бишкек,2015.-304 б.
122. Эсенбаева, К.М. Англис тилиндеги кубаныч, бакыт жана рахаттануу сезимдерин билдирген фразеологиялык бирдиктердин кыргыз жана орус тилдеринде берилиши/К.М.Эсенбаева// Вестник Кыргызстана.-2018.-№1.-С.137-142.
123. Эшкараева, А.М. Англис жана кыргыз тилдериндеги макал-лакаптарды салыштырма изилдөөсү/А.М.Эшкараева//Вестник Кыргызстана.-2017.-№2.-С.198-201.
124. Юнусалиев, Б.М. Кыргыз тилинин диалектологиясы: жогорку окуу жайларынын кыргыз филологиясы факультеттеринин студенттери үчүн /Б.М.Юнусалиев; ред.К.К.Юдахин.-Фрунзе: Мектеп, 1971.-287с.

На таджикском языке :

125. Абдурахмонов, У. Тахлили муқоисавии ибораҳои сифати феълии замони гузашта (типи рафта) дар забони тоҷикӣ ва форсӣ/У.Абдурахмонов //Ахбороти АФҚТ (шӯъбаи фанҳои ҷамъиятӣ).-1979.-№4.-С.77-81.
126. Абдуллоев, Т.З. Гурӯҳи луғавию маъноӣ вожаҳои исмии сермаъно дар забонҳои тоҷикӣ ва фаронсагӣ/Т.З.Абдуллоев//Проблемаҳои филологияи муосир ва методикаи таълими забонҳои хориҷӣ дар мактаби олий:маводҳои конф.илмӣ-амалии байналмил.-2015.-Ҷ.1.-С.48-50.
127. Абдуллоҳочаева, К.С. Мавқеи муайянкунанда дар ҷумлаҳои англисӣ ва тоҷикӣ/К.С.Абдуллоҳочаева//Мактаби советӣ.-1976.-№1.-С.21-23.
128. Абдурахмонов, У. Тахлили муқоисавии ибораҳои сифати феълии замони гузашта (типи рафта) дар забони тоҷикӣ ва форсӣ/У.Абдурахмонов //Ахбороти АФҚТ (шӯъбаи фанҳои ҷамъиятӣ).-1979.-№4.-С.77-81.
129. Бобочонова, Н.А. Калимаҳои тоҷикӣ дар забони ҳиндӣ /Н.А. Бобочонова//Адаб.-1994.-№5-6.-С.13-14.
130. Ваҳҳобов, Т. Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-30 садаи ХХ. Мубоҳиса дар атрофи баъзе масъалаҳои забон дар солҳои 30-юми садаи ХХ / Т. Ваҳҳобов. –Хучанд: Ношир, 2010.-Китоби II.–133 с.
131. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик / муҳ.Ш.Рустамов, Р.Ғаффаров.-Душанбе,1985.- Ҷилди 1.-356с.

132. Гаффоров, Р. Ибораҳо. Синтаксис/ Р.Гаффоров. -Душанбе: Дониш, 1970. – 61 с.
133. Ёрахмадова, Н.Ё. Воситаҳои ифодаи муносибатҳои грамматикӣ-структурӣ ва ифодаи предикати мантикӣ-грамматикӣ / Н. Ё. Ёрахмадова // Паёми донишкадаи забонҳо.-2012.-№3(7).-С.16-19.
134. Иқболов, О. Шаклгирии баъзе зарбулмасалу мақолҳо дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ/ О.Иқболов// Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон.-2012.-№4/6(97).-С.40-44.
135. Иматшоева, М.Ш. Баъзе хусусиятҳои грамматикӣи қабати лексикӣи ранг дар забони шугʼнонӣ, тоҷикӣ ва англисӣ/М.Ш.Иматшоева//Ахбори АФҚТ(шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ).-2009.-№3.-С.102-105.
136. Исматуллоев, М.Ф. Оид ба ҳоли шарт / М.Ф.Исматуллоев // Мактаби советӣ.-1966.-№12.-С.34-41.
137. Мамадназаров, А. Аз таърихи таҳқиқоти муқоисавӣ-типологии забонҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон/А.Мамадназаров//Проблемаҳои филологияи муосир ва методикаи таълими забонҳои хориҷӣ дар мактаби олий:маводҳои конф.илмӣ-амалии байналмил.-2015.-Ҷ.1.-С.37-48.
138. Мачидов Ҳ. Фасоҳати суҳан ва санъати интиҳоби маъноӣ дақиқ /Ҳ. Мачидов // Садои Шарқ.-2012.-№10.-С.104-115.
139. Мирзоев, А. Масъалаҳои ибора дар забони адабии тоҷикӣ / А. Мирзоев. – Душанбе: Деваштич, 2002. – 308 с.
140. Муҳаммадиев, М. Синоним ва таҳлили силсилаҳои синоними он / М. Муҳаммадиев // Масъалаҳои забон ва адабиёт. Қисми 2. –Душанбе, 1975. – С.231-239.
141. Назарзода, С. Забони тоҷикӣ ва равиши ҷаҳонгароӣ / С. Назарзода // Забон–рукни тоат. –Душанбе, 2013. –С. 17-29.
142. Назарзода, С. Ташаккули истилоҳоти иҷтимоӣ-сиёсии забони тоҷикӣ дар садаи XX / С. Назарзода. –Душанбе: Дониш, 2004. –302 с.
143. Негматова, Д.С. Хусусиятҳои сохторӣ ва моҳияти вожаҳои модалӣ дар забони муосири тоҷикӣ/Д.С. Негматова //Вестник Тадж. гос.ун-та права, бизнеса и политики.-2020.-№1(82).-С.106-116.
144. Ниёзмухаммадов, Б. Очеркҳо оид ба баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷик / Б. Ниёзмухаммадов. - Сталинобод, 1960. – 118 с.
145. Офаридоев, Н. Асрори олами номҳо/Н.Офаридоев//Садои Шарқ.-1985.-№1.-С.127-129.
146. Рустамов, Ш. Ба ибора табдил додани ҷумлаи пайрави сабаб /Ш. Рустамов // Мактаби советӣ. – 1963. - №9. – С.10-16.
147. Сабзаев, С.М. Забон ва сабки баёни Мавлоно Ҷалолуддини Балхӣ/ С.М. Сабзаев. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 520 с.
148. Саймиддинов, Д. Пажӯишҳои забоншиносӣ/Д.Саймиддинов. –Душанбе, Шарқи озод, 2013.– 207 с.
149. Ҳалимиён, С. Фейл (куниш): дастури таълимӣ / С.Ҳалимиён .-Душанбе, 2013.-126с.

150. Эмомалӣ Раҳмон. Забони миллат – ҳастии миллат. Ба сӯи пояндагӣ / Раҳмон Эмомалӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2016. – Китоби 1. - 516 с.
151. Эмомалӣ Раҳмон. Забони миллат – ҳастии миллат. Забон ва замон / Раҳмон Эмомалӣ. – Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. - Китоби 2. - 432 с.

На английском языке и латинице :

152. Bybee, J.L. The evolution of Grammar:Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World / J.L.Bybee, R.Perkins,W.Pagliuca.- Chicago III: The University of Chicago press, 1994.-415p.
153. Lyons J. Semantics /John Lyons. - London : Cambridge University Press, 1977. -V2. -897p.
154. Palmer, F. R. Mood and modality /F.R.Palmer.- Cambridge: Cambridge University Press, 2001.-236p.
155. Papafragou, A. Epistemic Modality and Truth Conditions /A.Papafragou// Lingua/-2006.-Vol.116(10).-P.1688-1702.
156. Sapayev, Q. Hozirgi o'zbek tili/Q.Sapayev;mas.muh.H.A.Jamolhonov-Toshkent,2009.-323sah.

Словари и справочники :

157. Биялиев, К.А. Справочник по грамматике кыргызского языка /К.А.Биялиев; реценз.:Т.Садыков,Б.Усубалиев.-Бишкек: КРСУ, 2013.-128с.
158. Бобомуродов, Ш. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ / Ш.Бобомуродов, З.Мухторов; муҳаррир С.Сабзаев.-Душанбе,2016.-408с.
159. Большая Советская Энциклопедия /гл.ред.А.М.Прохоров.-М.; Советская энциклопедия, 1972.-Т.8.-591с.
160. Большой толковый словарь русского языка /сост. и ред. С.А. Кузнецов.-СПб: Норинт, 2000.-1536с.
161. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / ред.кол. Н.Д.Арутюнова, В.А.Виноградов, В.Г.Гак [и др.]; гл.ред. В.Н.Ярцева.- М.: НИ Большая российская энциклопедия,1998.-688с.
162. Выгодский, М.Я. Справочник по высшей математике / М.Я.Выгодский.-М.: Астрель АСТ , 2006.-989с.
163. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В.Жеребило.- Назрань: ООО Пилигрим, 2005. – 376 с.
164. Киргизско-русский словарь / сост. К.К Юдахин. – Фрунзе, 1985.- 1-я книга.-504с.
165. Киргизско-русский словарь / сост. К.К Юдахин. – Фрунзе, 1985.-2-я книга.-480с.
166. Кыргыз тилинин лингвистикалык маалымдамасы/ж.ред.С.Ж.Мусаев.- Бишкек 2015.-256 б.
167. Насриддин, А. Фарҳанги мушкилоти адабиёт (номаи мухтасар) /А.Насриддин.-Хучанд: Ношир, 2016.-132с.
168. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка /С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова.-М.: А ТЕМП, 2006.-2296с (эл.формат pdf)

169. Русско-киргизский словарь / под.ред. К.К.Юдахина.-Бишкек: Шам, 2000.-992с.
170. Таджикско-русский словарь/под.ред. М.В.Рахими и Л.В.Успенской.- М.:Гос.изд-во иностр. и нац. словарей ,1954.-789с.
171. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асрҳои XX): иборат аз ду ҷилд/дар зерӣ таҳрири М.Ш.Шукуров, В.А.Капранов, Р.Ҳошим, Н.А.Маъсумӣ.-М.: Советская энциклопедия, 1969.-Ҷилди I(А-О).-951с.
172. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асрҳои XX): иборат аз ду ҷилд/дар зерӣ таҳрири М.Ш.Шукуров, В.А.Капранов, Р.Ҳошим, Н.А.Маъсумӣ.-М.: Советская энциклопедия, 1969.-Ҷилди II(П-Ҷ).-949с.
173. Фарҳанги ибораҳои халқӣ / гирдоваранда ва тартибдиҳанда Р.Абдуллозода; муҳаррир Ғ. Ҷӯраев. -Душанбе:Адиб,1988.- 400с.
174. Фарҳанги имлои забони тоҷикӣ /муҳаррири масъул Д.Саймиддинов; ҳайати таҳр.Д.Саймиддинов(раис), Б.Ғуломова(котиб), М.Абдурахмонова [ва диг.].-Душанбе, 2013.-320с.
175. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (иборат аз ду ҷилд) / ҳайати таҳририя: С.Назарзода(раис), А.Сангинов, С.Каримов [ва диг.].- Душанбе, 2008.-Ҷилди 1(А-Н).-950с.
176. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (иборат аз ду ҷилд) / ҳайати таҳририя: С.Назарзода(раис), А.Сангинов, С.Каримов [ва диг.].- Душанбе, 2008.-Ҷилди 2(О-Я).-945 с.
177. Философский энциклопедический словарь / редкол.: Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М. Ковалёв [и др.].- М.,1983.- 840 с.
178. Шелякин, М.А. Справочник по русской грамматике/ М.А.Шелякин.-М.: Дрофа, 2006- 355с.
179. Яворский, Б.М. Справочник по физике /Б.М.Яворский, А.А.Детлаф.-М.: Наука, 1978.-943с.

ИСТОЧНИКИ:

На кыргызском языке:

- 1) *Айткулу Убукеев. Тандалган чыгармалар / А.Убукеев. - Фрунзе: Кыргызстан. -1975.-496 б.*
- 2) *Акжолтой Текинаев. Аппак кар. Аңгемелер жана повесттер /А.Текинаев. - Фрунзе: Кыргызстан,1977. -168 б.*
- 3) *Акжолтой Текинаев. Чабандын уулу. Аңгемелер, повесть / А.Текинаев.- Фрунзе: Мектеп,1974. -144 б.*
- 4) *Ахматованын ырлары. Котормого баши сөз // [http: www.kmborboru.su](http://www.kmborboru.su) Ада -бият. Дүйнөлүк поэзия.27.10.2014.*
- 5) *Бүбүкан Досалиева. Санаага салган насыя, жолдо калган студенттер. Радиоинтервью / Б.Досалиева, Э.Кененбаева // [http:www.azattyk.kg/](http://www.azattyk.kg/) Эл үнү:29.03.2020. 12.30.*

- 6) *Жыпар Исабаева. Жыландын сүйүүсү. Повесть жана аңгемелер / Ж. Исабаева // <http://www.literatura.kg>. Көркөм кара сөз.*
- 7) *Зуура Сооронбаева. Чоочун киши. Роман / З.Сооронбаева. -Бишкек: Бийиктик, 2011. -1-китеп. -448 б.*
- 8) *Зайырбек Ажыматов атындагы сыйлык талашка түштү / ruhesh.kg. Коом. Адабият. 08.05.2020.*
- 9) *Казакбай Абдышев. Мансап. Публицистикалык роман / К.Абдышев.- Бишкек: Университет, 2012. -422 б.*
- 10) *Казат Акматов. Мезгил. Роман / К.Акматов. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. -224 б.*
- 11) *Касымалы Баялинов. Боордоштор. Роман-трилогия / К. Баялинов.- Фрунзе: Кыргызстан, 1972.- 3- китеп.-264 б.*
- 12) *Кеңеш Жусупов. Ыр сабындагы өмүр / К.Жусупов. -Бишкек: Кут Бер, 2011. -127 б.*
- 13) *Мар Байжиев. Ууру катын. Аңгеме / М.Байжиев // <http://www.literatura.kg>. Көркөм кара сөз.*
- 14) *Мукай Элебаев. Жарыяланбаган чыгармалар / М.Элебаев. - Фрунзе : Адабият,1990.-319 б.*
- 15) *Мукай Элебаев. Кыйын кезең. Повесттер, аңгемелер /М. Элебаев.-Фрунзе: Кыргызстан,1980.-280 б.*
- 16) *Мукай Элебаев. Тандалган чыгармалардын бир томдук жыйнагы /М.Элебаев. -Фрунзе: Кыргызстан,1974. -445 б.*
- 17) *Мурза Гапаров. Кара-көлдүн каздары. Аңгемелер /М. Гапаров. Фрунзе: Мектеп,1972. -116 б.*
- 18) *Мусақун Сатыбалдиев. Жанотсуз көздөр. Повесть /М.Сатыбалдиев // <http://kmborboru.su> Адабият . Жазуучулар.*
- 19) *Олжобай Шакир.Фейсбуктагы сукнат. Аңгеме / О.Шакир / <http://kmborboru.su>. Адабият. Жазуучулар.*
- 20) *Сагындык Өмүрбаев. Телегей. Роман /С. Өмүрбаев.- Фрунзе: Кыргызстан, 1980. -347 б.*
- 21) *Самансур Бөлөкбаев. Жусуп менен. Повесттер /С. Бөлөкбаев.- Фрунзе: Мектеп, 1969. -167 б.*
- 22) *Төлөгөн Касымбеков. Келкел. Тарыхый роман / Т.Касымбеков // Эки томдук тандалган чыгармалар. -Фрунзе: Мектеп, 1990. -Т.2. -672 б.*
- 23) *Төлөгөн Касымбеков. Повесттер, аңгемелер / Т. Касымбеков // 8 томдон турган чыгармалар жыйнагы.- Бишкек: Бийиктик,2008.–Т.1. -418 б.*
- 24) *Төлөгөн Касымбеков. Сынган кылыч. Тарыхый роман. / Т.Касымбеков //*

- 8 томдон турган чыгармалар жыйнагы. -Бишкек: Бийиктик, 2008. -Т. II. - 416 б.
- 25) Төрөкан Мускен. Назима. Повесть / Т.Мускен // <http://www.Literatura.kg>. Көркөм кара сөз.
- 26) Түгөлбай Сыдыкбеков. Тоо арасында. Роман /Т.Сыдыкбеков. -Фрунзе: Кыргызстан, 1974. -752 б.
- 27) Чыңгыз Айтматов. Биринчи мугалим. Повесть / Ч.Айтматов // Чыгармаларынын сегиз томдук жыйнагы. Үчүнчү басылышы. -Бишкек: Улуу Тоолор, 2014.-Т.1.-384 б.
- 28) Чыңгыз Айтматов. Гүлсарат. Повесть / Ч.Айтматов // Чыгармаларынын сегиз томдук жыйнагы. Үчүнчү басылышы. -Бишкек : Улуу Тоолор, 2014. -Т.3. -384 б.
- 29) Чыңгыз Айтматов. Жамийла. Повесть / Ч.Айтматов // Чыгармаларынын сегиз томдук жыйнагы. Үчүнчү басылышы. -Бишкек : Улуу Тоолор, 2014. -Т.1. -384 б.
- 30) Чыңгыз Айтматов. Кыямат. Роман / Ч.Айтматов // Чыгармаларынын сегиз томдук жыйнагы. Үчүнчү басылышы. -Бишкек: Улуу Тоолор, 2014. -Т.6. -492 б.
- 31) Чыңгыз Айтматов. Эрте жаздагы турналар. Повесть / Ч. Айтматов // Чыгармаларынын сегиз томдук жыйнагы. Үчүнчү басылышы. –Бишкек: Улуу Тоолор, 2014. -Т.3. -384 б.
- 32) Шабданбай Абдыраманов. Дыйкандар. Роман/Ш.Абдыраманов.-Фрунзе: Кыргызстан, 1977.-280 б.
- 33) Шайдуллаева Т. Акылкасас. Аңгемелер жыйнагы / Т.Шайдуллаева // <http://www.literatura.kg>. Көркөм кара сөз.
- 34) Шүкүрбек Бейшеналиев. Аманат. Повесттер / Ш. Бейшеналиев. – Фрунзе: Мектеп, 1976. -302 б.
- 35) Шүкүрбек Бейшеналиев. Урпактар үнү. Роман-публицистика /Ш. Бейшеналиев. - Фрунзе: Кыргызстан,1969. -325 б.
- 36) Эрнис Асек уулунун ырларынан//<http://kmborboru.su> Адабият.10.09.2020.
- На таджикском языке:
- 37) Абдузаффори Партав. Ҳикояҳо. Идомаи хоб дар бедорӣ /А. Партав // Садои Шарқ. -2009. -№1. -58-63с.
- 38) Абдумалик Баҳорӣ. Баҳси нотамои. Қиссаи фантастикӣ /А.Баҳорӣ //Садои Шарқ. -2008. -№7. -3-42с.
- 39) Абдумалик Баҳорӣ. Субҳи дуругин. Қисса /А. Баҳорӣ // Садои Шарқ.-2010. -№7. -3-43с.

- 40) Абдуҳамид Самад. *Гардиши девбод. Охири роман* / А. Самад // Садои Шарқ. -2007. -№9. -16-80с.
- 41) Аброр Зоҳир. *Ибни Лодан. Роман-памфлет* /А. Зоҳир // Садои Шарқ. -2010. -№12. -10-81с.
- 42) Аброр Зоҳир. *Майдон. Роман* /А. Зоҳир // Садои Шарқ. -2009. -№7. -9 -69с.
- 43) Бобобек Раҳимӣ. *Аз таърихи наири осори Бедил* / Б. Раҳимӣ // Садои Шарқ. -2008. - №11. - 122-143с.
- 44) Истад Қосимзода. *Ошиқ будаем рӯзе. Қисса* / И. Қосимзода // Садои Шарқ. -2008. -№10. -45-86с.
- 45) Кароматулло Мирзоев. *Дар орзуи падар. Роман* / К. Мирзоев // Садои Шарқ. -2009. -№1. -12-53с.
- 46) Лутфишоҳи Додо. *Гуроз. Қисса* / Л. Додо // Садои Шарқ. -2008. -№2. -5-41с.
- 47) Маъруф Бобоҷон. *Тавба. Пора аз қисса* // Садои Шарқ. -2009. -№4. -23-39с.
- 48) Матлубаи Ёрмирзо. *Имон. Қисса* / М. Ёрмирзо // Садои Шарқ -2008. -№3. -10-57с.
- 49) Мирзо Саттор. *Нолаи хомӯш. Қисса* / М. Саттор // Садои Шарқ. -2008. -№10. -6-38с.
- 50) Муҳаммад Ғоиб. *Сарҳади инсоф. Ҳикоя* / М. Ғоиб // Садои Шарқ. -2010. - №11. -48-53 с.
- 51) Муҳиб Қурбон. *Вақте ки ях об мешуд...Ҳикоя* / М. Қурбон // Садои Шарқ. -2010. -№01. -15-21 с.
- 52) Раҷаб Мардон. *Девонагии марди хушёр* / Р. Мардон // Садои Шарқ. 2010. -№7. -69-78 с.
- 53) Сайидаҳмади Зардон. *Ваҳш. Роман* / С. Зардон // Садои Шарқ. - 2010. -№5. -9-66с.
- 54) Сайидаҳмади Зардон. *Даври ҳафт табақаи замин. Қиссаи нав* / С. Зардон // Садои Шарқ. -2007. - №10. -6-44с.
- 55) Сорбон. *Санам. Қисса* / Сорбон // Садои Шарқ. -2010. -№11. - 7-44с.
- 56) Сотим Улугзода. *Фирдавсӣ. Роман* / С. Улугзода. -Душанбе: Адиб, 1991. - 256с.
- 57) Тугелбой Сиддиқбеков. *Дар миёни кӯҳсор. Китоби дуйӯм* / Т. Сиддиқбеков; тарҷ. Ҷ.Одинаев. -Душанбе: Нашириёти Давлатии Тоҷикистон, 1962. - 558с.
- 58) Убайд Раҷаб. *Бародархонд* / У. Раҷаб // Садои Шарқ. -2009. -№2. -57-89с.
- 59) Ҷрун Кӯҳзод. *Ҳайҷо. Роман* / Ҷ. Кӯҳзод // Садои Шарқ -2009. -№10. -3-57с.

- 60) Чингиз Айтматов. Нахустин устод. Повестҳо / Ч.Айтматов; тарҷ. Ҳ.Аҳ-
рорӣ. – Душанбе: Адиб, 1988. -176с.
- 61) Чингиз Айтматов. Қиёмат. Роман / Ч.Айтматов; тарҷ. И. Қосимзода. -
Душанбе: Адиб, 2006. -474с.
- 62) Чингиз Айтматов. Турнаҳои бармаҳал. Повестҳо // Ч. Айтматов; тарҷ.
Б.Абдурахмонов. –Душанбе: Адиб, 1988.-176с.
- 63) Ҷалол Икромӣ. Муомила бо одам. Очерк / Ҷалол Икромӣ // Садои Шарқ. -
2007. -№12.- 81-96с.
- 64) Холиқ Мирзозода. Самарқанд. Аввали роман / Х.Мирзозода // Садои
Шарқ. -2009. -№11. -25-86с.
- 65) Холмуроди Ашӯрзод. Умеде аз ноумедиҳо. Очерки таърихӣ /Х. Ашӯрзод //
Садои Шарқ.-2010.-№2.-62-95с.
- 66) Шералӣ Мусозода. Қомати сабзи имон. Повест / Ш. Мусозода // Садои
Шарқ.-2007.-№ 12.-5-63с.
- 67) Шоҳмузаффар Ёдгорӣ. Талош. Роман / Ш. Ёдгорӣ // Садои Шарқ. -2009. -
№8. -10-68с.
- 68) Шоҳмузаффар Ёдгорӣ. Талош. Охири роман / Ш. Ёдгорӣ // Садои Шарқ.
-2009. -№9. -6-52с.
- 69) Юнус Юсуфӣ. Нигоҳ. Ҳикоя / Ю.Юсуфӣ // Садои Шарқ.-2009.- №8.-72-
78с.

На русском языке:

- 70) М.Горький. Рассказы. Пьесы. Мать / Горький. М ; Вступит. статья Ал.
Овчаренко. -М.: Художественная литература, 1978. -670с.
- 71) Чингиз Айтматов. Джамия. Повесть / Ч.Айтматов; пер. А. Дмитрие-
вой // Повести и рассказы.Однотомник.-Фрунзе: Кыргызстан,1978.-620с.
- 72) Чингиз Айтматов. Первый учитель. Повесть / Ч.Айтматов; пер. авт. и
А.Дмитриевой // Повести и рассказы. Однотомник.-Фрунзе: Кыргызстан,
1978.-620с.
- 73) Чингиз Айтматов. Прощай Гульсары! Повесть / Ч.Айтматов // Повес-
ти и рассказы. Однотомник. -Фрунзе: Кыргызстан, 1978. -620с.
- 74) Чингиз Айтматов. Ранние журавли. Повесть / Ч. Айтматов // Повес-
ти. -Москва: Художественная литература, 1989. -432с.
- 75) Чингиз Айтматов. Плаха. Роман / Ч.Айтматов // Романы. Повесть.-
Фрунзе: Кыргызстан,1988. -656с.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

акад. – академик;

буд. вр. - будущее время;

букв. – буквально;

вспом. – вспомогательный;

гл. - глава;

деепр. - деепричастие;

и т. д. – и так далее;

и др. - и другие;

л. – лицо;

лит. – литературный;

л.о. – личное окончание;

наст. вр. - настоящее время;

осн. - основной;

п. - пункт;

погов. - поговорка;

пр. – пример;

прош.вр. - прошедшее время;

проф. - профессор;

публиц. - публицистический;

разг. – разговорный;

разл. - различный;

см. - смотреть;

ср. – сравнить;

табл. - таблица;

тж. – также;

т.н. - так называемый;

ф.в. - фонетический вариант;

ф.вр. - форма времени.